

ПРАВО И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Выпуск 1

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

ПРАВО И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Материалы
Международной научно-практической
конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов,
магистрантов, аспирантов*

25 апреля 2014 г.

Выпуск 1

Саратов
Энгельс
2014

УДК 342.9

ББК 67.401

П 68

Право и правоохранительная деятельность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Вып. 1. Саратов, Энгельс: Ред.изд. центр Поволжского кооперативного института, 2014. 289 с.

ISBN 978-5-8031-0188-8

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

Доктор юридических наук, профессор **Ю.В. Францифоров** (отв. редактор);

Кандидат юридических наук **Е.О. Глухова** (зам. отв. редактора);

Доктор юридических наук, профессор **Н.Т. Разгельдеев**;

Доктор юридических наук, профессор **В.Г. Анненкова**;

Кандидат юридических наук, доцент **С.В. Шошин**;

Кандидат юридических наук, **Ю.С. Комягина**;

Кандидат юридических наук, доцент **Н.Н. Лапунина**;

Кандидат юридических наук, доцент **И.Н. Туктарова**;

Кандидат юридических наук, доцент **Ф.А. Вестов**;

Кандидат юридических наук, доцент **В.Я. Решетников**;

Кандидат юридических наук **Т.А. Дураев**;

Кандидат юридических наук, доцент **Е.С. Шуршалова**.

УДК 342.9

ББК 67.401

ISBN 978-5-8031-0188-8

© Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
© Коллектив авторов, 2014

В.А. Афицинский

к.ю.н., доцент кафедры Антикризисного управления,
финансов и кредита, факультета
Экономики и управления,
Забайкальского государственного университета

**ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
ПО НЕОПОЗНАННОМУ ТРУПУ:
ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКОГО
ПРИМЕНЕНИЯ**

Создание правового государства, в котором будет доминировать принцип верховенства закона и его строгого соблюдения всеми гражданами, является одной из основных целей осуществляемых грандиозных преобразований в современном российском обществе. В то же время масштабы и темпы роста современной преступности стали одним из факторов, препятствующих достижению этой цели. Обострение современной криминогенной обстановки в стране реально ухудшает жизнь населения, порождает у граждан чувство тревоги за свою жизнь и благополучие, снижает доверие к органам власти и проводимым в Российской Федерации реформам.

Современное состояние преступности характеризуется постоянным количественным ростом числа совершаемых преступлений и тенденциями негативного качественного изменения современных преступников и совершаемых ими деяний, среди которых особое значение приобретают повышение уровня профессионализма, использование новых орудий и способов преступной деятельности, применение в преступных целях последних достижений современной мировой науки и техники.

В связи с этим на новый качественный уровень выходит и требование закона о быстром, полном, объективном и всестороннем раскрытии и расследовании преступлений, отождествлении личности неизвестных

граждан и поимке преступников, а, значит, существенно повышаются требования к оперативности и эффективности работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Их деятельность, в свою очередь, во многом зависит от качественной работы криминалиста, его знаний, умений и навыков. Обнаруженные и процессуально закрепленные на месте совершения преступления следы, вот основа оперативного раскрытия и расследования преступных посягательств и установление личности погибших.

Правительством РФ неоднократно указывалось, что основные усилия в повышении эффективности раскрытия и расследования тяжких преступлений необходимо сосредоточить на внедрении в практику деятельности правоохранительных органов современных информационных технологий, программно-технических средств, коммуникационных средств приема передачи информации, создании единой информационно-вычислительной сети и интегрированных банков данных на основе типизации и унификации проектных решений.

В данных условиях существенное значение приобретает внедрение компьютерных технологий в деятельность криминалистов и судебных медиков, что должно кардинальным образом отразиться на конечном результате осуществляемых экспертных исследований, а, следовательно, и на качестве всего проведенного расследования по возбужденному уголовному делу. В пользу такого утверждения говорит отечественный и зарубежный опыт внедрения средств вычислительной техники в отдельные сферы судебно-экспертной деятельности.

Практика компьютеризации судебно-экспертной деятельности показывает, что отсутствие единого общего подхода к решению столь важной проблемы неизбежно приводит к созданию локальных ведомственных, региональных и отраслевых компьютерных систем, никак не связанных между собой в информационном, методическом и программном отношениях.

Несмотря на имеющийся научный и практический задел в области компьютеризации судебно-экспертной деятельности, остается до сих пор нерешенным целый комплекс принципиально важных вопросов, связанных с правовыми и организационно-методическими проблемами внедрения и использования компьютерных технологий и вычислительной техники в экспертную практику. Представляется, что это связано с тем, что до сих пор максимум внимания уделялось разработке теоретических основ и конкретных методов автоматизированного производства экспертиз. Решение же общих методических и организационных вопросов компьютеризации судебно-экспертной деятельности отодвигалось на будущее.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что существующее методическое и программное обеспечение компьютеризации этой деятельности создавалось на научно-технической базе 80-х годов, было на нее ориентировано и сейчас устарело. Особую обеспокоенность следует отнести к разработкам по отождествлению личности неизвестных граждан, т.к. при обнаружении трупа - это является основным критерием к скорейшему раскрытию и расследованию насильственных убийств и установлению лиц, их совершивших, а также поиску без вести пропавших.

На территории России ежегодно обнаруживают трупы неизвестных граждан, погибших в результате несчастных случаев, скоропостижной смерти и преступных посягательств, нередко замаскированных под без вести пропавших.

Основные причины слабой работы по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам, на наш взгляд, являются:

- слабое организационное, методическое и техническое обеспечение специалистов;
- недостаточный контроль;
- низкая требовательность и исполнительность;
- халатность сотрудников к исполнению своих служебных обязанностей в проведении осмотра места происшествия, не умение их обнаружить,

зафиксировать, документировать и установить механизм следообразования.

Изученный нами практический опыт работы следственно-оперативных групп, на месте проведения осмотров трупов, позволяет сделать определенные выводы об общих ошибках, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов, в конечном итоге не приносящих эффективности в отождествлении.

Согласно статистических данных только в 17% случаях осмотры проводятся с участием эксперта-криминалиста, судебно-медицинского эксперта – в 33%, с участием следователя прокуратуры – в 50%, а в 25% случаев осмотр места обнаружения трупа не проводился вообще.

Так, в частности, на местах осмотра в 70% случаев трупы не дактилоскопируются, в 30% не фотографируются, ногтевое содержимое изымается за редким исключением, опознавательные карты составляются небрежно или вообще отсутствуют, части скелета, оставшаяся одежда и другие предметы не изымаются и протокол осмотра составляется не качественно, что является грубым нарушением п. 2.5.2. Приказа МВД РФ от 13.11.1998 г. № 744 «О мерах по совершенствованию розыскной деятельности органов внутренних дел»[2,с.4]. В большинстве случаев не отражаются особенности места обнаружения трупа, и оно не фотографируется, после того как объект был перемещен, Информация о внешности умершего, его одежде фиксируются не полностью и не квалифицированно, а графа «С места происшествия изъяты», остается пустой.

Основные действия оставляют проводить судебным медикам в морге, чем затягивается время раскрытия преступлений, и установление личности по горячим следам. Порой судебно-медицинское исследование трупов неизвестных граждан, в том числе с признаками насильственной смерти, выполняется без постановления о производстве экспертизы, а на основе препроводительных писем следователей или сотрудников органа дознания. В

подобных документах, если их можно так назвать, ставится только один вопрос – об установлении причины смерти, а задание на выявление, сбор и фиксацию идентификационных признаков не формулируется. Следовательно не требует детального исследования и описания признаков внешности трупа по общепринятой системе словесного портрета, характерных примет, зубного аппарата, групповой принадлежности крови, описания одежды, данных размерах головы, длине тела, стопы, а в случае обнаружения трупа женщины – сведений о беременности и родах и т.д.

Сотрудники правоохранительных органов не присутствуют при судебно-медицинском отождествлении опознаваемых трупов и не используют эту возможность для выявления и уточнения данных, необходимых для установления личности.

Несвоевременно возбуждаются уголовные дела по факту без вести пропавших лиц, а особенно при криминальных обстоятельствах.

Картотеки, пополняемые на основе опознавательных карт на без вести пропавших, психически больных лиц, ушедших из дома или учреждения, где они содержались; несовершеннолетних, ушедших из дома, школ-интернатов, детских домов, а также бежавших из приемников-распределителей, специальных школ и специальных училищ; лиц, утративших связь с близкими родственниками, а также супругов, утративших связь между собой, не пополняются, тогда как сроки и порядок постановки на учет установлены.

О каком расследовании может идти речь, когда личность гражданина не установлена.

Причина, думается, кроется в следующем:

- малоэффективное технико-криминалистическое, судебно-медицинское и информационное обеспечение следственных, экспертно-криминалистических и розыскных органов;
- отсутствие должной квалификации сотрудников в заполнении опознавательных карт;

- не понимание значения своевременности, полноты, объективности и достоверности сбора, фиксации и документирования вещественных доказательств;
- ведомственная разобщенность в обмене полученной информации;
- отсутствие надлежащего внимания, требовательности и контроля со стороны руководства по исполнению ведомственных нормативных актов.

Это отрицательно сказывается на результатах работы в отождествлении личности по неопознанным трупам неизвестных граждан, что приводит к негативной оценке всей деятельности правоохранительных органов.

Сотрудник, производящий осмотр места совершения преступления или обнаружения трупа, должен осознавать, что от его действий зависит эффективность в расследовании и раскрытии самого противоправного деяния, а также отождествления личности неизвестного гражданина.

Правоохранительные органы, превратились в обычных статистов, фиксирующих преступления и правонарушения. Сама система процентной раскрываемости устарела, и пользы от нее гражданам нет никакой. Необходимо перенимать передовой опыт зарубежных стран, когда начальник полиции отчитывается о проделанной работе за определенный срок, на вверенном ему участке, жителям, проживающим на нем и являющимися налогоплательщиками. Нам, как налогоплательщикам, проценты раскрываемости не нужны, нам нужен порядок на наших улицах и в домах.

Не все экспертно-криминалистические подразделения УМВД Забайкальского края, Амурской и Иркутской областей, Агинского Бурятского автономного округа, Республики Бурятия укомплектованы должностью медика-криминалиста. Тогда как положительный опыт в этом вопросе имеется, например, в УМВД Омской области создано медико-криминалистическое отделение экспертно-криминалистического управления (МКО). В этом подразделении накоплен богатый опыт, налажено тесное взаимодействие с судебно-медицинским учреждением и результаты

проведения экспертиз на высоком уровне. Данное попустительство также является нарушением п.10.7 Приказа МВД РФ от 13.11.1998г № 744. Не в полной мере используются возможности, предоставленные Федеральным законом от 25 июля 1998 года «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»[1, с.2-3]. И совсем не создаются картотеки генетических отпечатков, положительно зарекомендовавших себя в расследовании убийств, изнасилований и идентификации преступников и трупов. Генный код, как и группу крови, можно будет представлять в документах, медицинских картах, и тогда при помощи компьютерной техники, в кратчайший срок, появится возможность обмена имеющейся информацией с заинтересованными спецслужбами, службами спасения, медицинскими и военными учреждениями различных регионов и государств.

Еще один критерий – ведомственная разобщенность, отсутствие единых научно-практических рекомендаций между оперативными и экспертными подразделениями МВД России и судебно-медицинскими учреждениями Минздрава РФ, также отрицательно сказывается на конечном результате работы.

В ряде городов создаются специализированные справочно-информационные службы под названием «Бюро регистрации несчастных случаев», где любой человек может прийти и сделать заявление о без вести пропавшем. Назрела такая необходимость создания службы и в Забайкальском крае. Необходимо совместно с органами исполнительной власти края и муниципальных образований согласовать этот вопрос.

Для эффективности работы необходимо организовать проведение семинаров с лицами, осуществляющими научную работу в этом направлении, судьями, сотрудниками органов прокуратуры и бюро судебно-медицинских экспертиз.

В науки криминалистики тема идентификации, осуществляющаяся строго в рамках уголовного процесса, занимает специфическое место. Она носит ретроспективный, опосредованный характер, т.е. рассматривает

события не непосредственно в процессе их протекания, а по всевозможным источникам, отображающим уже свершившееся в различных следах взаимодействия материальных тел, зафиксированных сведениях об изменениях, произошедших в период события.

Идентификация имеет еще одну особенность, заключающуюся в ее конечной цели – установлении конкретных единичных объектов. Так, при идентификации кроме останков, исследуют сравнительные материалы на разыскиваемых лиц, а также используют значительное количество самых разных, по сути, и методологической основе способов и приемов исследования.

Подводя некоторые итоги предпринятого исследования, необходимо сделать следующие выводы.

В идентификационных экспертизах все объекты делятся на идентифицируемые и идентифицирующие. В экспертизах по установлению личности неопознанных граждан отождествляемыми объектами будут являться те, происхождение которых от какого-либо конкретного индивида неизвестно и требует установления экспертным путем. К таким объектам относятся:

- 1) нативные материалы;
- 2) материальные отображения нативных объектов, к которым следует отнести:
 - фотоснимки неопознанного трупа и его частей;
 - фотоснимки неопознанного скелета;
 - маски и слепки с отдельных частей тела трупа;
 - рентгенограммы трупа или частей скелета;
 - описание особенностей трупа, его размеров и признаков внешности;
 - данные остеологических исследований (остео- и краниоскопия, остео- и краниометрия).

Отождествляющие объекты выступают средствами идентификации личности неизвестного гражданина по неопознанному труп. Принципиально важной относящей эти объекты к идентифицирующим, является их заведомо известное происхождение от конкретного разыскиваемого лица. Тождество останков этого лица необходимо установить или исключить. По сути, идентифицирующие объекты представляют собой образцы от конкретной и известной личности и подразделяются на следующие группы:

1) сохранившиеся нативные биологические объекты: образцы крови, пота, волос, тканей внутренних органов, удаленные или выпавшие при жизни зубы и т.д.;

2) прижизненные материальные отображения:

- фотоизображения, рентгенограммы;
- кино- и видео записи;
- дактилоскопические карты, отпечатки пальцев на предметах;
- данные о стоматологическом статусе;
- сведения об аномалиях развития, заболеваниях и травмах; результаты прижизненных серологических и генетических анализов, антропометрических исследований;
- предметы одежды, головные уборы, обувь, протезы, слепки, иные предметы и следы, отображающие физические и функциональные особенности разыскиваемого лица.

Основное значение при определении порядка исследований имеет правильный выбор методов исследования и очередность их применения. Общеизвестным и основополагающим принципом, определяющим последовательность использования того или иного метода исследования в любой экспертизе, является необходимость, как можно дольше сохранить первоначальные свойства объектов для максимально полного их изучения. Каждый применяемый способ их исследования не должен влиять на те свойства объектов, которые могут быть изучены другими способами. Этим в

значительной мере определяется очередность применения методов: от не изменяющих признаков объектов к разрушающим.

Возрастающая миграция населения, рост количества лиц без определенного места жительства, лиц потерявших родственные связи, указывает на тенденцию к увеличению лиц без вести пропавших и неопознанных трупов граждан. В связи с чем, повышается объем оперативно-розыскных мероприятий, направленных на данную линию работы, что приводит к росту нагрузки на оперативных работников и, как следствие, снижению результативности оперативно розыскных мероприятий.

Существующая система розыска лиц без вести пропавших и установления личности по неопознанным трупам граждан, в настоящее время не достаточно эффективна и не может справиться с возрастающей нагрузкой, т.к. ей свойственна разобщенность информационных потоков, экстерриториальность, недостаточная подготовленность сотрудников.

На характерном примере УМВД Омской области рассмотрим деятельность сотрудников МВД РФ по установлению личности граждан по неопознанным трупам. Так, при обнаружении неопознанного трупа, особенно гнилостно измененного или скелетированного, и отсутствия версии, о личности погибшего, возникают большие трудности при идентификации личности, а порой и не возможность установления личности. Момент исчезновения человека и обнаружения трупа могут быть разделены территориально и хронологически. В связи с этим важен сбор идентифицирующей информации по неопознанному трупу, пропавшему без вести и ее анализ. В настоящее время розыском без вести пропавших и установлением личности неопознанных трупов в УМВД области занимаются следующие подразделения: Информационный Центр УМВД, отдел розыска Управления Уголовного Розыска УМВД, Экспертно-криминалистическое управление.

Экспертами производится сбор первичной идентифицирующей информации по неопознанному трупу в максимально короткие сроки с

момента его обнаружения по отношениям, выносимыми сотрудниками УР. В свою очередь эксперты не располагают данными по всем неопознанным трупам, поступающим в морги города. Например, в августе 2003г. труп находящегося в федеральном розыске гр. Азимова, поступивший из городской больницы № 1 в морг не осматривался в течение месяца, и его идентификация стала возможной после длительного восстановления папиллярного узора гнилостно измененных пальцев рук, с применением специальных методик. Судебными медиками проводился весь комплекс экспертных действий направленных на сбор идентифицирующей информации по гнилостно измененным и скелетированным трупам, вплоть до изготовления наиболее вероятного внешнего облика по черепу неопознанного трупа. Рисунки реконструкции внешнего облика передаются сотрудникам уголовного розыска и прокуратуры, в дальнейшем они используются не в должном порядке. В ЭКЦ УМВД нет ни одного рисунка реконструкции (только за 2002г. изготовлено 65 рисунков реконструкции внешнего облика). Рисунки реконструкции внешнего облика на опознавательные карты не наклеиваются и в ИЦ УМВД, а так же в ГИЦ МВД РФ не поступают. Таким образом, собираемая судебными медиками информация до подразделений по без вести пропавшим доходит не в полном объеме, что значительно снижает и замедляет эффективность работы по установлению личности неопознанных трупов.

Для повышения эффективности и результативности работы в данном направлении необходимо создавать Поисково-идентификационные центры, в которые включить два подразделения: 1) поисково-аналитическое, производящее сбор и анализ информации по лицам без вести пропавшим и поиску преступников, находящихся в розыске; 2) медико-криминалистическое, осуществляющее сбор информации по не установленным больным и неопознанным трупам граждан. Проводить сбор идентификационной информации по лицам, без вести пропавшим и преступникам, находящимся в розыске с обязательным осмотром места их

последнего проживания, с целью изъятия биологических следов и следов рук, фотоснимков, медицинской документации, имеющей идентификационно-поисковое значение.

А также проведению следующих оперативно-розыскных мероприятий:

1) получение информации по неизвестному больному и неопознанному трупу, в том числе по трупу, находящемуся в состоянии гнилостного изменения или скелетированного, медиком-криминалистом;

2) обобщение информации по лицам без определенного места жительства из специального приемника или приемника-распределителя (видео- фото- съемка внешности, особых примет, дактилокарта);

3) анализ информации по неизвестному больному, неопознанному трупу и без вести пропавшему, преступнику, находящемуся в розыске проводить специалистом – габитоскопистом, медиком-криминалистом.

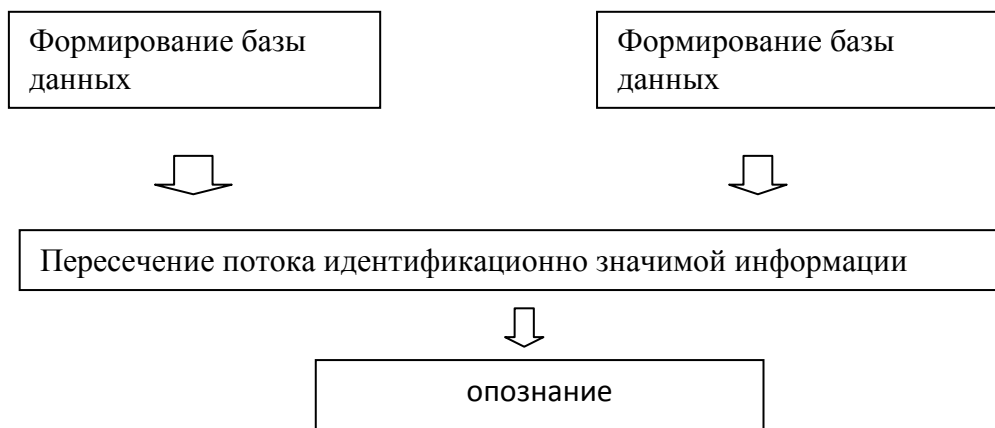
Указанные подразделения были бы связующим звеном между двумя ведомствами и помогали бы в оперативно-розыскной работе.

Также с целью повышения эффективности работы направленной на идентификацию личности неизвестного гражданина по неопознанному трупу и розыску без вести пропавшего необходимо разработать алгоритм проведения мероприятий (Схема 1):

Схема 1

Примерный алгоритм проведения мероприятий по идентификации личности неопознанного трупа и розыску без вести пропавшего

Необходимо также, чтобы обработка поступающей информации производилась сотрудниками, имеющими опыт работы с идентифицирующей информацией, словесными портретами, рисунками реконструкцией внешнего облика, фотоматериалами и обладающими специальными познаниями. С этой целью целесообразно создать во всех экспертных подразделениях медико-криминалистическую службу ЭКУ УМВД РОССИИ.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон № 128–ФЗ от 25.07.1998г. «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (Российская газета, № 266, 26.07.1998);
2. Приказ МВД России от 13 ноября 1998 г. № 744 «О мерах по совершенствованию розыскной деятельности органов внутренних дел». (Российская газета, № 379, 14.11.1998);
3. Приказ МВД России от 19 августа 1999 г. № 617 «О вводе в эксплуатацию автоматизированной информационной системы «Алфавит-карточка»
4. Приказ МВД России от 6 декабря 1999 г. № 994 «Об упорядочении отдельных направлений управленческой деятельности МВД России».
5. Приказ МВД России от 22 декабря 1999 г. № 1070 «О внедрении программно-технического комплекса «Розыск-магистраль» в органах внутренних дел на транспорте.
6. Приказ МВД России от 22 мая 2000 г. № 558 дсп «О создании автоматизированного банка данных коллективного пользования АБД-СИФ».
7. Приказ МВД России от 31 мая 2000 г. № 026 «О Концепции развития подразделений оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел на период до 2005 г.».
8. Приказ МВД России от 26 июня 2000 г. № 684/184/560/353/257/302 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудников правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации по линии Интерпола». Научная библиотека диссертаций и авторефератов disser Cat <http://www.dissercat.com/content/mekhanizm-sovershenstvovaniya-sistemy-upravleniya-organami-vnutrennikh-del-organizatsionno-p#ixzz2yOjaQbnI>
9. Афицинский В.А. Криминалистическое обеспечение деятельности по установлению личности неопознанного трупа: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тюменский гос. универ. МВД РФ – Тюмень, 2009г. – 238 с.

10. Жаглин А.В. Совершенствование информационного обеспечения оперативного управления органами внутренних дел (организационные и правовые аспекты): Дис. канд. юрид. наук. / Академия управления МВД России.—М., 1998. —206 с.
11. Миронов Я.А. Техническое обеспечение органов внутренних дел: Проблемы управления: / Под ред. Минаева В.А.; Академия управления МВД РФ. - М., 1998. - 268 с.
12. Сикерин В.Г. Совершенствование организации и принципов материально-технического обеспечения органов внутренних дел и внутренних войск, действующих в особых условиях: Дис. канд. эконом. наук./Академия управления МВД России.- М., 1998.- 167с.
13. Сильченков А.Ф. Повышение эффективности управленческого труда (Методологические аспекты). — М.: Экономика, 1981. — 128 с.
14. Системно-структурный подход к совершенствованию аналитической работы в органах внутренних дел в условиях создания, функционирования и развития ОАСУ (ЕИВС). — М.: Академия МВД СССР, 1992. — 27 с.
15. Скрычев А.М. Организация работы с кадрами в образовательных учреждениях среднего профессионального образования МВД России (Социально-правовой аспект): Дис. канд. юрид. наук. / Академия управления МВД России. — М., 1998. —217 с.

М.Т. Аширбекова,
д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФБГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ».
Волгоградский филиал.

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ ОБЪЕКТИВНОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ИСТИН В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

С точки зрения здравого смысла не может вызвать сомнения, что истина — это выводы, знания о познаваемом объекте, но не сам познаваемый объект. В уголовном процесс таким объектом выступают фактические обстоятельства общественно-опасного деяния, уже получившие правовое оформление в таком понятии как конкретный состав преступления. Вместе с тем, в настоящее время имеются и предложения о законодательном закреплении понятия «объективная истина».

Так, законопроектом № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [1] предложено определять объективную истину как соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения.

Понятно, что правоприменительные выводы по вопросам факта, излагаемые в итоговых процессуальных решениях, должны отражать тот круг фактических обстоятельств дела, которые имеют юридическое, уголовно-правовое значение. Очевидно, что установление этих обстоятельств – цель правоприменения. Само же правоприменение процедурно оформляется уголовным процессом, вне зависимости от того, как сконструировано в нем доказывание. Известно, что именно правила доказывания различают объективную и формальную истины.

Объективная истина – цель, к которой надо стремиться и устанавливать не только усилиями сторон, но и что важно, активными усилиями суда. Формальная истина – результат доказывания, то есть то, что удалось доказать в состязательном уголовном процессе исключительно усилиями сторон. Конечно же, этим различие не исчерпывается. Существуют конкретные положения, проявляющие суть доказывание в уголовном процессе с доминированием состязательных начал или с преобладанием публичных начал, которые часто понимаются как розыскные начала, свойственные инквизиционному процессу.

В нормах доказательственного права в системе российского уголовно-процессуального права соседствуют положения, явно ориентированные на достижение объективной истины (назовем их инструментами объективной истины), и положения, ориентированные на формальную истину (соответственно, назовем их инструментами формальной истины).

Одним из таких инструментов формальной истины является презумпция невиновности. В советском уголовном процессе, который никто

не называет чисто состязательным, в доказывании также использовалась презумпция – презумпция невиновности, на что указывают положение об основании оправдательного приговора – не доказано участие подсудимого в совершении преступления (ст.309 УПК РСФСР). Но с другой стороны в советском уголовном процессе допускалось возложение функции уголовного преследования на суд, что выражалось в его полномочии возбуждать уголовное дело, возвращать его на дополнительное расследование. Допускал он и активность суда в судебном следствии. В итоге – баланс инструментов объективной и формальной истин нарушался.

В современном же российском уголовном процессе концентрация инструментов формальной истины (преюдиций, презумпций), как представляется, не столь значительна, чтобы рассматривать их как существенную погрешность в установлении объективных правоприменительных выводов. Однако концентрация инструментов объективной истины с внесением изменений в ст. 237 УПК РФ Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ [2] ставит под угрозу сложившийся баланс моментов объективной и формальной истин. Так, в положениях нового пункта 6 ч.1 и ч.1.3 ст. 237 УПК РФ указывается на требуемую реакцию суда, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления.

Ясно, что такие фактические обстоятельства, выходящие за пределы актов должностного обвинения, могут неожиданно обнаружиться в ходе только судебного следствия, потому что без доказывания того, что было заявлено как существо обвинения, они проявиться не могут. Соответственно указание на такую возможность на предварительном слушании – явный инструмент объективной истины, необоснованно помещенный в закон. Безусловно, приведенные положения, обязывающие суд устанавливать такие обстоятельства – отход от состязательности. Кроме того, в законе не

прописаны способы использования судом этого инструмента, поскольку порядок производства судебных действий остался прежним.

Тем не менее, думается, что положения п.6 ч.1 и ч.1.3. ст. 237 УПК РФ как инструменты объективной истины – вынужденные. Они, действительно, работают на публичный интерес, состоящий, как представляется, в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности. Однако, заметим, что само упоминание о неотвратимости уголовной ответственности нередко воспринимается как нечто «кровожадное», безнадежно инквизиционное.

Подчеркнем, что речь вовсе не идет о неотвратимости наказания. Уголовная ответственность может быть и с освобождением от наказания. Об уголовной ответственности оправданно говорить как о правовом средстве, поддерживающем развитие и реализацию охранительных уголовно-правовых отношений и, в конечном итоге, обеспечивающем работу механизма уголовно-правового регулирования. В противном случае, и уголовное право (вечно карательное, в большей или в меньшей степени в зависимости от уголовной политики), и уголовный закон теряют свой смысл. Уголовная ответственность, как вид юридической ответственности, выполняет свойственную праву в целом организующую (регулятивную) функцию [3, с. 421].

Именно в этом смысле она должна быть неотвратимой.

Тем не менее, усиление инструментов объективной истины в п.6 ч.1 и ч.1.3. ст. 237 УПК РФ налицо, хотя и смягчено запретом суду «делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера».

Как видим, в рамках приведенных новелл обнаруживается стремление законодателя к равновесию между инструментами объективной истины и формальной истины. Равновесие же должно быть таковым, чтобы характеризовать в итоге результат (истину) как выводы, основанные на согласованных и поддающихся проверке доказательствах. Поэтому следует

согласиться с мнением А.А. Кухты: «Учение о судебной истине должно стать максимально синтетическим: материалистическое понимание истины можно дополнить концепциями формальной, когерентной, договорной истины. Постнеклассическая теория истины требует адекватности полученного знания действительности и одновременно – согласованности суждения суда с другими истинными суждениями, его убедительности с позиции логики, этики, здравого смысла» [4].

Вне зависимости от способа добывания истины (в розыском или состязательном процессе) с точки зрения устойчивости работы механизма правового регулирования, инструменты формальной истины проявляется также в признании презумпции истинности приговора. Вступивший в законную силу приговор по причине действия принципа правовой определенности считается истинным. Этот принцип стремиться законсервировать презумпцию истинности приговора. В нормах УПК РФ это выражено в том, что вступивший в законную силу приговор может быть обжалован только по вопросам права, да и то в определенный срок - в течение одного года со дня его вступления в законную силу (ч.3 ст.401.2 УПК РФ). Кроме того, установлен срок для пересмотра судом приговора и иного судебного решения по мотивам, ухудшающим положение оправданного, осужденного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, - срок, не превышающий один год со дня вступления их в законную силу (ст.401.6 УПК РФ). Указанные ограничения – инструменты формальной истины. Соответственно, если сторонами не предприняты меры к обжалованию и своевременному пересмотру, то может случиться, что неистинный приговор благополучно продолжит свое бытие. Более того, он приобретает преюдициальную значимость (ст.90 УПК РФ).

Одним из её смыслов презумпции истинности приговора, как думается, является понимание того, что поиск истины должен быть ограничен. Поэтому возможность опровержения презумпции истинности приговора также зависит от концентрации либо поддерживающих её инструментов

формальной истины, либо угрожающих ей инструментов объективной истины.

Надо согласиться, что до случившегося изменения системы судебно-проверочного производства Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [5] коридор для пересмотра вступившего в законную силу приговора по вопросам факта был. Но и по новым порядкам кассационной и надзорной проверки вступившего в законную силу приговора не исключается пересмотр приговора по фактическим основаниям, поскольку основаниями для его отмены выступают существенные нарушения уголовного закона и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ч.1 ст.401.15 УПК РФ). В данном случае также проявляется стремление к объективной истине, но освященное причинами формального порядка – нарушением процессуальной формы (для случаев существенных нарушений уголовно-процессуального закона).

Подводя итог приведенным рассуждениям, можно отметить, что многое в уголовном процессе зависит от баланса инструментов объективной и формальной истины. Их соотношение должно отражать, в конечном счете, соотношение исходных для них соответственно публичных и частных начал, обеспечивать устойчивость механизма уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования.

Список использованной литературы:

1. Паспорт проекта Федерального закона N 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы СПС «Консультант-Плюс», 2014. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.08.2014.)
2. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2014 N 269-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

3. Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М. : ИНФРА*М – НОРМА, 1997.
4. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... докт.юрид.наук. Нижний Новгород, 2010. URL: <http://www.iuaj.net/> (дата обращения:: 17.08.2014.)
5. Российская газета. 2010. 31 декабря.

М.А. Баранова

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «СГЮА»

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопросам полномочий следователя, дознавателя при проверке заявлений и сообщений о преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела в отечественной уголовно-процессуальной науке посвящено немало исследований. Абсолютное большинство ученых говорят о принципиальной необходимости института доследственной проверки, и насущной потребности его совершенствования, в том числе - за счет расширения набора проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку как отмечает С. Бородин, «стадия возбуждения уголовного дела является процессуальной гарантией от необоснованного привлечения к уголовной ответственности для одних граждан и необоснованного вовлечения в орбиту уголовного судопроизводства – для других» [5, с. 224]. Другие ученые придерживаются мнения, что сам институт неэффективен и существование свое не оправдывает. С. Сереброва считает, что стадию возбуждения уголовного дела следует считать «...служебным, скользящим актом досудебного производства» [3, с. 142-143].

Производство следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, выступая предметом многочисленных споров среди юристов, и по сей день имеет в российском уголовном процессе свою историю. Так, согласно ст. 178 УПК РСФСР, на стадии возбуждения

уголовного дела следователь имел право производить лишь одно следственное действие – осмотр места происшествия. Принятый в 2001 году УПК РФ закрепил право следователя на стадии возбуждения уголовного дела, помимо осмотра, производить освидетельствование и назначать судебную экспертизу.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внес ряд дополнений в порядок проверки сообщений о преступлениях, и, в частности, в ст. 144 УПК РФ, регламентирующую порядок рассмотрения сообщения о преступлении [1].

В новой редакции части 1 статьи 144 УПК РФ, в перечень процессуальных средств проверки сообщений о преступлении включены получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, их изъятие в порядке, предусмотренном УПК, назначение судебной экспертизы, принятие участия в ее производстве и получение заключения эксперта в разумный срок. Расширив перечень возможных средств, законодатель не предвидел ряд проблем, возникающих сегодня на практике в связи с внесенными в закон изменениями.

Так, одним из нововведений является право следователя (дознателя) получать объяснения. Данное право нельзя считать принципиальной новеллой в силу того, что оно существовало в УПК РСФСР 1960 года, несколько в иной редакции. Сегодня вновь введенное полномочие порождает ряд вопросов, на которые УПК РФ ответа не дает. Так, например, не ясна процессуальная форма получения объяснений и фиксации информации, полученной таким образом. Закон не предусматривает ведения протокола при получении объяснений.

Согласно ч. 8 ст. 164 УПК РФ, в ходе производства следственного действия ведется протокол, получение объяснений следственным действием

не является, следовательно, информация, полученная при получении объяснений, не протоколируется. Но полученные объяснения оцениваются наряду с остальными результатами проверки, учитываются при принятии решения о возбуждении уголовного дела или отказе в нем. Кроме того, п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ при производстве сокращенного дознания придает принципиальное доказательственное значение результатам опроса лиц на стадии возбуждения уголовного дела. Дознаватель при производстве сокращенного дознания вправе не допрашивать лиц, от которых были получены объяснения на стадии возбуждения уголовного дела, если достоверность предоставленных данных не вызывает сомнений. Получается, что полученные объяснения должны быть зафиксированы в надлежащей процессуальной форме, в противном случае они не могут находиться в материалах уголовного дела и использоваться при обосновании обвинительных выводов. Пункт 3 части 2 ст. 226.5 УПК РФ аналогичные суждения содержит и по поводу заключений специалиста, полученных на стадии возбуждения уголовного дела, процессуальный порядок получения которых на данном этапе досудебного производства также не определен.

В этой связи некоторые авторы переходят на крайности и высказывают суждения, требующие принципиального пересмотра учения о доказывании и доказательствах в уголовном судопроизводстве, поскольку объяснения приобретают некоторое доказательственное значение. Н.В. Матвеева пишет: «Важным и насущным требованием практики является признание данного факта, для чего требуется внесение изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, где указать среди проверочных мероприятий получение объяснения, а в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, наряду с показаниями потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, указать объяснение»[2, с 41]. Полагаем, что правовая природа объяснений, полученных на этапе проверки заявлений и сообщений о преступлениях, иная, и их никаким образом нельзя приравнивать к показаниям свидетелей, потерпевших и прочим видам личных доказательств.

В настоящий момент граница между информацией, полученной в процессе доказывания и иной, непроцессуальной, ориентирующей информацией размывается, в отдельных сокращенных производствах законодатель не придает существенного значения процессуальной форме получения информации.

Полагаем, что в данном контексте законодательных нововведений, уголовно-процессуальный закон на самом деле нуждается в установлении четкого порядка получения объяснений, определения порядка вызова лица, процессуального закрепления информации, которую он предоставляет в ходе объяснения, указания прав и обязанностей лиц, от которых может быть получено объяснение, а также последствий допущенных при этом нарушений закона. Таким образом, получение объяснений по своей правовой природе приобретает множество сходных черт с получением показаний от участников уголовного процесса.

Следующей выявленной нами проблемой выступает включение в ст. 144 УПК РФ части 1.2, которая устанавливает использование в качестве доказательств сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, при условии соответствия их требованиям статей 75 и 89 УПК РФ. Не понятна правовая природа таких сведений и порядок их получения. Если они получены в ходе производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, то при отсутствии нарушений порядка получения данных сведений, они априори являются доказательствами и дублирование этого суждения в ч. 1.2 ст. 144 УПК излишне. Если сведения получены в ходе иных проверочных действий, обозначенных, но подробно не регламентированных в нормах уголовно-процессуального закона, то у них только ориентирующее значение в силу отсутствия свойства допустимости, которое должно быть у любого доказательства по уголовному делу. Если сведения получены в ходе процедур, вообще не предусмотренных в нормах УПК РФ, их никаким образом нельзя использовать в процессе доказывания при производстве по уголовному делу. Получается, что введение в ст. 144

УПК РФ части 1.2 никакой принципиальной новизны не имеет, так как вышеуказанные положения давно выработаны в науке уголовного процесса, и лишь только создало почву для дебатов по поводу значения данной законодательной новеллы.

Нерешенным остается и вопрос о получении документов, материалов и предметов. Законодатель не называет документ, которым следует истребовать данные материалы, не прописана уголовно-процессуальным законом и необходимость составления протокола при истребовании таких документов, юридическая ответственность за их непредставление. В этой связи нельзя не согласиться с В.В. Степановым, который пишет, что «при невыполнении требования о направлении интересующих документов следователь не располагает какими-либо процессуальными мерами принуждения, обеспечивающими выполнение его запроса»[4, с. 79].

Таким образом, налицо принципиально новый подход законодателя к деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела: размыты границы следственных, процессуальных и непроцессуальных действий, что, по нашему мнению, свидетельствует о нивелировании значения процессуальной формы. Представляется, что в дальнейшем это может привести к ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как таковой.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»// РГ от 06.03.2013 г. № 6024.
2. Матвеева Н.В. Правовая природа объяснений в уголовном процессе России// Российский судья. 2012. №7.
3. Сереброва С.П. Проблемы рационализации досудебного производства: Дис....к.ю.н., Н.Новгород. 1995.
4. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972.
5. Уголовный процесс: Учебник/ Под ред. С.В. Бородина. М., 2000.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И ВИДЫ

Гражданскому праву и, в частности, праву собственности отводится особое место в Соборном Уложении 1649 года. Так, указанный законодательный акт детально регламентирует различные формы феодального землевладения, порядок реализации прав на вотчины и поместья и связанные с ними привилегии. Однако, необходимо отметить, что нормы гражданского права в Уложении не представляет собой целостной системы, характеризуются наличием многих пробелов, которые на практике заполнялись устоявшимися обычаями, несанкционированными государством. Анализ содержания Уложения затрудняет сама структура данного акта, поскольку нормы, которые характеризуются единственным предметом правового регулирования, как правило, разбросаны по нескольким главам. В смысле Соборного Уложения достаточно четко выделены специальные нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения. Однако внутренняя система Уложения несовершенна, вследствие чего гражданско-правовые нормы тесно переплетаются с положениями смежных отраслей права.

Правоотношения, возникающие на основе норм и регламентирующие сферу имущественных отношений, характеризовались неустойчивостью статуса носителей прав и обязанностей [1, с. 110]. Действующее законодательство предоставляло субъекту права владения и пользования, а не распоряжения землей. По мнению некоторых исследователей, именно такой «расщепленный» характер феодальной собственности и усложнял ответ на вопрос, кто был ее полноправным субъектом [2, с. 53]. Стоит отметить, что коллизия публично-правового и частноправового элементов, которая существовала на протяжении XVII-XVIII вв., была присуща

феодалной правовой системе с ее «расщепленной» собственностью, привязанностью имущественного объекта одновременно в нескольких субъектах, сложным дифференцированным характером полномочий собственника [2, с. 5].

Проанализировав нормы Уложения, можно утверждать, что данный акт не различает понятия «собственник» и «владелец». По содержанию Уложения право собственности можно определить как юридическое господство лица над имуществом или, иными словами, возможность им распоряжаться по своему усмотрению. М.М. Михайлов на основании норм Уложения дает следующее определение праву собственности: это власть хозяина над имуществом, выражающаяся в возможности распоряжаться им, владеть и пользоваться. Однако, по его мнению, Уложения при этом не раскрывает, в чем именно заключается проявление этой власти [3, с. 53-54]. Авторы единогласно утверждают, что право собственности за Уложением должно уважаться всеми и защиту этого права разрешался только судом, а не сами по себе, и только в крайних случаях закон позволял применение силы с целью защиты имущества [4]. С этой же целью Уложение запрещает самоуправное распоряжение чужим имуществом и самовольное завладение чужой собственностью и требует признавать свое право только в судебном порядке. Как и прежнее законодательство, Уложение разделяет имущество на движимое и недвижимое, однако придает данным понятиям более понятный смысл. К недвижимому имуществу Уложение относит вотчины, имения, земли, дома, дворы и различные строения, которые находятся на земле, а к движимому – разного рода предметы [5, с. 312].

Анализируя нормы Соборного Уложения относительно права собственности, следует охарактеризовать объекты собственности в их материальном выражении. Как правильно отмечено в литературе, Уложению были известны все естественно-хозяйственные понятия (вспаханная и луговая земля, лес, водоемы), рукотворные сооружения (жилые и промышленные), плоды огородов, садов, ульев и т.д., а также домашние

животные, птица и орудия земледельцев [3, с. 54]. Законодательство устанавливало, что в случае судебных взысканий все хозяйственные объекты и предметы должны были быть оценены в денежной форме. В одних случаях это были указные цены, зафиксированные в Уложении, в других случаях цену определял рынок [6, с. 55]. Несомненным является тот факт, что границы распоряжения собственностью устанавливались, исходя из сословно-групповых различий общества, и стали своего рода краеугольным камнем в процессе формирования понятия права собственности. Высокое положение чинов обеспечивало более широкие для них права, а принадлежность к низшим слоям значительно сужала их гражданскую дееспособность, особенно когда речь шла о земельно-правовых отношениях. Объем имущественных прав различных слоев общества был неодинаковым, и, прежде всего, это выражалось в обеспечении населения землей [7]. Наиболее распространенной была так называемая «распорошенная» форма землевладения, когда поместья и вотчины одного человека были разбросанными по многим уездам государства [2, с. 6]. Несмотря на то, что на тот период существовало несколько видов частного землевладения, в одном из них не появлялись чистый тип права собственности. По сути, только классическое римское право признавало незыблемым принцип полной частной собственности подданных.

До XVII века окончательно оформились виды феодальной собственности, возникновение которых относилось еще к эпохе Киевской Руси. В исследуемый исторический период существовали следующие виды поземельной собственности: царский домен, вотчины и поместья. Царский домен состоял из следующих земельных фондов: 1) незанятые земли (преимущественно леса и болота); 2) земли черных волостей, населенные крестьянами, которые несли натуральную и денежную повинности в пользу государства; 3) дворцовые земли [2, с. 7]. Вотчинное землевладение придавало права владения, пользования и распоряжения на родовые, отставные (жалованные) или купленные вотчины. Правовое положение

владельца отставной вотчины (полученной от царя за особые заслуги) определялось жалованной грамотой, в которой, как правило, указывался объем прав распоряжения данной вотчиной. Имена предоставлялись преимущественно за военную службу.

В конце XVI века широкое распространение получил такой вид феодальной земельной собственности, как общее и жребное владения. Формы последнего владения были весьма разнообразными. Наиболее распространенным было общее жребное владения без деления земли на части между владельцами. Иным видом такого владения было наличие нескольких усадебных дворов, существовавших при одном поселении [3, с. 57].

В 40-х годах XVII века институт жребного владения получил свое дальнейшее развитие. Определяющим стало раздельное владение, основанное как на кровном родстве, так и на некровных отношениях. Знание, основанное на кровном родстве, приобрело четко определенного понятия – это имение, которым обладает тот или иной помещик (или помещица с малолетними детьми или с другими родственниками – двоюродными братьями, племянниками). В связи с достижением последними совершеннолетия имение делился между детьми и родителями. В результате такой «жеребьевки» число владельцев увеличивалось, что выражалось в разделении таких имений и соответствующем уменьшении земельных усадебных участков. В конце XVII века общее жребное владения в имениях резко сократилось и получило распространение раздельное владение, основанное как на родстве, так и на некровных отношениях. В отличие от поместного владения, вотчинное жребное владение не получило столь широкого распространения. Основным видом оставалось общее владение, основанное на кровных отношениях. Однако в связи с экономическим развитием вотчинного хозяйства все чаще стали проводиться деления вотчин между родственниками и продажа последними своих участков, вело к увеличению количества владений, находившихся в руках владельцев, не

связанных между собой кровным родством. Рассматривая развитие феодальной собственности на Руси в XVII веке, Я.Е. Водарский выделяет два основных вида феодальной земельной собственности: 1) собственность феодального государства как верховного собственника земли свободных «черных» крестьян, посадских и служилых людей и т.д. и 2) частную собственность: царя (дворцовое землевладение); феодалов-вотчинников на свои наследственные владения; феодалов-помещиков на свои имения, находящиеся в их владении в течение срока военной службы; церкви на вотчины церковных организаций [3, с. 58-59]. На основании анализа норм Уложения В.М. Строев разделяет имущество на движимое и недвижимое (вотчины, имения, дома, мельницы и другие здания), а в зависимости от способа приобретения – на родовое и приобретенное имущество. К родовому имущества он относит вотчины, полученные от рода и жалованные царем; вотчины, купленные у родственников; вотчины, купленные у чужеземцев. К приобретенным принадлежали имения, полученные из казны; вотчины, купленные в чужих; казенные земле. Отдельным видом имущества согласно Уложением было выморочное имущество – имения, после смерти владельцев которых не оставалось наследников. Имения такого рода поступали в казну [2, с. 7].

Согласно Уложению право владения подразделяется на три вида: законное, подложное (поддельное, фальсифицированное) и самовольное. Законным признавалось право, основанное на неопровержимых доказательствах. Подложный право означало сокрытие или обман в самом праве. Самовольным признавалось владение, которое основывалось на актах или на праве незаконного владения собственностью. Законное владение охранялось законом, а подложный и самовольное строго карались [3, с. 60-61].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в средневековой Руси не существовало понятия «земельная собственность» в современном понимании этого слова. С одной стороны, там еще не было

четкого различия между распоряжением, владением и пользованием как особыми полномочиями собственника, а, с другой стороны, – в своем единстве собственность на землю, как правило, предполагала наличие нескольких субъектов права. Что же касается землевладения той эпохи, то термин «собственность» можно употреблять, имея в виду определенную совокупность прав владельца, которые принадлежали тому или иному физическому или юридическому лицу в соответствии с его социальным статусом. Подобное понимание собственности четко проявилось и в ментальности средневекового человека, в полной мере отразило обычное право.

Список использованной литературы:

1. Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
2. Анучина Ю. Н. Приобретение права собственности по Соборному Уложению 1649 г. / Ю. Н. Анучина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2009. – № 1. – С. 5-8.
3. Анучина Ю. Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному Уложению 1649 г.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Анучина Юлия Николаевна. – Тольятти, 2009. – 240 с.
4. Терещенко Е. А. Ограниченные вещные права: от Псковской судной грамоты до Гражданского кодекса Российской Федерации / Е. А. Терещенко / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/simpoz2/81.pdf>.
5. Кодифікація цивільного законодавства на українських землях : Т. 1 / уклад. Ю. В. Білоусов, І. Р. Калаур, С. Д. Гринько та ін.; за редакцією Р. О. Стефанчука та М. О. Стефанчука. – К.: Правова єдність, 2009. – 1168 с.
6. Ачмизов А. А. Правовое положение крестьянства по Соборному Уложению 1649 года / А. А. Ачмизов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 53-59.
7. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции / В. А. Томсинов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tomsinov.com/IOGP/sob_ub.pdf.

преподаватель кафедры Прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности,
ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной
юридической академии»

**СИСТЕМА КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА**

В 2014 году исполняется 150 лет с момента проведения Судебной реформы 1864 года, которая заложила основу многосубъектной системы контроля и надзора на первоначальном этапе расследования преступлений. В тот исторический период идеей разделения властей были пронизаны все сферы деятельности государства, что не могло не повлиять и на реформирование правоохранительных органов. Произошло образование судов, доступных для всех категорий граждан, создание состязательного процесса. В тоже время необходимость защиты прав свободной личности в уголовном процессе привела к формированию прокурорского надзора и судебного контроля за исполнением законов в досудебном производстве.

С принятием Устава, впервые был четко регламентирован порядок расследования и рассмотрения уголовных дел, однако стадия возбуждения уголовного дела не выделялась. Вместе с тем, при подробном изучении данного нормативно-правового акта обнаруживаются признаки ее формирования.

Так, ст. 297 УУС закрепляла поводы к началу предварительного следствия, к которым относились: 1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) возбуждение дела прокурором и 5) возбуждение дела по

непосредственному усмотрению судебного следователя; а также основания – наличие, по мнению следователя, в подлежащем исследованию деянии признаков преступления или проступка. Их существование имело приоритетное значение для возбуждения следствия уже в те времена. Так, к проекту УУС прилагалась объяснительная записка графа Д.Н. Блудова (одного из его разработчиков), в которой подчеркивалась обязательность обнаружения признаков противоправного деяния - «доколе сие неизвестно, до тех пор не может быть даже речи о виновном или подозреваемом в учинении преступления или проступка» [1, с. 670]. Другими словами, в Уставе Уголовного Судопроизводства была заложена идея о необходимости до начала следствия иметь достаточные данные о совершенном преступлении. Однако на практике, в связи с неимением законодательно закрепленной процедуры предварительной проверки, следователи в случае отсутствия признаков преступления начинали следствие и тут же его прекращали, тем самым превращая законное препятствие к возбуждению следствия в основание его прекращения.

Вместе с тем, ряд статей регламентировал случаи проведения розыска или дознания до возбуждения следствия, например, для проверки анонимных сообщений содержащих в себе сведения о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 300 УУС). Данное положение аналогично существующей в настоящее время доследственной проверке, как по своему содержанию, так и по цели проведения – обнаружение достаточных данных, свидетельствующих о наличии преступления. Если уже на этом этапе не были получены доказательства, следствие не начиналось. Это свидетельствует о фактическом существовании всех этапов современной стадии возбуждения уголовного дела: получение сведений о преступлении, проверка сообщения, принятие решения о возбуждении уголовного дела. Только в отличие от современного законодательства УУС не устанавливал никаких сроков и процессуальной формы закрепления полученных сведений,

поэтому в науке того времени было принято считать возбуждение уголовного дела лишь фактом начала следствия.

Вместе с зарождением стадии возбуждения уголовного дела, формируется и система контроля и надзора на данном этапе. Она была представлена деятельностью двух субъектов – суда и прокурора.

Прокурорский надзор имел постоянный характер и проводился в двух формах: в виде документальной проверки материалов дела и непосредственном присутствии прокурора при проведении следственных действий. Его значение было существенным уже на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Из анализа ряда статей УУС можно сделать вывод, что надзор осуществлялся как за законностью начала следствия, так и за отказом в его проведении. Прокурор не мог самостоятельно проводить расследование, но Устав наделял его правом дачи предложения об этом следователю, которое именовалось возбуждением дела, но ни в какую процессуальную форму не облекалось. Подобные поручения он мог давать только при наличии достаточных оснований, в противном случае прокурор должен был собрать сведения посредством негласного полицейского дознания. Поэтому его решение изначально признавалось законным, однако ответственность за возбужденное без оснований дело лежала на прокуроре. Причина такого права подробно мотивировалась в объяснительной записке к проекту Устава: «если предоставить следователю, по его собственному усмотрению отказывать в исполнении требований прокурора, то нельзя не опасаться, что между этими двумя лицами будут весьма часто возникать столкновения и пререкания, которые расплодят переписку без всякой пользы для правосудия, усложнят производство и затруднят не только следователя и прокурора, но и сам Суд, а главное будут иметь неизбежным следствием несвоевременность следственных действий и утрату следов преступления [1, с. 687]».

Помимо обязательности исполнения поручений прокурора, судебный следователь обязан был сообщить ему о следствии, начатом по сообщению

полиции (ст.263 УУС). То есть в данном случае при осуществлении надзора имелась возможность проверить наличие поводов и оснований для проведения следствия и устранить нарушения на ранних стадиях.

В довершении всего, в соответствии со ст.309 УУС если судебный следователь в сообщении полицейских или других присутственных мест и должностных лиц не найдет достаточных оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или его товарищу. Кроме принятого решения, следователь должен был передать прокурору и само сообщение вместе с перепиской по делу [1, с. 687]. Тем самым, данное положение обеспечивало возможность оценки законности отказа в проведении следствия. По результатам проверки прокурор мог возбудить дело, либо, при недостаточности поводов и оснований, поручить полиции собрать дополнительные сведения. Аналогичным образом дело обстояло в случае явки с повинной, если признания явившегося опровергались имеющимся у следователя сведениями. То есть Устав предусматривал возможность осуществления надзора за законностью принятия решения об отказе в возбуждении дела.

Все указания прокурора были обязательны для следователя, в той мере, в которой не противоречили закону. В случае возникновения сомнений следователь мог обратиться к суду с вопросом о разрешении разногласий (ст. 282 УУС). То есть помимо надзора существовал и судебный контроль, который имел главенствующую роль за счет организации прокуратуры при судебных местах.

На первоначальном этапе уголовного судопроизводства судебный контроль проявлялся в предоставлении на основании ст. 491 УУС участвующим в деле лицам возможности обжаловать всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права, в том числе и отказ в возбуждении уголовного дела. Аналогичное полномочие принадлежит суду и в настоящее время, однако по своей природе судебный контроль значительно отличался от нынешнего. И в первую очередь это связано с

непосредственным включением следователей в судебное ведомство, что делало их организационно и процессуально подконтрольными суду. Так, суд имел право приостанавливать и прекращать следствие, давать обязательные для исполнения предписания, отменять их распоряжения, то есть в современном понимании осуществлял внутриведомственный контроль.

Таким образом, в данный исторический период, во-первых, появляются предпосылки зарождения самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. Во-вторых, происходит становление многосубъектной системы контроля и надзора. Главенствующая роль в ней принадлежала суду, за счет включения в ведомство не только следователей, но и прокуроров. Такая организация деятельности была достаточно успешной, и на тот период являлась важнейшим средством обеспечения законности уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе расследования.

В последующем система не раз подвергалась реформированию, однако модель организации контрольно-надзорной деятельности на первоначальном этапе расследования 1864 года и в настоящее время воспринимается как эталонная.

Список использованной литературы:

1. Устав Уголовного Судопроизводства: систематический комментарий //под общ. ред. Гернета. – Изд-во М.М. Зива. – М. 1914. Т.3.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997.
3. Ковалева М.Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности. Дис. ... канд.юрид.наук. Санкт-Петербург, 2005.
4. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. - СПб.: «Наука», ООО «Издательство "Альфа"», 2000.

к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Осуществлять порядок, следить за исполнением закона, обеспечивать безопасность граждан – это дело специализированных служб. В России, за всю ее многовековую историю, различные организации и общины брали на себя эту функцию. Но полноценная, наделенная полномочиями полиция возникла в эпоху правления Петра I. Этот орган берет начало в Санкт-Петербурге в 1715 году, тогда этот орган носил название полицмейстерская канцелярия. Главой этой организации являлся генерал-полицмейстер. Это был лишь начальный этап появления правоохранительных органов, поэтому работали они лишь в Москве и Санкт-Петербурге.

Ситуация в стране тогда была не особо стабильной, преступность расцветала, особенно в городах. Поэтому в 1730 году был обнародован Сыскной приказ. Еще в VII веке этот приказ действовал в Москве, теперь же он имел силу исполнителя государственных дел в области розыска.

Петр I, понимая необходимость закрепления исполнительной власти, ввел так же и Преображенский приказ. Работа сводилась к рассмотрению дел, поступающих из других регионов России. Но кроме обычной преступности, существовала еще большая опасность. Политические преступники при любой власти подвергались розыску и наказанию, в эпоху Петра Великого эта должность выпала на долю Тайной канцелярии. Ее работа тоже не распространялась за пределы столицы.

Идея розыска политических преступников была реализована и впоследствии другими правителями – Анна Иоанновна преобразовала Тайную канцелярию в Канцелярию тайных розыскных дел. Позднее эта канцелярия

стала заниматься так же и вопросом по оскорблению знатных особ – представителей имперской семьи, чиновников, фаворитов. Исследуя особенности работы правоохранительных органов во время Дворцовых переворотов можно сделать однозначный вывод, что многие императоры в большей степени беспокоились о собственной безопасности и безопасности своих приближенных.

Так продолжалось вплоть до правления Петра III. Он выпустил указ о расформировании Канцелярии, но это произошло лишь на документальном уровне, фактически расследование подобных дел перешло под юрисдикцию Сената. При нем была сформирована Тайная экспедиция. В этот период резко возросли вверх доносы и случаи кляуз.

Невероятно разросшееся чиновничество и беспорядки в высших сферах общества, привели к необходимости открытия Торговой полиции. В ее обязанности входил надсмотр за соблюдением таксы на съестные припасы, за их качеством и т.д.

Очевидно, что малоэффективные и направленные в сторону упрощения жизни лишь высших слоев населения меры не могли вызвать удовольствия народа. Отчасти из-за крестьянской войны под руководством Пугачева, власть ввела изменения в функционировании органов правопорядка.

Причина крылась даже не столько в неспособности системы обеспечить безопасность, а в том, что все органы безопасности работали лишь на уровне столицы. Поэтому разделение страны на губернии и уезды стало толчком к значительным изменениям.

Отныне в каждой губернии был свой орган правоохранительной власти, работа которых основывалась на Учреждении для управления губерний. Работа полиции непременно должна подкрепляться органами для наказания правонарушителей, поэтому стали появляться земские суды.

Однако этот перекоп в сторону наведения порядка в уездах не учел необходимости проведения таких же мероприятий и в городах. Поэтому

несколько позже был выпущен указ, названный Полицейским. Согласно ему создавался новый орган исполнения правопорядка – Управа благочиния.

Но, как и раннее, этот орган не показал себя эффективным и был ликвидирован новым правителем – Павлом I. Этот монарх осознавал, что распространившееся чиновничество выход из-под контроля и поручил полиции так же функцию контроля над этой категорией.

Делая обобщенный вывод о полиции, исполняющей свои обязанности в XIX веке, можно сказать о том, что ее работа в большей степени была направлена не на установление правопорядка в городах и охрану жизни простых граждан, а на решение политических проблем. Это вполне логично, учитывая монархическую форму правления, но вкупе с разгулом чиновничества и беспредела в высших кругах власти, полиция была малоэффективным органом на тот момент.

Такая модель практически не претерпела изменений до самого окончания правления императора Николая II. Логично, что с установлением советской власти изменениям подверглись все системы государства.

Важным этапом развития правоохранительных органов России можно считать образование НКВД. Решение о его образовании было принято в 1934 году, и изначально в НКВД вкладывалась особенная функциональная привязка. НКВД – это структура, расшифровка аббревиатуры которой – народный комиссариат внутренних дел. В тот год произошло слияние функции обеспечения государственной безопасности и управления внутренними делами под контроль единой организации – НКВД.

Полный спектр функций НКВД был столь широк, что охватить их все достаточно сложно. Это обеспечение общего государственного порядка, пограничная охрана, обеспечение работы трудовых лагерей, запись актов гражданского состояния и прочее.

Учитывая огромный разброс деятельности, в составе НКВД находились многие подведомственные организации, каждая из которой несла соответствующую функцию. Особые отделы занимались вопросами

государственной безопасности, среди них были – отдел по контрразведке, разведке за границей, шифровальной работе и многие другие.

Одной из главных характеристик Народного комиссариата является наличие Особого совещание. Это совещание могло экстренно собираться для решения вопроса о ссылке, каторге, отправки в лагеря.

Уже на этом этапе стоит оценить работу НКВД. Возможно, по эффективности в истории России ей не было равных. Затрагивая обширное пространство для деятельности, эта организация занималась контролем огромного ряда проблем. Но наделение ее практически безграничными судебными правами, которые выражались в возможности решать судьбу подозреваемого одним лишь собранием без рассмотрения его дела, автоматически определяло незаконность многих принятых решений.

НКВД – это аппарат принуждения, который имел в своем составе и такое звено, как милиция. Работа милиция была строго подчинена вышестоящему руководству по любому делу. Это тоже имело двойной эффект. Для самой организации, как и власти, такое положение вещей было на руку – полная централизация и управление не позволяло упустить что-то из вида. Но с гражданской точки зрения такая система была малоэффективной. Местные органы милиция не стремились проявлять инициативу и оперативность в решении насущных проблем.

Руководство сменялось, работа комиссариата продолжала протекать по тем же законам, но в 1941 году НКВД был разделен на отдельные подразделения. Одно из них продолжило называться НКВД, и заведовал им Лаврентий Берия, а второе – наркомат государственной безопасности.

Независимо от НКВД существовала другая система, призванная поддерживать правопорядок. Это прокуратура, образованная в 1923 году. На прокуратуру возлагались особые полномочия – слежение за соблюдением Конституции в республиках, наблюдение за единообразием применения законов, и т.д.

Такая система эффективно работала в довоенное время, во время войны и после ее окончания. Апогей правления Сталина тоже был ознаменован работой этой системы, однако изменения не могли коснуться органов внутренних дел после смерти вождя народов.

Еще в 1953 отголоски прежней системы чувствовались – на примере врачей-вредителей, но хрущевская оттепель была уже не за горами. Общая характерная черта развития правоохранительных органов на этом этапе – уделение внимания гражданским делам, обеспечение правопорядка простому населению. Министерство внутренних дел, едва ли не в первый раз за всю историю российских правоохранительных органов, ставило превыше всего интересы граждан, а не государства. МВД было образовано в 1955 году, а для внутренней безопасности государства был создан КГБ.

Значимым преобразованием после этого стоит считать «Положение о советской милиции», которое было выпущено в 1973 году. В нем трактовались основные положения работы милиции, которые заключались в исполнительности, значимости личностных качеств работников, обеспечении милиции финансированием.

Эпоха перестройки характеризуется нестабильностью всех систем государства, в том числе и милиция работала не во всю силу. Степень бандитизма рос, и в этот момент милиция уже в меньшей степени исполняла свои обязанности. Но эпоха смуты прошла, и на сегодняшний день Россия имеет вполне сформировавшуюся систему обеспечения правопорядка. Министерство внутренних дел – это целая структура исполнительной власти, которая следит за исполнением законов и выявляет нарушителей.

По сравнению со многими системами, действовавшими некогда на территории нынешней Российской ситуации, эта в разы эффективнее. Только в советское время появилась тенденция заниматься делами общественного правопорядка, а не только государственного. Этот очевидный прогресс действует и сейчас.

Как показывает практика, разделение полномочий между организациями намного эффективнее, чем наделение всеми функциями одного органа. Поэтому сегодня законы подготавливает Дума, следит за их исполнением полиция, следит за работой полиции прокуратура, а суд наказывает виновных. И пусть система еще не в полной мере эффективна, но закон теперь основа для работы всех органов, а это, как очевидно, значительный шаг вперед.

Давыдова Н.Н.

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «СГЮА»

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы классификации преступлений на протяжении длительного времени привлекают к себе внимание ученых и работников правоприменительных органов. Интерес к данной проблеме вызван необходимостью систематизации рассматриваемых явлений, которая способствует более легкому изучению объектов познания. Особо нуждаются в классификации объекты, обладающие внешней схожестью, в связи с чем, трудно выделить их внутренние качественные отличительные признаки.

Несмотря на то, что в отечественных науках гуманитарного цикла в 70-80 гг. XX века активно обсуждалась идея формирования общенаучной теории классификации как целостной системы знаний, на сегодняшний день эта теория в полном объеме не сформирована и представлена отдельными направлениями исследований. А в отношении термина «классификация» в настоящий момент ведутся дискуссии.

В этимологическом значении классификация (от лат. «classis» – «разряд», «facio» – «делаю») – это распределение предметов, явлений и

понятий по классам, отделам, разрядам в зависимости от их общих признаков [12, с. 200]. Такое разграничение осуществляется на основе логических правил. Его целями являются: получение дополнительных знаний о классифицируемых объектах, предметах, упорядочение, систематизация как самих предметов и явлений, так и знаний о них.

Существуют и другие научные определения данного понятия. Ряд авторов под термином «классификация» предлагает понимать 1) процедуру ее построения, 2) построенную классификацию (результат), 3) процедуру ее использования [11, с. 6], что, по нашему мнению, вполне обоснованно.

При проведении классификации необходимо соблюдать принципы диалектической логики и правила деления понятия, сформулированные в формальной логике, в их совокупности.

В науке разработаны общие принципы диалектической логики, которые имеют определяющее методологическое значение при проведении различных исследований. Так, Б.М. Кедров, Л.Н. Кривоченко и П.Б. Куцонис предложили в качестве таковых принципы объективности, связи, развития, историзма, учета практики [6, с. 40 – 50; 8, с. 13; 9, с. 11 – 46]. Т.В. Аверьянова в качестве классификационных принципов указывает развитие, структурность и взаимосвязь классификации [1, с. 28].

Принцип объективности означает, что в классификации необходимо исчерпывающим образом отразить сущность классифицируемых явлений, все связи и взаимное влияние классифицируемых элементов. Объективность заключается в том, что избранная классификационная система всесторонне охватывает исследуемые предметы, познает их такими, какими они существуют в действительности, независимо от субъективного восприятия ученого.

Для построения любой классификации большое значение имеет *принцип связи* между выбранными объектами. Он предполагает обязательное выявление основных свойств объекта, проведение анализа и синтеза по его взаимоотношениям с другими объектами. Главная задача классификации –

отражение типичных объективных признаков, на основе которых можно группировать классифицируемые объекты, определить их место в множестве [8, с. 15].

Требуется внимания и *принцип развития*, в соответствии с которым объекты исследования необходимо рассматривать в динамике и изменении. Этот принцип требует учета качественных и количественных сторон классифицируемых объектов, их единства, взаимных переходов и изменений. И, естественно, необходимо учитывать изменения в социальной жизни, в науке и технике. Развитие всегда связано с опытом прошлого, с историей исследуемой проблемы. Поэтому любая классификация должна строиться с учетом итогов исторического развития объекта изучения, истории его познания человеком [6, с. 36]. Учет исторического опыта, оценка настоящего положения вещей помогают определить тенденции развития, дать научный прогноз, а в большинстве случаев и помочь в построении научной классификации.

Оценка существующего положения на момент проведения исследования означает *учет практики*. Это также является важным диалектическим требованием. Любое прикладное исследование должно быть основано на материалах практики, а вновь построенная классификация может быть апробирована лишь в процессе практики ее применения [4, с. 22].

Классификация, по мнению большинства ученых, относится к одному из видов деления понятий. Поэтому к ней применяются правила деления понятия. А.Ю. Головин вполне обоснованно полагает, что эти правила должны быть признаны *принципами* построения классификационной системы, поскольку познавательное значение будет иметь только логически правильно построенная классификация [3, с. 48]. В литературе приводятся четыре правила деления объема понятия:

– деление должно производиться только по одному основанию, то есть в процессе деления избранный признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком;

– деление должно быть соразмерным, т.е. должны быть перечислены все виды делимого понятия;

– члены деления должны исключать друг друга, то есть конкретный предмет или явление должны находиться только в объеме одного какого-либо видового понятия и не входить в объем другого видового понятия;

– деление должно быть непрерывным, т.е. в процессе деления нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их [10, с. 39 – 44].

Согласно *первому принципу*, критерием классификации должно быть единое основание. Его выбор зависит от целей и задач классификации. В зависимости от критерия деления классификации подразделяются на естественные и искусственные [7, с. 55, 128] (вспомогательные). Естественная классификация представляет собой распределение предметов, явлений по классам на основе их существенных признаков, общих закономерностей, определяемых природой изучаемых предметов и явлений [7, с. 103]. Искусственная же классификация не выделяет существо классифицируемых объектов, не выявляет общих связей. Она используется только в технических целях, облегчающих систематизацию материала либо его быстрое отыскание в процессе практической деятельности. Следует согласиться с мнением большинства ученых, которые убеждены, что естественная классификация более значима, исходит из закономерностей образования самих классифицируемых объектов, дает возможность предвидеть пути развития, изменения их свойств. Все это помогает сделать вывод о сущности классифицируемого объекта, о содержании его свойств.

Согласно *второму принципу*, все объекты в классификации, не зависимо от их количества, в своей совокупности должны соответствовать объему классифицируемого явления. Соблюдение указанного принципа в процессе классификации возможно лишь в случае правильного подбора признака деления классифицируемого объекта познания. В классификации должны быть указаны все формы классифицируемых объектов. Она должна

давать исчерпывающее и четкое представление о классифицируемом объекте и его классах.

В соответствии с *третьим принципом* члены классификации должны взаимно исключать друг друга, т.е. каждый класс, выделенный в классификации, должен иметь четкие параметры, отличительные признаки, при этом не допускается двусмысленного толкования, классы не должны пересекаться.

Принцип непрерывности деления объекта на категории, классы, заключается в том, что при возникновении необходимости возможно проведение дальнейшей классификации, в ходе которой будут выявлены промежуточные звенья, которые характеризуют явление более подробно [4, с. 24].

Одно из главных условий верной классификации – выбор правильного критерия (основания), при помощи которого у категорий и классов остаются все сущностные признаки основного явления, но и появляются иные, отличающие их от последующих.

На основе перечисленных классификационных принципов В.А. Волынский сформулировал следующие общие требования, предъявляемые к процессу классификации: правильное определение делимого понятия; соблюдение последовательности операций при делении; аргументированность, логическая обоснованность; соблюдение уровней делимых понятий; обеспечение полноты ряда в перечне или в одном ряду [2, с. 141]. Полагаем, что эти правила не носят первостепенный характер. Определяющее значение для проведения классификации имеют принципы деления понятия, выработанные логикой. Без них невозможно разработать ни одну классификацию, а в случае их нарушения классификация будет искажать представление об объекте познания.

На наш взгляд, представляется верным и целесообразным требование, предъявляемое к классификации, дополнить еще одним: обязательное

наличие цели классификации, задач, решению которых она способствует, так как без цели классификация утрачивает весь смысл, свое предназначение.

Одной из разновидностей научных классификаций является классификация преступлений, которая в свою очередь подразделяется на уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную и криминалистическую классификации преступлений. Наиболее полно в научной литературе рассмотрена уголовно-правовая классификация преступлений, другим было уделено намного меньше внимания.

Несоблюдение принципов классификации приводит к построению неверной классификационной системы, неправильному пониманию ее элементов, а значит и их искаженному пониманию, что на практике может привести к различного рода ошибкам. Поэтому необходимо выявить такие нарушения в теории во избежание недоразумений в практической деятельности работников правоохранительных органов.

Например, мы полагаем, что при классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности (ст. 15 УК РФ) законодателем нарушен принцип классификации, заключающийся в том, что члены деления должны исключать друг друга и не должны пересекаться, поэтому предполагается более верным разграничение данных категорий преступлений путем указания четких и взаимоисключающих границ наказания в ч. 3 и ч. 4 ст. 15 УК.

В теории уголовного права, по нашему мнению, при рассмотрении данных категорий преступлений целесообразно объединить третью и четвертую группы преступлений в один вид: преступления повышенной тяжести. Таким образом, преступления по степени тяжести целесообразно классифицировать на следующие три вида: небольшой тяжести, средней тяжести и повышенной тяжести. При этом последний вид можно подразделить на два подвида: преступления тяжкие и особо тяжкие.

Не соответствующим принципам деления представляется предложение Н.Г. Кадникова о классификации преступлений по способу совершения

преступного деяния. При этом он ведет речь о способе как обязательном признаке объективной стороны, когда он включен законодателем в диспозицию статьи [5, с. 48]. По нашему мнению, данная позиция является спорной, так как здесь нарушен принцип классификации, касающийся соразмерности деления (в силу того, что не все диспозиции предусматривают способ совершения преступления), либо принцип о том, что члены деления должны исключать друг друга (потому что при разграничении преступлений по способу их совершения произойдет смешение объемов нескольких видов преступлений). Поэтому здесь правильнее вести речь о классификации не всей массы преступлений, а лишь определенной их группы, вида. Таким видом может служить группа преступлений, выделенных при классификации по объекту преступления. Или же все преступления должны быть подвергнуты дихотомическому делению по признаку наличия указания в диспозиции статьи на способ совершения преступления, а уж затем подвергнуты дальнейшей классификации. Но в последнем случае высок риск нарушения указанных принципов классификации. Аналогично мы полагаем и в отношении таких признаков объективной стороны как средства и орудия, место и время совершения преступления.

Таким образом, становится ясно, что без соблюдения основных принципов классификации, выработанной логикой невозможно построение согласованной системы преступлений, которая помогает получить более четкое представление об изучаемом явлении.

Список использованной литературы:

1. Аверьянова Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994.
2. Волынский В.А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек. М., 2000.
3. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: Лекс Эст, 2002.
4. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
5. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М., 2000.
6. Кедров Б. М. Классификация наук. Кн. 1. М., 1961.

7. Кондаков Н.И. Введение в логику. М.: Наука, 1967.
8. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983.
9. Куцонис П.Б. Проблемы построения использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
10. Никифоров А.Л. Общедоступная и увлекательная книга по логике, содержащая объемное и систематическое изложение этой науки профессором философии. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.
11. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
12. Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова. М., 1987.

О.В. Евстигнеева

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВПО «СГЮА»

О ЗАЩИТЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ЭЛЕМЕНТЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

О балансе интересов в уголовном судопроизводстве принято говорить применительно к назначению уголовного судопроизводства, закрепленному ст. 6 УПК РФ. Если проследить этимологию слова «баланс», то во французском *balance*, буквально — весы, а в латинском *bilanx* — имеющий две весовые чаши, то есть инструмент, позволяющий осуществлять процедуру взвешивания. В толковом словаре С. И. Ожегова баланс понимается как «соотношение взаимно связанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса» [1, с. 34]. То есть, можно сделать вывод о том, что баланс следует трактовать и как средство осуществления определенной деятельности по выявлению соотношения взаимно связанных показателей, и как ее результат.

Отдельные ученые полагают, что указанная норма изначально уточняет и конкретизирует формулирующийся в России охранительный тип судопроизводства, в котором защита прав и законных интересов лиц,

потерпевших от преступлений, обеспечивается на основе функции преследования, т.е. процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [2]. Подобная трактовка ст. 6 УПК РФ приводит уважаемых авторов к выводу о существовании самостоятельного принципа «сочетания публичных и частных начал», который является движущим фактором при построении разумного баланса интересов государства и личности. Таким образом, публичный интерес выводится в данной концепции строго из смысла ст. 6 УПК РФ через функцию уголовного преследования, осуществляемую государством как в интересах защиты конкретных лиц, потерпевших от преступлений, так и всего общества в целом. Здесь следует заметить, что в науке существует и иной взгляд на природу охраняемого в уголовном процессе публичного интереса. Хотелось бы присоединиться к мнению тех авторов, которые вполне обоснованно предлагают в этих целях расширительно толковать указанную уголовно-процессуальную норму [3] с учетом положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о том, что защите в уголовном процессе, помимо прав и свобод личности, подлежат основы конституционного строя, нравственности, здоровья, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. В этом смысле формулировку ст. 6 УПК РФ нельзя признать совершенной, поскольку она абсолютно игнорирует конституционно закрепленный публичный интерес. Кроме того, хотелось бы согласиться с мнением профессора А. А. Тарасова о том, что «принципиальное значение имеет вовсе не сам факт сочетания как таковой, а степень защиты и публичного, и частного интересов во всей национальной системе уголовно-процессуального права» [4].

Закрепление в уголовно-процессуальном законе совокупности прав участников уголовного судопроизводства является необходимым условием их реализации. Учитывая довольно низкий уровень правовой культуры граждан в России, а так же принимая во внимание сопротивление

должностных лиц необходимости обеспечения прав личности, отдельные авторы предлагают закрепить в законе, по возможности, полный перечень прав граждан-участников уголовного судопроизводства [5, с. 21]. Причем, эта совокупность прав должна быть необходимой и достаточной для защиты интересов личности, исходя из ее процессуального положения. При этом все чаще озвучивается позиция, согласно которой отсутствие в таком перечне какого-либо права не должно рассматриваться должностным лицом как его непризнание или умаление. Так, в качестве критерия справедливости уголовно-процессуальной деятельности отдельные авторы рассматривают нравственную обязанность властных субъектов уголовного судопроизводства *расширять* в необходимых случаях объем правомочий участников правоотношений, не допуская при этом ущемления прав других лиц и не нарушая общий порядок производства по уголовному делу, установленный законом. Нужно сказать, что схожий подход по рассматриваемой проблеме довольно часто демонстрирует Конституционный Суд РФ. Опираясь на ст. 45 Конституции РФ, гарантирующую государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а так же на ст. 46 Конституции РФ, гарантирующую право на судебную защиту, Конституционный Суд РФ сформулировал целый ряд правовых позиций, фактически отражающих расширительное толкование норм уголовно-процессуального закона относительно перечня закрепленных в нем прав участников уголовного судопроизводства. Например, согласно определению Конституционного Суда РФ от 12.05.2003 г. № 173-О положения пункта 12 части четвертой статьи 47 и пункта 7 части первой ст. 53 УПК РФ по конституционно-правовому смыслу *не препятствуют обвиняемым*, права и законные интересы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения. Согласно правовой позиции, сформулированной в определении Конституционного Суда РФ от 18.12.2003 г. № 429-О положения статей 47,

53, части восьмой статьи 162 и части первой статьи 195 УПК РФ по их конституционно-правовому смыслу *не препятствуют обвиняемым*, права которых затрагиваются решениями органов предварительного расследования о продлении сроков предварительного расследования и о назначении судебной экспертизы, и их *защитникам* в ознакомлении с такими решениями, не исключают необходимость представления названным участникам судопроизводства данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений.

Вместе с тем, само наличие указанных решений Конституционного Суда РФ, свидетельствует о том, что правоприменители напротив, склонны толковать положения уголовно-процессуального закона в части объема прав участников ограничительно. В.О. Белоносов обоснованно указывал, что дознаватели, следователи, прокуроры и судьи наиболее часто прибегают к толкованию уголовно-процессуальных норм как субъекты, профессионально применяющие эти нормы в своей деятельности. Он также обращал внимание на то, что правоприменители всегда стремятся интерпретировать закон так, как им это удобно. Саму возможность субъективного стремления правоприменителя толковать норму закона в своих интересах автор объяснял такими объективными факторами, как: природа человеческого сознания и реальное многообразие любой знаковой системы, в том числе текста [6, с. 123-125]. Нельзя также сбрасывать со счетов и ведомственный интерес, преследуемый соответствующими должностными лицами. С другой стороны, обозначенное выше субъективное стремление неизбежно ограничивается заинтересованностью государства в единообразном понимании законодательных предписаний. Государственная воля в вопросе единообразного формирования правоприменительной практики реализуется через полномочия высших судебных инстанций на издание общеобязательных актов толкования. Полагаем, что в сфере толкования правоприменители с неизбежностью ограничены и принципами, то есть основными правовыми началами той деятельности, которую они

осуществляют. К числу таких основных начал относится и принцип справедливости как определенной соразмерности, сбалансированности интересов личности и общества. На тот факт, что судебная практика выступает одним из эффективных средств совершенствования юридических дефиниций, раскрывая в процессе их толкования все существенное и делаая их содержательными, верно указывал Т. Т. Алиев. При этом он отмечал, что «задача суда - сопоставлять требования государства и общества с интересами конкретного юридического или физического лица, находить компромисс, не допуская ситуации, при которой требования публичного интереса полностью подавляют частный интерес, и наоборот, когда публичные интересы вообще не учитываются судом» [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что справедливость как общеправовой принцип детерминирует законодательный процесс в сфере уголовного судопроизводства, качественно определяя содержание уголовно-процессуальных норм с точки зрения верного соотношения прав и обязанностей участников уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, уголовно-процессуальные нормы как составная часть механизма уголовно-процессуального регулирования изначально должны обладать таким качеством как справедливость. При этом объем предоставляемых прав должен быть необходимым и достаточным для того, чтобы эффективно защитить преследуемый участником интерес. Из чего мы делаем более общий вывод о том, что законодатель в уголовном судопроизводстве посредством предоставления взаимных прав и обязанностей уравнивает частные и публичные интересы. Вместе с тем, проблема выявления верного соотношения частных и публичных интересов с неизбежностью встает и перед судебной практикой в процессе рассмотрения конкретных уголовных дел. При этом взвешивание вступающих в противоречие между собой конституционно защищаемых ценностей осуществляется на основе принципа справедливости с тем, чтобы ни одна из ценностей не была полностью утрачена и при этом сохранила свое сущностное содержание.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
2. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. Монография. М., 2005.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации" (постатейный)/Под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлен для системы Консультант-Плюс, 2012.
4. Тарасов А.А. О публичном интересе в делах частного обвинения. //Мировой судья. 2012. N 4.
5. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007.
6. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России. Самара, 2006.
7. Алиев Т.Т. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России. //Современное право. 2010. N 4.

Е.А. Зайцева

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса
УНК по предварительному следствию в ОВД,
ФГКОУ ВПО «Волгоградской академии МВД России»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕРТНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Среди всей гаммы уголовно-процессуальных отношений, возникающих в ходе уголовного судопроизводства, особо выделяются отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами расследования и правосудия процессуальной деятельности по получению доказательства - заключения эксперта. В. М. Галкин в силу их специфичности назвал данные отношения экспертно-процессуальными [1, с. 44–45].

В круг этих специфических правоотношений вовлечены различные процессуальные фигуры - как наделенные властными полномочиями лидирующие субъекты уголовного судопроизводства (органы предварительного расследования и суд, назначившие экспертизу), так и

обычные участники уголовного процесса, обладающие только субъективными правами и юридическими обязанностями (стороны защиты и обвинения, свидетели, эксперты).

Экспертно-процессуальные отношения разнообразны по своей природе, направленности и содержанию и могут возникать между следующими субъектами: между органами, назначившими экспертизу, осуществляющими уголовное производство по делу в досудебных и судебных стадиях, и экспертом; возникающие и развивающиеся под контролем органа, назначившего судебную экспертизу, отношения между экспертом и участниками процесса, которые имеют в деле самостоятельный правовой интерес, и другими участниками процесса (переводчиками, специалистами, свидетелями); отношения между участниками процесса и органом, назначившим экспертизу, в связи с реализацией этими участниками комплекса прав, которым они наделены в ходе экспертизы; отношения между самим экспертом и руководителем экспертного учреждения, если экспертиза проводится в экспертном учреждении; отношения между членами экспертной комиссии при коллегиальном производстве судебной экспертизы.

Относительно двух последних видов правоотношений хотелось бы отметить следующее. Принадлежность их к уголовно-процессуальным отношениям не вызывает сомнений ввиду наличия нормативного закрепления в ч. 2 ст. 199 УПК РФ порядка осуществления полномочий руководителя экспертного учреждения при поручении им производства экспертизы конкретному эксперту (экспертам); процедуры осуществления исследований членами экспертных комиссий при производстве комплексных и комиссионных экспертиз, распределения их процессуальной и научной компетенции — в ч. 2 ст. 200 и ч. 2 ст. 201 УПК РФ. Данные действия, осуществляемые руководителем экспертного учреждения, экспертом, членами экспертных комиссий носят процессуальный характер и являются содержанием указанных уголовно-процессуальных отношений [2, с. 95].

В науке уголовно-процессуального права признано, что всегда неизменным участником уголовно-процессуальных отношений выступает государственный орган (или должностное лицо), что отражает публично-правовой характер данного вида общественных отношений. Однако, при первом взгляде на указанные отношения, возникающие между самим экспертом и руководителем экспертного учреждения, а также между членами экспертной комиссии может сложиться впечатление, что этот важный признак уголовно-процессуального отношения (участие в нем представителя государственной власти) отсутствует. Но это не так. Во-первых, в отношениях, которые возникают между экспертом и руководителем экспертного учреждения последний выполняет функции, делегированные ему лицом, осуществляющим производство по уголовному делу (для сравнения - при производстве экспертизы вне экспертного учреждения следователь вручает постановление о назначении экспертизы и материалы эксперту, разъясняет ему его права и ответственность, то есть выполняет те же процессуальные действия, что и руководитель экспертного учреждения). Эти отношения между экспертом и руководителем экспертного учреждения развиваются под непосредственным контролем лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Так, к примеру, поручив производство экспертизы конкретному сотруднику экспертного учреждения, руководитель экспертного учреждения уведомляет об этом следователя (ч. 2 ст. 199 УПК РФ). При возникновении потребности в дополнительных материалах для производства судебной экспертизы эксперт заявляет соответствующее ходатайство следователю через своего руководителя. При необходимости замены назначенного эксперта данный вопрос решается следователем – опять же «с подачи» руководителя экспертного учреждения. Контроль соблюдения сроков, требований закона экспертами, качества заключений экспертов возложен на руководителя экспертного учреждения.

Во-вторых, процессуальные отношения между членами экспертной комиссии также контролирует орган или должностное лицо,

осуществляющее производство по уголовному делу. При этом следователь вправе даже присутствовать при производстве комиссионной или комплексной экспертизы и осуществлять не опосредованный, а непосредственный контроль за соблюдением процессуального порядка экспертами в ходе такой экспертизы (ст. 197 УПК РФ).

Таким образом, в экспертно-процессуальные отношения вовлечен довольно широкий круг участников уголовного судопроизводства. При этом следует подчеркнуть, что тщательность законодательной проработки нюансов процессуального статуса этих участников различна: от относительно «добротного» комплекса прав, закрепленного в ст.ст. 198 и 206 УПК РФ для обвиняемого, подозреваемого, их защитника, потерпевшего и его представителя, до фрагментарно очерченного процессуального положения руководителя экспертного учреждения[4].

Что касается субъективных прав участников экспертно-процессуальных отношений со стороны защиты и обвинения, следует поддержать законодателя в его стремлении уравнивать процессуальные возможности потерпевшего и его представителя с оппонентами со стороны защиты при назначении и производстве судебной экспертизы: федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ [3] потерпевшему и его представителю был предоставлен такой же комплекс прав, как и у обвиняемого (подозреваемого). Однако дальше этих новаций в совершенствовании прав участников экспертно-процессуальных отношений законодатель не пошел, в результате чего гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, чьи интересы также могут быть затронуты в связи с назначением и производством судебной экспертизы, так и не получили необходимого набора прав для отстаивания своих материальных интересов при проведении данного следственного действия.

При анализе вышеизложенной ситуации нужно учитывать социально-экономические реалии современного общества, нашедшие, в том числе, отражение в формулировке назначения уголовного судопроизводства,

которым согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 является защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Этот приоритет диктует необходимость создания комфортной уголовно-процессуальной обстановки для участников, имеющих в уголовном деле материальный интерес. Для обеспечения действенной защиты интересов гражданского истца и гражданского ответчика следует ввести в ст. 198 УПК РФ новую часть 1.1 следующего содержания: «1.1. Права, предусмотренные частью первой настоящей статьи, имеют гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, если назначение и производство судебной экспертизы затрагивает их процессуальные интересы». Аналогичное дополнение должно быть внесено и в ст. 206 УПК РФ.

Наряду с вышеуказанным недостатком в нормативной регламентации экспертно-процессуальных отношений, можно отметить также тот факт, что законодатель неудачно сформулировал нормы, регулирующие статус участников этих отношений, отказавшись от использования обязывающих норм при конструировании соответствующих статей, что ведет к дисбалансу механизма правового регулирования соответствующих отношений, где начинает преобладать статическая регулятивная функция права.

В любом случае обязанность обвиняемого и подозреваемого подвергнуться судебно-экспертному исследованию вытекает из требования обязательности постановлений следователя, вынесенных в отношении данных участников.

Несколько иначе в обновленном уголовно-процессуальном законодательстве регулируется вопрос об обязанности потерпевшего подвергнуться судебной экспертизе. Законодатель предпринял беспрецедентные шаги для понуждения потерпевшего к участию в доказывании по уголовному делу: теперь новая редакция ч. 7 ст. 42 УПК РФ предусматривает уголовную ответственность потерпевшего не только за отказ от дачи показаний, но и за уклонение от прохождения освидетельствования, от

производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. По сути, только для потерпевшего введены такие репрессивные нормы, что указывает на явный дисбаланс в вопросах правообеспечения. Именно для потерпевшего от преступления лица, которое нуждается во всемерной защите и охране, как это явствует из назначения уголовного судопроизводства, предусмотрено в уголовном процессе больше всего видов уголовной ответственности в связи с участием в уголовно-процессуальных отношениях: по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос; по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний; по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний либо уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования; по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования. При этом следует отметить, что российский законодатель выступает «новатором» в данном направлении: в уголовных кодексах государств – участников СНГ подобные виды ответственности, введенные в ст. 308 УК РФ, не предусмотрены [5, с. 86-90].

Представляется, что уголовная ответственность потерпевшего в связи с уклонением от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, вносит элементы несправедливости в экспертно-процессуальные отношения, обременяя потерпевшего большим объемом обязанностей, создавая для него травматичную, некомфортную обстановку, что можно расценивать как повторную или третичную виктимизацию потерпевшего. Однако в правовом демократическом государстве режим обеспечения прав и интересов жертв преступлений должен быть максимально комфортным для них, на что указано в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью [6]. Можно утверждать, что комментируемые новации российского законодателя в части установления подобной

ответственности для потерпевшего противоречат международным нормам, в связи с чем они не должны подлежать применению.

С точки зрения совершенствования статуса участников экспертно-процессуальных отношений необходимо проанализировать и новеллы федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. [7], который ввел судебную экспертизу в качестве проверочного средства в стадии возбуждения уголовного дела.

В процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела вовлекаются разные участники: заявители и явившиеся с повинной лица, чья правовая активность «запустила» механизм уголовно-процессуальных отношений; лица, чей статус еще формально не закреплён: очевидцы и иные обладающие информацией о событии и его участниках лица; лица, потерпевшие от преступлений, лица, в отношении которых осуществляются проверочные мероприятия на предмет их причастности к совершению преступления. Весь этот достаточно широкий круг лиц можно именовать собирательным термином «участники проверки сообщения о преступлении». На этих лиц законодатель распространяет комплекс прав в связи с участием в проверочных мероприятиях (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), совершенно не принимая во внимание необходимость наделения участников судебной экспертизы, проводимой на стадии возбуждения уголовного дела, правами, предусмотренными ст. 198 УПК РФ. В результате законодатель применяет совершенно нелогичный прием: для компенсации отсутствия прав участников проверки в связи с производством судебной экспертизы вводится требование обязательного удовлетворения ходатайства стороны защиты и потерпевшего о проведении дополнительной и повторной экспертизы, если первичная экспертиза проводилась до возбуждения уголовного дела. В демократическом уголовном процессе права участников должны быть действенными, реально позволяющими своевременно отстаивать свои интересы. Более разумным было бы решение о распространении положений

ст. 198 УПК РФ на участников проверки сообщения о преступлении, если экспертиза затрагивает их процессуальные интересы.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на усилия законодателя, статус участников уголовно-процессуальных отношений далек от идеальной модели и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список использованной литературы:

1. Галкин В.М. Юридическая природа экспертизы // Вопросы криминалистической экспертизы и правовой кибернетики: сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1971. № 3.
2. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. М., 2010.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6997.
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
5. Зайцева Е.А. Понуждение к участию в доказывании // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: матер. междунар. науч.-практ. конф. (4 апреля 2014 г.). Часть II. Челябинск, 2014.
6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

С.А. Иваницкий

доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса,
Луганского государственного университета
внутренних дел им. Э.А. Дидоренко МВД Украины

РЕФОРМА АДВОКАТУРЫ В УКРАИНЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА НАДЛЕЖАЩЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЦА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Начиная с марта 2014 года, в условиях сложной общественно-политической ситуации в Украине на государственном уровне и в адвокатском сообществе поднят вопрос о необходимости реформирования

законодательства об адвокатуре и корреспондирующих ему норм процессуальных отраслей права. Вопрос, скажем сразу, дискуссионный и не всеми поддерживаемый в профессиональном сообществе, что связано с непродолжительным сроком действия Закона Украины “Об адвокатуре и адвокатской деятельности” от 05.07.2012 г.[1] и Уголовного процессуального кодекса Украины от 13.04.2012 г. [2], а также наличием более злободневных нерешенных проблем государственно-правового строительства.

Созданы две рабочие группы по усовершенствованию законодательной базы. Первая образована на базе Национальной ассоциации адвокатов Украины. Вторая сформирована под эгидой Министерства юстиции Украины (руководитель – Сирый Н.И.) с привлечением к ее работе адвокатов, ученых, представителей указанного министерства и общественных организаций адвокатов, а также органов адвокатского самоуправления.

Среди наиболее значимых предложений о внесении изменений и дополнений в Закон Украины “Об адвокатуре и адвокатской деятельности” следует отметить наделение адвоката правом на бесплатный доступ к информационным базам данных государственных органов, органов местного самоуправления, Пенсионного фонда Украины и фондов общеобязательного государственного социального страхования, кроме тех баз данных, которые содержат государственную тайну (п. 7-1 ст. 20); признание недопустимыми доказательств, полученных в результате следственных действий, проведенных в отсутствие представителя совета адвокатов региона, который не был заранее уведомлен об их проведении (ч. 2 ст. 23); усовершенствование института адвокатского запроса путем установления четкой обязанности органов государственной власти или местного самоуправления, их должностных лиц, руководителей предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений, которым направлен адвокатский запрос, предоставить адвокату не позднее пяти дней со дня получения запроса соответствующей информации, копий документов, кроме

информации и документов, в которых содержится государственная тайна (ч. 2 ст. 24) [3].

Одним из наиболее сложных является вопрос о системе органов адвокатского самоуправления, в связи с чем предложения об упразднении советов адвокатов регионов и возврате к существовавшей ранее вертикали КДКА-ВКДКА, наделении их представительскими и иными полномочиями требуют взвешенной, детальной проработки.

Безусловно справедливым представляется стремление разработчиков законопроекта освободить адвокатов, являющихся инвалидами или пенсионерами, от уплаты ежегодных взносов на обеспечение реализации адвокатского самоуправления.

Предупреждению фактов злоупотребления правом, а также использования института дисциплинарной ответственности с целью давления на адвоката должна способствовать реализация сформулированного Т.В. Батюсь предложения о наделении правом на обращение в КДКА с заявлением (жалобой) по поводу поведения адвоката каждого, кому известны факты такого поведения, при условии, что деятельность адвоката касается его прав и интересов.

Вместе с тем, нельзя согласиться с мнением О.И. Спину об изменении порядка избрания делегатов на съезд адвокатов Украины, в частности, с передачей таких полномочий от конференций адвокатов региона к компетенции собраний адвокатов региона [4]. В организационно-техническом плане эффективно обеспечить проведение собраний возможно только в областях с незначительным количеством адвокатов. В регионах, где количество адвокатов превышает 2 тыс. (Донецкая, Харьковская обл., г. Киев и др.) проведение такого многочисленного собрания адвокатов является трудно осуществимым в аспекте наличия помещений, рассылки приглашений, подсчета голосов и т.д.

Значительная роль в обеспечении реализации прав и гарантий адвокатской деятельности членами рабочих групп отведена

усовершенствованию сопутствующих процессуальных норм, регламентирующих порядок работы адвоката в рамках отраслевых юридических производств.

Заслуживают поддержки предложения о закреплении перечня прав адвоката-защитника в сфере уголовного процесса в отдельной статье уголовного процессуального закона, нормативной конкретизации термина “безотлагательно” (в течении 3-х часов) применительно к реализации обязанности должностных лиц уведомлять совет адвокатов региона о задержании адвоката или применении к нему меры пресечения, расширение возможности использования защитником технических средств.

Вместе с тем, трудно согласиться с наделением адвоката-защитника правом быть надлежаще и в сроки, установленные УПК Украины, уведомленным о дате, времени и содержании любых процессуальных действий, принимать участие в их проведении и др. [5]. Очевидно, что в данном контексте словосочетание “любых процессуальных действий” носит слишком общий характер, касается практически всех действий следователя в рамках уголовного производства, что может привести к тому, что половину своего рабочего времени следователь будет заниматься обеспечением надлежащего уведомления защитника. Вполне логично дифференцировать по значимости процессуальные действия, вменив следователю в обязанность заблаговременно уведомлять защитника о производстве ключевых процессуальных действий.

С учетом изложенного, несмотря на наличие дискуссионных положений, сформулированные предложения по усовершенствованию процессуального законодательства и Закона Украины “Об адвокатуре и адвокатской деятельности” в основном заслуживают поддержки и реализации в законодательной сфере, что, в частности, позволит на более высоком уровне обеспечить право лица на защиту в уголовном производстве.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р., № 4651-VI // Офіційний вісник України. 2012. № 37. Ст. 1370.
2. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 року № 5076 // Офіційний вісник України. 2012. № 62. Ст. 2509.
3. Порівняльна таблиця змін та доповнень до Закону України «Про адвокатуру та адвокатську діяльність»: розроблена робочою групою Національної асоціації адвокатів України [Сайт]. URL: <http://unba.org.ua/news/zakon4.php>. (дата обращения: 17.04.2014).
4. Узагальнені пропозиції адвокатів та представників громадських організацій адвокатів до проекту Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про адвокатуру та адвокатську діяльність» (до статей 50 - 61 (частина 2), перехідних та прикінцевих положень) [Сайт]. URL: http://legalaid.gov.ua/ua/?option=com_content&view=article&id=634. (дата обращения: 15.04.2014).
5. Порівняльна таблиця змін та доповнень до нормативно-правових актів України, що прямо або опосередковано стосуються здійснення адвокатської діяльності: розроблена робочою групою Національної асоціації адвокатів України [Сайт]. URL: <http://unba.org.ua/news/zakon4.php>. (дата обращения: 17.04.2014).

В.Ю. Креница

Руководитель юридического отдела
Филиала в г. Саратов ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг»,
Закрытое акционерное общество «ЭР-Телеком Холдинг»

КОЛЛИЗИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Процессы глобализации и ускорение темпов информационного обмена, в которые вовлечена Российская Федерация порождают изменения общественных отношений, которые требуют всестороннего анализа специалистами различных отраслей права на предмет достаточности действующих нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере информации, а также смежные общественные отношения.

Конституционные права граждан: право свободно искать, получать информацию и обмениваться информацией; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право

на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, должны быть реализуемы как посредством собственно норм информационного права. Так и посредством норм смежных отраслей права.

В то же время существующие механизмы защиты информационных прав не обеспечивают на наш взгляд должным образом возможности защиты информационных прав.

Так, имеют место коллизии между нормами Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ "О связи"[1], Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности"[2], Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ "О полиции"[3], регулирующими порядок и основания предоставления сведений о гражданах-абонентах операторами связи органам государственной власти.

Отсутствует законодательное определение понятия IP-адреса, присвоенного абоненту и MAC-адреса оборудования, с которого осуществлялся доступ к сети Интернет.

Между нормами законодательства о связи и нормами законодательства, устанавливающего права и обязанности органов внутренних дел, имеются противоречия, не позволяющие с определенностью установить исчерпывающий круг субъекта, уполномоченных запрашивать подобные сведения, порядок и основания предоставления подобных сведений, категории сведений, предоставляемых на основании запроса органа, а также категории сведений, предоставляемых на основании решения суда.

Более того, законодатель избирательно подходит к вопросу обязательности предоставления сведений по запросу органов государственной власти. Так, например, в случае предоставления сведения о гражданах органам Федеральной службы безопасности России, порядок и основания предоставления сведений четко прописаны.

Так, в соответствии со ст. 64 ФЗ «О связи» Операторы связи обязаны обеспечивать реализацию установленных федеральным органом

исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, требований к сетям и средствам связи для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий.

Указанное требование конкретизируется в Постановлении Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность[4], в котором установлена обязанность операторов связи предоставлять информацию об абонентах органам федеральной службы безопасности путем осуществления круглосуточного удаленного доступа к базам данных. Причем в Постановлении законодатель конкретизирует и перечень предоставляемой информации (фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, представленные при личном предъявлении абонентом указанного документа, - для абонента-гражданина; наименование (фирменное наименование) юридического лица, его место нахождения, а также список лиц, использующих окончное оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, - для абонента - юридического лица; сведения баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов).

Таким образом, в случае необходимости обеспечения государственной безопасности законодатель детально регулирует порядок доступа к информации о гражданах, хотя и в сторону ущемления информационных

прав граждан. В иных же случаях, порядок предоставления информации об абонентах законодателем четко не определен.

Причем мера ответственности оператора связи за непредставление сведений об абонентах органам Федеральной службы безопасности гораздо существеннее, по сравнению с непредставлением сведений иным органам – выполнение мероприятий СОПМ является лицензионным условием в лицензии на предоставление телематических услуг связи. Непредставление органам ФСБ круглосуточного доступа к базам данных об абонентах может быть расценено органом государственной власти, специально уполномоченным в сфере связи, как невыполнение лицензионных условий с последующим проведением внеплановой проверки, предписанием, административным штрафом и иными негативными последствиями для оператора связи.

Также считаем необходимым обратить внимание на коллизию в вопросе предоставления сведений о гражданах органам Федеральной службы судебных приставов. Федеральный закон «О связи» напрямую не назвал указанные органы в числе органов, уполномоченных затребовать сведения об абонентах. И операторы связи отказ в предоставлении мотивируют статьей 53 ФЗ «О связи» и отнесением данных о абонентах к информации ограниченного доступа[1].

При запросе сведений указанные органы ссылаются на нормы статьи 64 ФЗ «Об исполнительном производстве», а именно судебный пристав исполнитель вправе ...запрашивать необходимые сведения, в том числе персональные данные, у физических лиц, организаций и органов, находящихся на территории Российской Федерации, а также на территориях иностранных государств, в порядке, установленном международным договором Российской Федерации, получать от них объяснения, информацию, справки.

Полагаем, что законодательно должен быть установлен единообразный процессуальный порядок запроса информации об абонентах, четко прописан

круг уполномоченных субъектов, порядок и основания предоставления указанной информации. Причем по возможности указанные положения должны быть закреплены в нормах информационного права.

В результате должны быть сформированы следующие механизмы защиты информационных прав граждан, при реализации процессуальных норм:

1. создание собственных отраслевых процессуальных норм, позволяющих защитить права участников информационных правоотношений;
2. законодательное закрепление механизмов обеспечения информационных прав граждан в процессуальных нормах иных отраслей права;
3. обеспечение информационных прав граждан процессуальными средствами иных отраслей права.

Также полагаем, что должны быть законодательно сформированы механизмы обеспечения права граждан на экологическую информацию, поскольку действующие правовые механизмы не обеспечивают указанное право.

Список использованной литературы:

1. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 02.04.2014) // СЗ РФ. 2003. № 28, Ст. 2895; 2013. № 30 (Часть I), Ст. 4062.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 21.12.2013) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2013. № 51. Ст. 6689.
3. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03.02.2014) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900 // 2014. № 6. Ст. 566.
4. Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Постановление Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 (в ред. от 10.04.2013) // СЗ РФ. 2005. № 36. Ст. 3704 // 2013. № 15. Ст. 1804.

ВЕДОМСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Федеральный закон от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ и ряд последующих законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ существенно скорректировали нормы, определяющие процессуальные полномочия руководителя следственного органа, соотношение прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием.

Ныне роль руководителя следственного органа (наиболее приближенного к следователю контролирующего субъекта) существенно возросла. Но такое расширение полномочий административного начальника следователя вызвало весьма неоднозначную оценку ученых, многие из которых считают, что расширение процессуальных полномочий руководителя следственного органа в сочетании с административными и дисциплинарными возможностями данного участника процесса поставило следователя в положение лица, практически полностью утратившего самостоятельность во взаимоотношениях со своим ведомственным руководителем [9, с.281; 13, с.687; 2, с.27; 3, с.102-103]. Высказываются также опасения, что передача полномочий, ранее принадлежавших прокурору, руководителю следственного органа, неизбежно влечет за собой появление внутриведомственных интересов по достижению определенных показателей в служебной деятельности, и что замена прокурорского надзора ведомственным контролем приведет к негативным последствиям [1, с.30-31; 4, с.16-17], так как руководитель следственного органа всегда будет на стороне подчиненного следователя, даже если последним допускаются нарушения закона, поскольку ответственность за эти нарушения несет и сам руководитель [8, с.10; 11, с.5].

В то же время нельзя не отметить, что ведомственный руководитель более «доступен» для следователя и способен оперативно решать все возникающие при производстве по делу вопросы. Кроме того, непосредственная близость руководителя следственного органа к следователю создаёт условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона и своевременного реагирования на выявленные нарушения [12, с.86].

Одним из наиболее действенных инструментов контроля руководителя следственного органа за предварительным расследованием является его право проверять уголовные дела, находящиеся в производстве у следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Важное значение имеет своевременность проверки, поскольку запоздалое изучение дел приводит к тому, что не принимаются необходимые меры, устраняющие нарушение процессуальных норм и обеспечивающие расследование дела в установленные сроки. Порядок проверки дел зависит от инициативы руководителя следственного органа, опыта следователей и других обстоятельств. Опубликованные данные о деятельности следственных подразделений свидетельствуют о том, что проверка уголовных дел нередко носит эпизодический характер. Чаще всего руководители следственного органа знакомятся с делом в полном объеме, когда оно представляется ему с обвинительным заключением (38,4 %), либо при отмене необоснованного постановления следователя о приостановлении предварительного следствия (36,9 %) [6, с.100]. В 53 % случаев проверка уголовных дел руководителями следственных органов проводится один раз в течение срока предварительного следствия. Треть респондентов (32 %) указывают, что руководителями следственных органов истребуются для проверки не все уголовные дела [12, с.92].

Отсутствие в УПК РФ оснований для осуществления проверки уголовных дел руководителем следственного органа вносит в работу следователя элемент неопределенности (когда и какое уголовное дело потребуют на проверку, в течение какого времени будет идти проверка и т.д.),

и тем самым ограничивает его право самостоятельно направлять ход расследования. В этой связи, представляется целесообразным п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ изложить в следующей редакции: «проверять материалы проверки сообщений о преступлении, материалы уголовного дела по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, дел, по которым в качестве подозреваемого или обвиняемого привлечено лицо, ранее судимое, а также дел, возбужденных в отношении лиц, указанных в ч. 4 ст. 39 настоящего Кодекса. Проверка материалов уголовных дел, за исключением указанных в абзаце 2 настоящего пункта, осуществляется при наличии одного из следующих оснований: наличие жалобы на действие (бездействие) следователя; осуществление полномочий предусмотренных п. 5, 8, 10 ч. 1, ч. 4 настоящей статьи; получение сообщения о нарушении прав участников уголовного судопроизводства по делу, находящемуся в производстве следователя, из иных источников».

Руководителю следственного органа предоставлено право давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, избрании меры пресечения, квалификации преступления и объеме обвинения, давать согласие на возбуждении перед судом ходатайств о производстве процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения и т.д. Следует отметить, что дача руководителем следственного органа указаний о производстве отдельных следственных действий и о направлении расследования не является тождественным. Данное положение четко отражено в п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Давая указания следователю о направлении расследования, руководитель следственного органа предписывает следователю вести следствие в определенном русле, отработывая различные версии совершенного преступления. Реализуя данное право, руководитель следственного органа создает предпосылки к осуществлению надлежащего контроля за деятельностью подчиненных следователей, не ограничивая при этом их право провести иные следственные

действия, в производстве которых возникла необходимость. Фактически же руководителю следственного органа передана вся полнота власти по организации предварительного следствия, так как принятие всех важнейших решений о производстве процессуальных действий либо санкционируется им, либо такие действия проводятся по его письменному указанию.

В связи с этим в специальной литературе высказывались предложения сузить сферу применения таких указаний и ввести новую, более демократичную форму процессуального взаимодействия руководителя следственного органа и следователя – «предложение к рассмотрению следователя», носящую информационно-ориентирующий, рекомендательный характер, и требующую лишь обязательного рассмотрения поставленных перед следователем вопросов и уведомления о принятом решении [5, с.7]. Такая форма взаимоотношений руководителя следственного органа и следователя представляется нецелесообразной. Учитывая высокую текучесть кадров в следственных подразделениях, следователи, не имеющие достаточного опыта работы, заинтересованы именно в получении указаний как средства обеспечения полного, всестороннего установления обстоятельств преступления. Вместе с тем в целях повышения ответственности руководителей следственных органов за законность и обоснованность даваемых ими указаний по уголовным делам, целесообразно закон (ст. 166 УПК РФ) положением о том, что, если следственное (процессуальное) действие производилось по письменному указанию руководителя следственного органа, то в протоколе данного действия делается соответствующая отметка.

Указания руководителя следственного органа при несогласии с ними следователя могут быть обжалованы им руководителю вышестоящего следственного органа, но принесение жалобы не приостанавливает их исполнение, за исключением случаев, когда они касаются передачи дела другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения,

производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения. В такой ситуации следователь вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания своего руководителя.

При этом УПК РФ не предусматривает положения о том, что при несогласии с позицией следователя руководитель вышестоящего следственного органа должен передать уголовное дело другому следователю. Тем самым, руководитель вышестоящего следственного органа может оставить в силе указание нижестоящего руководителя, выполнение которого является обязательным для следователя, несмотря на сформировавшееся у следователя внутреннее убеждение [13, с. 692]. Подобное «принуждение» следователя к совершению действий, противоречащих его внутреннему убеждению, особенно тогда, когда речь идет об убеждении в необходимости прекращения дела или направления его в суд с обвинительным заключением, недопустимо.

Отсутствие в ч. 3 ст. 39 УПК РФ определенного правового механизма рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа жалобы следователя на указания его непосредственного начальника, отсутствие в законе срока рассмотрения жалобы также отрицательно сказывается на обеспечении процессуальной независимости следователя. В специальной литературе в связи с этим предлагается закрепить в законе возможность обжалования указаний и решений руководителя следственного органа надзирающему прокурору, предоставив последнему полномочия по отмене обжалуемого акта руководителя следственного органа либо по передаче дела другому следователю [10, с.25].

Представляется, что для урегулирования данной проблемы достаточно дополнить ч. 3 ст. 39 УПК РФ положением следующего содержания: «Руководитель вышестоящего следственного органа не позднее трех суток со дня направления следователем в его адрес возражений на

указания руководителя следственного органа и материалов уголовного дела, выносит мотивированное постановление, содержащее одно из следующих решений: 1) признать возражения обоснованными и отменить указания руководителя следственного органа; 2) признать возражения следователя необоснованными и передать уголовное дело другому следователю».

Руководитель следственного органа вправе отстранить следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований уголовно-процессуального закона. При этом руководитель следственного органа в своем постановлении указывает, какие именно нарушения допустил следователь, и какое значение они имеют для дальнейшего производства предварительного следствия. После отстранения следователя от расследования в связи с нарушением закона руководитель СО вправе рассмотреть вопрос о привлечении следователя к дисциплинарной ответственности. Однако, по нашему мнению, далеко не всякое нарушение следователем требований УПК РФ должно влечь его отстранение от дальнейшего производства расследования, а только такое, которое имеет существенный характер и влечет нарушения прав участников расследования, либо создает угрозу их нарушения. К числу таких нарушений относятся ограничение следователем права на защиту подозреваемого (обвиняемого), несвоевременное признание потерпевшим лица, пострадавшего от преступления и т.п. В этой связи, считаем необходимым, внести изменения в п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено существенное нарушение требований настоящего Кодекса, влекущее нарушение прав участников уголовного судопроизводства, либо создающее угрозу их нарушения».

Обнаружив при проверке уголовных дел или отдельных процессуальных документов нарушения закона, руководитель следственного органа обязан принять меры к их устранению. Прежде всего, он должен разъяснить следователю, в чем заключаются допущенные им нарушения,

предложить ему правильное решение [7, с.386]. Если же решение следователя облечено в форму постановления, которое, по мнению руководителя следственного органа, не отвечает требованиям закона и вынесено необоснованно, то он отменяет данное решение следователя.

Таким образом, ныне руководитель следственного органа является основным «рубежом» противодействия нарушениям уголовно-процессуального закона в ходе досудебного производства. Именно он осуществляет постоянный мониторинг за деятельностью подчиненных работников, и именно он в состоянии минимизировать допускаемые следователем нарушения при производстве расследования.

Список использованной литературы

1. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008.
2. Ищенко Е.П. О концептуальных недостатках Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2008. № 1 (31).
3. Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства. Сб. материалов научной конференции к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. М., 2008.
4. Костанов Ю.А. Необходимость возвращения прокурорского надзора за следствием // Уголовный процесс. 2012. № 5.
5. Мешков М.В. Процессуальное положение начальника следственного отдела в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
6. Наметкин Д.В. Процессуальная самостоятельность органов и лиц, ведущих предварительное расследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
7. Николаева М.И. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Учёные криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: Материалы науч.-практ. конференции. М., 2007. Ч. 2.
8. Паничев А., Похмелкин А., Костанов Ю., Румянцев В., Решетилова И. Не оставляйте следователя безнадзорным // Законность. 2008. № 5.
9. Победин А.В., Новиков Е.А. Некоторые проблемы содержания процессуальных полномочий руководителя следственного органа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 2.
10. Попова Т.Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
11. Халиулин А.Г. О роли прокурора в уголовном судопроизводстве // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов. М., 2009.
12. Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

13. Шамардин А.А. К вопросу о реформе предварительного расследования в связи с созданием Следственного комитета при Прокуратуре РФ // Избранные труды. Оренбург, 2007.

Ю.Н.Михайлова

к.ю.н., доцент кафедры методологии криминалистики
ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной юридической академии»

Ю.В. Францифоров

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной юридической академии»

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Являясь важнейшей гарантией правильного осуществления правосудия, обеспечения прав и законных интересов участников процесса, деятельность суда апелляционной инстанции обусловлена проверкой законности, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции, с целью выявления и устранения судебных ошибок еще до вступления решения суда в законную силу.

Конституцией РФ установлено, что каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора, вынесенного по его уголовному делу, вышестоящим судом, в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания (ч. 3 ст. 50). Данное предписание Основного Закона Российской Федерации в полной мере соответствует правовым нормам Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции) и Международным Пактом о гражданских и политических правах (п. 5 ст. 15), устанавливающих право каждого осужденного за совершение уголовного преступления на то, чтобы

вынесенный в отношении него приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

Необходимость апелляционного производства обоснована как интересами правосудия, так и стремлением общества и государства к добавочной гарантии принятия законного, справедливого и обоснованного судебного решения, чему посвящены работы известных ученых-процессуалистов. Так, по мнению Н.Н. Полянского, «интересы правосудия обеспечиваются тем, что суды, рассматривающие дела в первой инстанции, знают, что каждый постановленный ими приговор, а также условия и порядок расследования и рассмотрения дела, по которому приговор постановлен, могут стать предметом оценки со стороны вышестоящей инстанции»[4, с.208].

Оценка вышестоящего суда законности принятого решения нижестоящим судом проявляется в возможности реализации права участников процесса обжаловать процессуальные действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, включая право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом.

С.И. Викторский сущность апелляции видел в проверке обжалованной части неокончательного приговора и действий суда первой инстанции, на которых приговор был основан, не только в отношении формы, но и существа [1, с.28].

Как правильно писал И.Я. Фойницкий, «задачи апелляции - дать полным разбирательством добавочную гарантию справедливости судебного приговора; эта добавочная гарантия состоит в привлечении к участию в деле высшего суда, более совершенные познания и большая опытность которого рассматриваются как дальнейшее обеспечение интересов правосудия» [6, с.533].

Современное апелляционное производство обусловлено стремлением приведения национального уголовно-процессуального законодательства в

соответствие с международными стандартами, в основе которых лежит право каждого осужденного за совершение уголовного преступления на то, чтобы вынесенный в отношении его приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

По справедливому суждению А. Победкина, апелляция необходима, когда недостаточно гарантий постановления законного и обоснованного приговора, например, когда подсудимому грозит суровое наказание (пожизненное лишение свободы или смертная казнь) [3, с.47].

Основным свойством апелляции, обеспечивающей пересмотр судебных решений вышестоящей судебной инстанцией, является право суда второй инстанции на непосредственное исследование доказательств, гарантирующее реализацию конституционных прав потерпевших, подсудимых и иных заинтересованных лиц, в соответствии с задачами правосудия, в основе которого лежат общественные и государственные интересы. «Благодаря возможности обращения в вышестоящий суд лицо не утрачивает надежду на справедливость. В то же время пересмотр судебных решений не только обеспечивает конституционные права потерпевших, подсудимых и иных лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства, но и служит публичным интересам, т.е. интересам правосудия». [5, с.6].

Однако, законодательное регулирование полномочий суда апелляционной инстанции в уголовном процессе оставляет желать лучшего.

Правом принесения апелляционной жалобы наделены осужденный, оправданный, их защитник и законный представитель, государственный обвинитель и (или) вышестоящий прокурор, потерпевший, частный обвинитель, их законный представитель и представитель, а также иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (ст. 389.1 УПК РФ). Вместе с тем, в данной норме не полностью реализован принцип свободы обжалования, поскольку предоставив право обжалования приговоров и иных решений, не вступившие в законную силу лицам, перечисленным в ст. 389.1 УПК РФ, законодателем

не были учтены интересы, таких участников процесса как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, а также лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено, которые также вправе рассчитывать на возможность обжалования в апелляционном порядке решений, не вступивших в законную силу. Эти лица, должны быть наделены правом апелляционного обжалования судебных решений и перечислены среди других лиц в ст. 389.1 УПК РФ.

Не указаны эти лица и среди участников судебного заседания по рассмотрению апелляционных жалобы, представления (ст. 389.12), в связи с чем нарушено право данных лиц, обжаловать постановление или определение суда о применении меры пресечения либо о продлении срока применения меры пресечения, а также иных судебных решений, затрагивающих права и законные интересы данных участников процесса на доступ к правосудию.

Апелляционные жалоба, представление приносятся, в срок до 10 суток, через суд, постановивший приговор, вынесший иное обжалуемое судебное решение (ч. 1 ст. 389.3 УПК). Однако трудно объяснить, почему лицо, в отношении которого вынесено постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или продлении срока заключения под стражу, может обжаловать в апелляционном порядке лишь в течение 3 суток со дня его вынесения. Такой же срок отведен и суду апелляционной инстанции для принятия решения по жалобе или представлению. Однако для апелляционного обжалования и апелляционной проверки иных видов решений суда, принятых в соответствии со ст. ст. 125, 165 УПК, оставлен срок в 10 суток.

Следует также обратить внимание на полномочия суда апелляционной инстанции связанные с вопросом о решениях принимаемых этим судом.

Так, в соответствии со ст. 389.20 УПК, суд апелляционной инстанции вправе принять решение об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора, о прекращении уголовного дела и

постановления обвинительного приговора. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 389.24 УПК, оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, но не говорится о возможности отмены оправдательного приговора и постановления обвинительного приговора по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого. Однако, в ч.2 ст. 389.32 УПК, раскрывающей решения резолютивной части обвинительного апелляционного приговора, где в п. 2 сказано «об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и о вынесении обвинительного приговора». В связи с этим возникает вопрос о том, вправе ли суд апелляционной инстанции вынести обвинительный приговор вместо оправдательного приговора суда первой инстанции, а если может, то какой нормой регламентировано это его решение.

Существенным критерием обоснованности и справедливости принятого решения при пересмотре уголовных дел в вышестоящем суде является вопрос о составе суда. Рассмотрение уголовных дел в отношении решений мирового судьи в апелляционном порядке осуществлялось судьей районного суда единолично (ч. 3 ст. 30 УПК), это же требование сохранило и новое законодательство, которое вступило в силу с 1 января 2013 г.. Однако, в Концепции судебной реформы рассмотрение дел в апелляционном порядке предполагалось судом в составе трех профессиональных судей федерального районного суда. Поэтому, следует согласиться с мнением авторов, в отношении того, что единоличное рассмотрение уголовных дел в суде апелляционной инстанции снижает уровень гарантий правосудия [2, с.496], а потому следует определить порядок рассмотрения уголовных дел в отношении решений мирового судьи в составе трех судей федерального суда. К данной мысли приводит и исторический опыт России (дело в апелляционном порядке рассматривалось коллегиально на съезде мировых

судей) [7, с.779], а также опыт Франции, Германии, США и других стран, где уголовные дела рассматриваются коллегиально в апелляционном порядке.

Исследуя полномочия суда второй инстанции, следует отметить, что законодательное реформирование апелляции способствует обеспечению прав участников уголовного судопроизводства, которая является гарантией эффективности осуществления правосудия, продиктованной изменениями, произошедшими в нашем обществе и государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Список использованной литературы:

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Юридическое бюро «Городец», 1897.
2. Петрухин И.Л. Учебник уголовного процесса / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2001.
3. Победкин А. Апелляционное производство в уголовном процессе России: Проблемы становления // Государство и право. 2001. №3.
4. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1956.
5. Разинкина А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. М.: Юрилитинформ, 2004.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.
7. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб.: Равена, Альфа, 1995.

Н.В. Несмачная

преподаватель кафедры уголовного процесса
ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВЫДАЧУ ЛИЦА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИВОРА

Следует отметить, что при решении вопроса о выдаче немалое значение имеет то, как она регулируется в том или ином государстве.

В каждой стране создаются свои правила осуществления выдачи, основанные на общепринятых принципах и положениях, регулирующих

данный вопрос. Несмотря на то, что в настоящее время существует огромное количество таких правил, все они подразделяются на несколько правовых систем.

Ученые, исследующие вопросы экстрадиции, применяют различные подходы, вызванные необходимостью классификации этих правовых системы. Такие ученые, как Лукашук И.И., Зубов И.Н., Зимин В.П. выделяют две правовые системы выдачи: европейскую и англо-американскую [5, с. 58-67]. Васильев Ю.Г., к правовым системам выдачи относит скандинавскую, страны Бенилюкса, страны - участницы Лиги Арабских государств, страны СНГ и страны американского континента [2, с. 124].

К европейской системе экстрадиции следует отнести страны Европы, Латинской Америки, бывшие колонии европейских государств, кроме британских колоний (например, таких как Гана, Индия, Гонконг, Малайзия, Кипр, Малави, Новая Зеландия и др.).

Стоит отметить, что для большинства государств, являющихся представителями европейской правовой системы выдачи, характерно, что их внутригосударственное право может выступать в качестве самостоятельного основания выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, в случае отсутствия заключенного международного договора.

Российскую Федерацию следует считать исключением из этого правила, так как в нашем законодательстве отсутствует прямое указание на национальные нормы, которые являются основанием выдачи. Этой же позиции придерживается ряд ученых (Наумов А.В., Лукашук И.И.) [7, с. 34].

При толковании действующего российского законодательства, регулирующего вопросы выдачи лица, совершившего преступление, можно сделать вывод о том, что внутригосударственные нормы не рассматриваются в качестве правового основания выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

Считаем, что было бы целесообразным законодательно закрепить в УПК РФ такое основание выдачи.

Более совершенной следует считать Европейскую систему выдачи лица, предположительно совершившего преступление. К этому выводу привело исследование данной системы экстрадиции. Так, рассматривая Европейскую систему выдачи лица, следует отметить, что она основана на Европейской конвенции о выдаче 1957 г. с дополнительными протоколами к ней, которая ратифицирована 22 государствами, в том числе Российской Федерацией. Данная Конвенция содержит унифицированные нормы, которые регулируют порядок осуществления выдачи лица, совершившего преступление, тем самым обеспечивая единый механизм выдачи во всей Европе.

Стоит отметить, что Европейская конвенция о выдаче 1957 г. стала компромиссом двух противоречащих друг другу позиций, а именно: стремления усовершенствовать международные нормы, касающиеся выдачи для сокращения числа преступлений, а также необходимости обеспечить защиту прав человека при осуществлении выдачи, даже если это будет означать ограничения или отказ в выдаче.

Можно выделить следующие признаки европейской системы выдачи лиц, совершивших преступления: она действует во всех странах европейского континента, в том числе в Латинской Америке, а также во многих бывших европейских колониях; нормы европейской системы выдачи закреплены в Европейской конвенции о выдаче, принятой в 1957 г. с протоколами к ней; выдача может осуществляться как в соответствии с международным договором, так и в соответствии с принципом взаимности, общими принципами международного права, национальным законодательством; европейская система выдачи лица, совершившего преступление основана на принципах: специализации, невыдачи собственных граждан, двойной криминальности, невыдачи за политические преступления, обеспечения прав человека и гражданина при осуществлении выдачи; для указанной системы характерно, что государства, представляющие ее, в своих

действиях, касающихся выдачи лица, совершившего преступление, исходят из приоритета права, стараясь абстрагироваться от политических мотивов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что европейская система выдачи полностью соответствует современным требованиям международного права, имеет упорядоченную систему, которая позволяет осуществлять международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью на высоком уровне.

Говоря об англо-американской системе выдачи, следует сказать, что она представлена в таких странах как Великобритания, Соединенные штаты Америки, Австралии, Новой Зеландии, Канаде и др.

В отличие от европейской системы выдачи, англо-американская не признает иных оснований осуществления выдачи лица, совершившего преступление, кроме международного договора. Но, вместе с этим, на практике оказывается, что международный договор сам по себе не создает обязательство осуществления выдачи преступника. Это происходит потому, что право государства обеспечить защиту своего суверенитета и свободного выбора кому предоставить убежище, когда поступает запрос о выдаче, может оказаться главнее обязательств по договору[4, с.67-78].

В большинстве случаев в таких международных договорах при определении преступлений, за совершение которых лицо подлежит выдаче, используется способ перечисления всех этих преступлений, в некоторых случаях с указанием тяжести наказания.

Стоит отметить, что англо-американская система выдачи, как и европейская, признает принцип невыдачи за политические преступления, но, в отличие от нее, не относит к политическим преступления, которые запрещены конвенциями, действующими на принципе «выдай или суди». Так, ссылка на политический характер преступления не будет препятствовать выдаче за преступления, имеющие общеуголовный характер [5, с.60].

В отличие от европейской системы, рассматриваемая система выдачи лиц, совершивших преступление, допускает выдачу собственных граждан.

Это обусловлено тем, что у государств, придерживающихся англо-американской системы выдачи, действует принцип территориальной юрисдикции в отношении лица, которое совершило преступление в государстве суда.

Но, для того, чтобы осуществить выдачу собственного гражданина, должно быть соблюдено несколько условий: во-первых, должен быть заключен международный договор, в котором предусмотрена возможность такой выдачи; во-вторых, необходимо, чтобы у другой стороны действовало такое же правило; в-третьих, важным условием выдачи собственных граждан является наличие взаимности при осуществлении выдачи [3, с.123]. Следует отметить, что Британскими судами не раз отмечалось, что невыдача собственных граждан не является нормой обычного международного права и поэтому должна закрепляться в договоре о выдаче [5, с.51].

В странах англо-американской системы выдачи придерживаются мнения, что принцип двойной криминальности является договорным, а не общепризнанным международным. Но, по нашему мнению, нельзя не согласиться с профессором Лукашук И.И., что данная позиция противоречит общему принципу уголовного права: «нет наказания без указания на то в законе». Если законодательство выдающего государства не классифицирует деяние как преступное, вряд ли можно оправдать выдачу [5, с.59].

В отличие от европейской системы выдачи, в англо-американской не существует единой кодифицированной конвенции, которая содержала бы в себе международные нормы о выдаче. Указанные нормы закреплены в основном в международных договорах между государствами и в национальном законодательстве.

Следует отметить, что во многих странах, придерживающихся англо-американской системы выдачи преступников, действуют специальные законы о выдаче. Например, в Канаде действует закон о выдаче 1985 г., в Великобритании выдачу регулируют национальным законом «О выдаче», принятым в 1989 г.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие признаки англо-американской системы: в странах, придерживающихся англо-американской системы выдача осуществляется только на основании международного договора; в таких странах не принята кодифицированная конвенция о выдаче; в указанной системе выдачи не действует принцип невыдачи собственных граждан, а роль общепризнанных международных принципов в целом снижена; нормы о выдаче в основном не находят своего закрепления в конституциях государств, придерживающихся данной системы выдачи, а закрепляются в международных договорах и национальных законах о выдаче

Правовая система выдачи стран СНГ основывается на многосторонней Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция), которая была принята в Минске 22 января 1993 г. Соответственно к рассматриваемой правовой системе выдачи относятся такие государства как Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Узбекистан, Армения, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Азербайджан и Грузия.

В целом правовая система выдачи стран СНГ во многом схожа с европейской системой, но стоит заметить, что в ней недостаточно полно обеспечиваются права и свобод человека и гражданина при осуществлении выдачи.

В основе международно-правовой базы правовой системе выдачи стран Бенилюкса, к которой относятся Бельгия, Нидерланды и Люксембург, находится Конвенция об экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам, принятая 27 июня 1962 г.

Близкое географическое положение, общие политические интересы, а также постоянное экономическое сотрудничество послужило причиной объединения указанных стран в особую группу в общеевропейской системе выдачи лиц, совершивших преступление [2, с.252].

Следует отметить, что правовая система выдачи стран Бенилюкса в целом схожа с европейской системой, но в то же время имеет свои специфические особенности. Специфичным является то, что для данной правовой системы выдачи характерен необычный способ направления требования о выдаче: оно направляется от министерства юстиции одного государства министерству юстиции другого, а не по дипломатическим каналам.

Также отличен и срок наказания, при котором может быть осуществлена выдача лица, совершившего преступление: так, общий срок наказания должен составлять шесть месяцев для обвиняемых и три для осужденных, в отличие от двенадцати и четырех месяцев соответственно, характерных для европейской системы. Необходимо заметить, что в результате такого существенного снижения сроков между странами, входящими в Бенилюкс существенно возросла эффективность выдачи.

Также многими авторами выделяются такие правовые системы как скандинавская, межамериканская и система выдачи Лиги арабских государств [8, с.87; 6, с.142; 1, с.19; 3, с.101].

Проанализировав основные правовые системы выдачи преступников, мы пришли к выводу, что существует две системы, которые имеют наибольшее различие между собой: это европейская и англо-американская системы выдачи. При анализе же других систем можно сделать вывод, что они имеют общие признаки европейской системы выдачи и основаны на ней. Следовательно, можно рассматривать данные системы выдачи как разновидности европейской, имеющие свои особенности.

Список использованной литературы:

1. Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
2. Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве :Дис. ... канд. юрид. наук. М 2003.
3. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., «МО», 1972.

4. Зимин В. П., Зубов И. Н. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. М., 1993.
5. Лукашук И.И. Выдача обвиняемых и осужденных// Журнал российского права. №2.1999.
6. Минкова Ю.В. Институт выдачи преступников (экстрадиции) как отдельный институт права. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
7. Наумов А.В., Лукашук И.И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. М., 1998.
8. Чермит А.К. Институт экстрадиции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004.

Н.О. Овчинникова

преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ПРОБЕЛЬНОСТИ В ПРАВЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Проблема пробелов в праве изучалась правоведами во все времена, и каждая историческая эпоха требовала собственного решения. Вопросы о понятии самого пробела, о существовании пробелов в праве в целом, и в уголовно-процессуальном праве в частности не могут быть решены без их соотнесения с типом правопонимания, определением права и уголовно-процессуального права. С позиций исторической трансформации взглядов на проблему пробельности наибольший интерес представляют естественно-правовая, нормативистская, психологическая, социологическая концепции правопонимания, юридический позитивизм и либертатная концепция.

Естественно-правовая концепция (зародилась в Др. Греции и Риме; представители Сократ, Аристотель, Цицерон, Ульпиан; в 17-18 в.в. - Г. Гроций, Б. Спиноза, Т.Гоббс, Д. Локк, Вольтер, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, А.Н. Радищев.) заключается в том, что существует право позитивное (созданное человеком) и право естественное (прирождённые неотчуждаемые

права человека: свобода, равенство, семья и др.) [4, с. 87]. Основой естественного права признавалась справедливость (AEGLLITAS), с позиции которой надлежало оценивать действующее право. Право не совпадает со справедливостью, но оно должно быть отражением справедливости. Аристотель полагал, что пробелы в праве надо восполнять неизменными законами природы, т.е. естественным правом. Преторские эдикты в древнем Риме существенно обогащали гражданское право в случаях его пробельности. Резкие концептуальные изменения произошли в 17-18 в.в. С развитием буржуазно-демократических революций данная концепция обогатилась гуманистическими взглядами на права человека. Признание прав человека (на жизнь, свободу, неприкосновенность, частную собственность и др.) естественными и неотчуждаемыми явилось основополагающим в понимании природы естественного права. Укрепилась идея абсолютного приоритета закона и беспробельности права[2].

В XX веке о беспробельности права заявили сторонники нормативизма (Г. Кельзен, А. Меркль, А. Фердросс; 19 в.). Согласно данной концепции право – это совокупность норм, осуществляемых в принудительном порядке. Оно должно быть ограничено специфическим юридическим (нормативным) содержанием, а не социальными предпосылками или нравственными основаниями правовых установлений («чистая теория права» Г. Кельзена). В основе этого подхода лежала философия неокантианства, сторонники которой разграничили две области теоретических знаний - науки о сущем и науки о должном. К первой группе наук, были отнесены естественные науки, история, социология и другие дисциплины, изучающие явления природы и общественной жизни с точки зрения причинно-следственных связей. Вторую группу составили науки о должном – их образуют этика и юриспруденция, которые исследуют нормативно обусловленные отношения в обществе, механизмы и способы социальной регламентации поведения людей. В науках о сущем главным постулатом выступает принцип объективной причинности, в науках о должном - принцип вменения[10, с. 88].

В соответствии с этим учением нормативисты призывали освободить юриспруденцию от исследовательских приемов, заимствованных из других областей познания, а право трактовалось исключительно как сфера должного.

Однако, социологическая юриспруденция (Е.Эрлих, Р.Иеринг, Г. Канторович, Х. Зинцхеймер; 20 в.) в противовес вышеперечисленным концепциям полностью отвергла догмы о беспробельности права, утверждая одновременно, что недостающие нормы закона вполне восполнимы беспробельностью правопорядка.[9, с. 23] Согласно данной концепции право – это самостоятельное явление, не зависящее от волеизъявления властных субъектов («живое право»). «Совершенно неосознанно, как бы случайно, правила, по которым действуют люди, превращаются в правила, по которым суды и другие учреждения оценивают поступки людей...»[1, с. 624].

Психологическая концепция (Л.И. Петражицкий; 20 в.) рассматривает право как продукт человеческой психики - различного рода психологических установок, инстинктов (например, властвования и подчинения), эмоций. Л.И. Петражицкий делил право на официальное (устанавливаемое и обеспечиваемое государством) и неофициальное (фактически действующее, но не подкреплённое государственным принуждением) [8, с.484-490]; на позитивное (закрепленное в нормативных актах) и интуитивное (выраженное во внутреннем убеждении субъекта) [8, с.377-401]. Таким образом, Л.И. Петражицкий свою теорию строил на противопоставлении интуитивного права официальному праву, и предпочтение отдавал чувствам, переживаниям, эмоциям, интуиции, а, следовательно, не допускал возможности существования пробелов в праве.

Наиболее распространенный тип правопонимания – юридический позитивизм (зародился в 19 в. в Западной Европе; основоположниками позитивизма считаются английский философ, политический мыслитель Т. Гоббс и английский юрист Д. Остин). Предметом юриспруденции, по Д.

Остину, является позитивное право. Право – «это агрегат правил, установленных политическим руководителем или сувереном» [5, с.278]. Д.Остин не отрицал естественное право и оценочный подход к законам, действующим в государстве, но вывел эти понятия за рамки юридической науки. Согласно его взглядам, существующие законы делятся на: а) божественные законы (данный термин представлялся ему более точным, чем естественное право); б) законы позитивной морали, основанные на мнениях (например, законы чести); в) позитивные законы, установленные политической властью [11]. Задачей юридической науки Д.Остин считал построение системы взаимосвязанных правовых понятий - источника права, юридической обязанности, правонарушения, санкции и т.д. - путем анализа их содержания и логического объема. Д. Остин стремился отделить правоведение от смежных областей знания, исключить из юридической науки проблемы этико-философского порядка. Согласно его учению, позитивное право состоит из императивных велений или приказов суверенной государственной власти.

Позитивистский подход начала XX века страдал многими недостатками, «главными из которых являлись превращение права в инструмент государства самим же государством и нежелание анализировать содержательную сторону норм. Такого рода позитивизм оказался весьма востребованным в Советском Союзе в период укрепления сталинизма» [3, с.34].

В настоящее время в России юридический позитивизм (легизм) подвержен критике ввиду того, что сутью данной концепции является отождествление права и закона, отрицание специфики права как особого социального явления, обладающего самостоятельной ценностью, отсутствие критериев отличия права от произвола, признание в качестве главного признака права его производного от государства принудительного характера, трактовка права как инструмента в руках государства [3, с. 35]. Таким образом, можно сделать вывод, что концепция легизма не способна ни

идеологически, ни практически отразить современное состояние права в Российской Федерации. Данный подход представляется нам весьма ограниченным, так как роль права в нем представлена слишком односторонне.

Вопросы пробельности и сегодня являются центральными движущими силами развития права и законодательства страны в целом. В 70-е г.г. 20 в. на смену советскому позитивизму пришла собственная философско-правовая концепция (либертатная концепция), автором которой является В.С. Нерсисянц. Он понимал под сущностью права формальное равенство индивидов, раскрываемое как единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости. В.С. Нерсисянц не противопоставлял понятия право и закон, более того, он использовал в своей концепции термин «правовой закон», под которым понимал «адекватное и полное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определённости и нормативной конкретности, необходимых для действующего позитивного права»[7, с. 54]. Иными словами, согласно данной концепции, закон – это внешняя форма выражения права, способ его материализации, а право – это «соответствующая принципу формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения мер государственного принуждения» [6, с. 8].

Таким образом, мы проанализировали вышеуказанные концепции правопонимания с точки зрения исторического развития взглядов на проблему пробельности, понятие права и выяснили, что позитивизм, либертатная концепция допускают возможность существования пробелов в праве; естественно-правовая, нормативистская, психологическая, социологическая концепции правопонимания отрицают существование проблемы пробельности. Следовательно, изучение пробельности в уголовном процессе ограничено теми концептуальными взглядами, которые допускают существование пробелов в праве, и понятие права и уголовно-

процессуального права также должно рассматриваться через призму данных концепций.

Список использованной литературы:

1. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т.3. Европа. Америка: XVII-XX вв. М., 1999.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939; Ш.Д.Л. Монтескье. Дух закона. СПб., 1900.
3. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления.: дисс. ... д. ю. н. М., 2009.
4. Лазарев В.В. Теория права и государства. Учебник. М., 1997.
5. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений: Учебник. М., 2006.
6. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2006.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
9. Рябова Д.Н. Пробелы в праве и способы их восполнения // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 29 - 30 апреля 1999 г.. — СПб.; Изд-во С.-Петербург.ун-та, 1999. Секционные заседания: Теория и история государства и права. Государственное право. Трудовое право. Ч. 3.
10. Садовничий В.А. Теория государства и права. Учебник для вузов. // URL: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1989_page_88.html
11. Энциклопедия юриста. Позитивизм юридический. М., 2005.
12. Явич Л. С. Общая теория права. Л., Изд-во ЛГУ, 1976.

А.С. Омарова

судья Волжского городского суда
Волгоградской области

О РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Положения ч. 1 ст. 402.1 УПК РФ определяют круг субъектов, наделенных правом внесения кассационной жалобы, представления на вступивший в законную силу приговор или иное судебное решение. При

этом закон очерчивает пределы обжалования приговора или иного судебного решения в зависимости от процессуального положения заявителя. Так, видимы различия пределов обжалования среди лиц, представляющих одну и ту же сторону уголовного дела, например, между осужденным и гражданским истцом. Последний вправе обжаловать судебный акт лишь в части, касающейся гражданского иска. Тем не менее, все субъекты, наделенные правом кассационного обжалования, действуют в рамках принципа состязательности.

Однако предмет спора – законность вступившего в силу судебного решения – придает своеобразие формам проявления состязательности и, соответственно, формам реализации субъектами, указанными в ч. 1 ст. 402.1 УПК РФ, функций обвинения и защиты. Так, в ст. 401.6 УПК РФ не указывается, кем может быть инициирован пересмотр судебного решения по мотивам ухудшения положения оправданного, осужденного и лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. В п. 21 Постановления Пленум Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [1] разъясняется, что такой пересмотр может быть инициирован прокурором, потерпевшим, его законным представителем или представителем.

Думается, что реализация функции обвинения в кассационном производстве допустима только для потерпевшего как стороны обвинения. При этом выражение этой функции может заключаться лишь в постановке потерпевшим вопроса относительно квалификации преступления и назначенного наказания, а также законности действий и решений субъектов, осуществлявших производство по уголовному делу. На это обращено внимание в п.10 приведенного постановления Пленума Верховного Суда РФ, где говорится о том, что жалоба, представление на несправедливость приговора подлежат проверке лишь в том случае, если такое решение стало следствием неправильного применения норм Общей части УК РФ. Для

потерпевшего внесение жалобы по мотивам ухудшения, на наш взгляд, выступает как продолжение реализации им функции обвинения.

По иному, как представляется, должна трактоваться цель внесения прокурором представления по мотивам ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено. Закон (ч. 2 ст. 401.2 УПК РФ) перечисляет прокуроров, наделенных полномочием вносить кассационные представления. К ним относятся:

1) Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители (вправе принести кассационное представление в любой суд кассационной инстанции);

2) прокурор субъекта Российской Федерации, приравненный к нему военный прокурор и их заместители – подают кассационные представления соответственно в президиум верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда.

Обращает внимание, что это не просто прокуроры подразделений (управлений и отделов) органов прокуратуры, а должностные лица – руководители органов системы прокуратуры государства и субъекты прокурорского надзора. Регламентация прав и обязанностей прокуроров как субъектов кассационного производства также представляет интерес с точки зрения принципа состязательности и, соответственно разделения уголовно-процессуальных функций.

Роль прокурора как субъекта кассационного производства заключается, как думается, не в продолжение реализации функции государственного обвинения, а в обеспечении законности. Исходя из принципа правовой определенности (*res judicata*), вступивший в законную силу приговор или иное судебное решение означает окончательное разрешение уголовно-правового спора по фактическим основаниям. Данный принцип - положение состязательного процесса. Но он выступает и как публично-правовое

требование, ограничивающее, прежде всего, обвинительную власть, ставящий ей преграду для попыток бесконечного уголовного преследования под предлогом поиска истины. Значение данного аспекта принципа *res judicata* подчеркивал в начале девятнадцатого века И.В.Гессен, отмечая, что продолжение поиска материальной истины и уголовного преследования в кассационном производстве «не может не привести к серьезной неустойчивости правосудия» [2, с. 192].

Очевидно, в силу того, что в кассационном порядке не могут быть оспорены фактические обстоятельства дела, то законодатель не указывает в числе субъектов-заявителей государственного обвинителя, а указывает именно прокурора.

Надо заметить, что и в прежнем порядке кассационного производства законодатель в ч. 4 ст. 354 УПК РФ различал государственного обвинителя и вышестоящего прокурора, однако, на наш взгляд, не отдалял последнего от стороны обвинения.

Л. В. Никитина подчеркивает, что в ч. 2 ст. 35 и ст. ст. 36, 37 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» полномочия государственного обвинителя и полномочия прокурора по внесению кассационных и надзорных представлений разграничиваются, так как закон не называет деятельность прокурора в суде кассационной и надзорной инстанций осуществлением уголовного преследования [3, с.37].

И по нормам гл. 47.1 УПК РФ прокурор как субъект кассационного производства строго не обозначается как обвинитель. Е. А. Зайцева и Э. О. Безмельницына считают, что «сведение назначения прокурора в уголовном судопроизводстве только к реализации функции обвинения превращает его просто в сторону процесса, в то время как роль его гораздо более важная и значимая для обеспечения интересов государства, общества, для достижения целей уголовного судопроизводства» [4, с. 32].

Прокурор вносит кассационное представление с целью восстановить нарушенные незаконным судебным актом права и интересы участников

уголовного процесса, интересы общества и государства. Говоря о роли прокурора в стадии кассационного производства, отметим, что даже постановка им в представлении вопроса об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, обусловлена не столько обязанностью реализовать функцию обвинения, сколько публичными интересами. Последние обусловлены значимостью выявленных прокурором нарушений закона как искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Однако сложность разграничения функции обвинения и законоохранительной функции прокурора заключается в том, что и та, и другая носят публично-правовую природу. По этой причине, а также, потому что ограничение прав и интересов потерпевшего есть нарушения закона, они совпадают в средствах своей реализации.

Видимо по этой причине и во второй половине девятнадцатого века вопрос разграничения функции обвинения и законоохранительной функции прокурора вызывал различающиеся суждения. С одной стороны, утверждалось, что прокурор в кассации выступал и как блюститель закона, и как сторона обвинения, пользуясь в последнем случае равными правами со стороной защиты [5, с.311].

С другой стороны, например, Н.А. Буцковский писал, что «неправильное обсуждение фактов затрагивает только частные интересы, но нарушения закона колеблет основания порядка и общественного спокойствия. Поэтому, если генерал – прокурор при кассационном суде осведомится о явном нарушении закона или порядка судопроизводства в таком решении, на которое в установленный срок не поступило ни жалобы, ни протеста, то он обязан предложить кассационному суду об отмене противозаконного решения, исключительно в интересах охранения закона» [6].

Применительно же к современной кассации удачным представляется мнение о том, что «положение прокурора как стороны в процессе «вторично», оно вытекает из ролевого предназначения прокурора как органа надзора за исполнением законов, но не детерминирует его» [4, с.48].

При реализации законоохранительной функции прокурора в кассационном производстве не имеет значения, является ли лицо, в интересах которого внесено представление, участником со стороны обвинения или защиты. Надо отметить, что указанное прокурорское полномочие, выступающее и уголовно-процессуальным полномочием, прямо не воспроизводится в ст. 37 УПК РФ, посвященной прокурору как субъекту уголовного процесса.

В связи с этим, оптимальным видится дополнение ч. 2 ст. 401.2 УПК РФ указанием на то, что перечисленные в ней прокуроры вносят представления в интересах законности. Для этого нет препятствий, поскольку понятие «интересы законности» законодатель уже использовал для обозначения ревизионного начала в полномочиях Президиума Верховного Суда РФ как суда надзорной инстанции в ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ. Аналогично данное понятие используется в ГПК РФ для определения ревизионного начала в полномочиях суда кассационной инстанции (ч. 2 ст. 390). Интересы законности совпадают с интересами, по крайней мере, одной стороны. Так, внося представление на приговор в связи с нарушением права подсудимого на защиту, прокурор не выполняет функцию обвинения, а принимает меры к защите его интересов.

Список использованной литературы:

1. Российская газета. - 2014. - 7 февраля.
2. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 192. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)
3. Никитина Л.В. Прокурор в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций // Вестник СГАП.- 2010. - №6 (76).
4. Безмельницына Э.О., Зайцева Е.А. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанций. - Волгоград, 2011.

5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. – СПб., 1866.
6. Буцковский Н.А. Очерк кассационного порядка отмены решений по Судебным уставам 1864 года. Типография второго отделения собственного Е.И.В. Канцелярии. СПб, 1866. [Электронный ресурс]. «ГАРАНТ-СТУДЕНТ»: специальный выпуск на основе информации, содержащейся в версии системы ГАРАНТ от 26.07.2010.

К.В. Пронин

к.ю.н., доцент, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
ФГКОУ ВПО «Саратовский военный институт ВВ МВД России»

**ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, СВЯЗАННОЙ
С НАЛИЧИЕМ У СУДА СОМНЕНИЙ
В КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРИМЕНЕННОЙ
ИЛИ ПОДЛЕЖАЩЕЙ ПРИМЕНЕНИЮ ПРАВОВОЙ НОРМЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Возникновение неопределенности связано с целым комплексом взаимосвязанных факторов, сопутствующих осуществлению правосудия на всех его этапах. Так, решая вопрос о виновности подсудимого, судья должен, прежде всего, установить «фактические обстоятельства дела», т.е. создать мысленный образ событий, предположительно имевших место в прошлом. При этом ему необходимо учитывать, что имеющаяся у него в распоряжении информация может быть умышленно или неумышленно искажена участниками уголовного судопроизводства как в силу их заинтересованности в исходе дела, так и в результате неконтролируемых психологических процессов. Кроме того, далеко не всегда установленные фактические обстоятельства дела четко укладываются в диспозицию какой либо конкретной нормы – перед судом встает вопрос о выборе одного из нескольких вариантов юридической оценки, причем грань, отделяющая один вариант от другого, зачастую весьма неопределенна. Еще одним «источником» правовой неопределенности можно назвать несовершенство юридической техники правовых норм, допускающих возможность их неоднозначного прочтения, наличие пробелов в законодательном регламентировании уголовного судопроизводства.

Помимо указанных случаев, в качестве еще одной предпосылки возникновения правовой неопределенности выступает наличие у суда сомнений в конституционности примененной или подлежащей применению нормы УПК РФ. Анализ законодательства позволяет выделить два пути разрешения таких коллизий. Первый - направление судами запросов в Конституционный Суд РФ для проверки конституционности «сомнительной» нормы. Второй - непосредственное применение судом конституционных норм. В соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. С другой стороны, Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, *прямое действие* и применяется на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Следовательно, можно предположить, что любой суд, придя к выводу о несоответствии подлежащей применению нормы УПК РФ Конституции Российской Федерации, имеет право непосредственно применять конституционные нормы, игнорируя неконституционные, на его взгляд, требования УПК. Аналогичную позицию выразил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31.10.95 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [1]. В п. 2 названного постановления Пленум указал: суд при разрешении дела должен непосредственно применять конституционные нормы, когда он придет к убеждению, что федеральный закон находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции. Более того, косвенно такую возможность подтвердил и Конституционный Суд в Постановлении от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» [2]. Как видно из данного постановления, Конституционный Суд, возлагая на суды именно *обязанность* обращаться к нему с запросами о конституционности подлежащих применению законов,

как того и требует ст. 101 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [3], исходил из соображений сохранения единообразной устойчивой судебной практики на всей территории Российской Федерации.

Однако в этом же постановлении Конституционным Судом сделана принципиальная оговорка: «Обязанность обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с таким запросом, по смыслу частей 2 и 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 2, 15, 18, 19, 47, 118 и 120, существует независимо от того, *было ли разрешено дело, рассматриваемое судом, отказавшимся от применения неконституционного, по его мнению, закона на основе непосредственно действующих норм Конституции Российской Федерации*». Нельзя не отметить, что указанная позиция Конституционного Суда входит в прямое противоречие с требованием ст. 103 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой в период с момента вынесения решения суда об обращении в Конституционный Суд РФ и до принятия последним соответствующего постановления, производство по делу или исполнение вынесенного судом по делу решения *приостанавливаются*. Аналогичным образом этот вопрос решается и в уголовно-процессуальном законодательстве – согласно п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ направление судом запроса в Конституционный Суд РФ является основанием для приостановления производства по уголовному делу.

Решение вопроса о пределах реализации дискреционных полномочий суда в случае, если в процессе рассмотрения конкретного уголовного дела он приходит к выводу о несоответствии подлежащей применению нормы уголовно-процессуального закона Конституции РФ, с позиции целесообразности сопряжено со значительными трудностями в силу заключенного в нем диалектического противоречия. Ограничение пределов судебного усмотрения требованием приостановить рассмотрение дела по существу и направить запрос в Конституционный Суд РФ приводит к

существенному ослаблению независимости судебной ветви власти – в этом случае независимость всей судебной системы фактически определяется независимостью одного ее элемента – Конституционного Суда РФ. С другой стороны, предоставление судам всех уровней дискреционных полномочий самостоятельно разрешать данный вопрос неизбежно негативно скажется на правовой определенности, единообразии и устойчивости судебной практики.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, наиболее взвешенным, логически непротиворечивым следует признать подход, в соответствии с которым предоставление судам всех уровней, в том числе и Верховному Суду РФ, дискреционных полномочий самостоятельно решать вопрос о применении или не применении тех или иных норм уголовно-процессуального закона с позиции соответствия их требованиям Конституции РФ, должно быть ограничено возможностью вынесения решения о приостановлении производства по уголовному делу и об обращении с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ. В случае расхождения позиций суда, разрешающего дело по существу, и Конституционного Суда РФ о конституционности подлежавшей применению нормы УПК, решающее слово всегда окажется за последним – решения Конституционного Суда РФ являются общеобязательными, действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами (ч.ч. 1, 2 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Таким образом, суд, не применивший по его мнению неконституционную норму УПК не дожидаясь решения Конституционного Суда по направленному запросу, все равно будет вынужден пересматривать свое решение. При этом ему, возможно, еще придется решать вопросы, связанные с восстановлением нарушенных законных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Здесь же следует отметить, что УПК РФ относит принятие Конституционным Судом РФ к рассмотрению жалобы о конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном

уголовном деле, к основаниям приостановления производства по данному уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ). Несмотря на то, что в данной норме отсутствуют слова «обязан» или «вправе» касательно действий судьи при наличии оснований для приостановления производства по уголовному делу, использованную законодателем формулировку, как указывает И.Л. Петрухин, следует считать обязывающей суд провести соответствующее процессуальное действие при наличии к тому указанных в законе оснований [7, с. 24]. Необходимо подчеркнуть, что если с жалобой в Конституционный Суд обращается гражданин, судья в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ также обязан вынести постановление о приостановлении производства по уголовному делу. В то же время согласно ст. 98 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» принятие к рассмотрению жалобы гражданина не влечет за собой приостановления производства по делу. Суд, рассматривающий дело, в котором применен или подлежит применению обжалуемый закон, *вправе* приостановить производство до принятия решения Конституционным Судом РФ. Ряд авторов, ссылаясь на эти положения, делают вывод, что в уголовном судопроизводстве «уведомление Конституционным Судом РФ судьи о принятии к рассмотрению жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан не влечет за собой приостановления производства по делу. Судья вправе по своему усмотрению приостановить дело до принятия решения Конституционным судом РФ» [4, с. 539]. В данном случае имеет место конкуренция норм - ст. 238 УПК РФ и ст. 98 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В общей теории права выработана целая система принципов, позволяющих правоприменителю разрешать коллизии, имеющие место между правовыми нормами [6, с. 378-384]. К данным принципам, в частности относятся правила о приоритете нормы, обладающей более высокой юридической силой, специальной нормы перед общей, нормы, принятой позднее и т.д. Кроме того, как отмечает А.Я. Курбатов «существует строго определенная последовательность применения

перечисленных принципов, т.е. каждый последующий из них применяется только при невозможности применения предыдущего. В первую очередь применяется принцип приоритета нормы, обладающей более высокой юридической силой» [5, с. 17]. Согласно п.3 ст.76 Конституции РФ федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам. Таким образом, правомочие суда приостановить дело в случае принятия к рассмотрению Конституционным судом РФ жалобы гражданина следует формально признать дискреционным. Однако следует учитывать тот факт, что суд, вынесший свое решение, не дожидаясь решения Конституционного Суда по направленной жалобе, на основе нормы УПК, конституционность которой оспаривается гражданином, как уже отмечалось выше, все равно будет вынужден пересматривать свое решение. Поэтому с позиции целесообразности следует признать приостановление производства по делу в случае принятия Конституционным Судом РФ к рассмотрению жалобы о конституционности положений закона, примененного или подлежащего применению в конкретном уголовном деле, не правом, а обязанностью суда, как того и требует п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.95 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // БВС РФ. 1996. № 2. С. 1.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общей ред. Верина В.П. М.: Экзамен, 2004.
5. Курбатов А. Я. Порядок разрешения коллизий в российском праве // Корпоративный юрист. 2005. № 11.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист. 2007.
7. Петрухин И.Л. Понятие уголовно-процессуального права // Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2001.

Н.Т. Разгельдеев

д.ю.н., заведующий кафедрой уголовного, экологического права и
криминологии, СГУ им. Н.Г.Чернышевского

В.Ю. Крепица

Руководитель юридического отдела
Филиала в г. Саратов ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг»,
Закрытое акционерное общество «ЭР-Телеком Холдинг»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Увеличение числа способов информационного обмена и скоростей передачи данных от традиционных средств (почтовая, фиксированная телефонная связь) к инновационным (передача данных посредством телекоммуникационной сети Интернет, мобильной телефонии) влечет изменения общественных отношений в сфере обмена информации.

В то же время основополагающие элементы правового статуса граждан в сфере информации: право свободно искать, получать информацию и обмениваться информацией; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, должны быть обеспечены правовыми механизмами реализации и в условиях изменяющихся общественных отношений.

Указанные механизмы должны быть сформулированы как в отраслевых нормативных правовых актах, регулирующих отношения в сфере информации (Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"[1], Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ "О связи"[2]), так и в

нормативных правовых актах иных отраслей права в случае, если предметом регулируемых правоотношений выступают сведения об абоненте, о времени выхода абонента в сеть в Интернет, о логинах, паролях, Мас-адресах, IP-адресах (например, в случае запроса сведений об абоненте органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, органами дознания и предварительного следствия в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности"[3], Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ "О полиции"[4] и др.)

В результате должны быть сформированы следующие механизмы и защиты информационных прав граждан при реализации процессуальных норм:

1. создание собственных отраслевых процессуальных норм, позволяющих защитить права участников информационных правоотношений;
2. законодательное закрепление механизмов обеспечения информационных прав граждан в процессуальных нормах иных отраслей права;
3. обеспечение информационных прав граждан процессуальными средствами иных отраслей права.

В настоящее время имеющиеся коллизии между нормами законодательства о связи и нормами процессуального законодательства не позволяют эффективно обеспечить защиту информационных прав граждан при применении процессуальных норм иных отраслей права.

Так, при расследовании преступлений, связанных с распространением в сети Интернет информации, распространение которой на территории России запрещено, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, органы предварительного следствия и иные органы запрашивают у операторов связи, оказывающих телематические услуги связи, информацию об абонентах, которые, по мнению указанных органов, разместили в сети Интернет информацию.

Для идентификации абонента, указанные органы запрашивают пароль и логин абонента, IP-адреса, присвоенные абоненту и MAC-адреса оборудования, с которого осуществлялся доступ к сети Интернет, паспортные данные, контрактные телефоны, адреса регистрации абонента и адреса установки пользовательского (оконечного) оборудования. В то же время между нормами законодательства о связи и нормами процессуального законодательства имеются противоречия, не позволяющие с определенностью установить исчерпывающий круг субъекта, уполномоченных запрашивать подобные сведения, порядок и основания предоставления подобных сведений, категории сведений, предоставляемых на основании запроса органа, а также категории сведений, предоставляемых на основании решения суда.

Так, указанные сведения запрашивают органы Министерства Внутренних дел Российской Федерации, Прокуратуры Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службы безопасности России, Федеральной службы судебных приставов.

Основанием для предоставления сведений указывают:

пп.4 п.1. ст. 10 ФЗ «О полиции»[4], а именно – право полиции в связи с расследуемыми уголовными делами и находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения... в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации;

п.2 ч. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[3], в качестве вида оперативно-розыскной деятельности закрепляющий наведение справок.

Из указанных норм невозможно определить имеется ли у операторов связи обязанность предоставления запрошенных сведений.

В то же время и нормы ФЗ «О связи» также не дают однозначной трактовки о перечне и основаниях предоставления сведений об абонентах.

Так в соответствии со статьей 53 Федерального закона «О связи»[2], сведения об абонентах и оказываемых услугах связи отнесены законодателем к информации ограниченного доступа. Сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются информацией ограниченного доступа и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

К сведениям об абонентах относятся фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента-гражданина, наименование (фирменное наименование) абонента - юридического лица, фамилия, имя, отчество руководителя и работников этого юридического лица, а также адрес абонента или адрес установки оконечного оборудования, абонентские номера и другие данные, позволяющие идентифицировать абонента или его оконечное оборудование, сведения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента.

Предоставление третьим лицам сведений об абонентах-гражданах может осуществляться только с их согласия, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

То есть закон содержит отсылочную норму, не позволяющую определить ни круг субъектов, которым предоставление сведений Оператором связи обязательно, ни порядка предоставления подобных сведений.

Равно и статья 64 указанного закона не вносит ясности в вопрос об обязанности операторов связи предоставлять сведения об абонентах, также содержит отсылочную норму: операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами[2].

В указанных случаях, в связи с неопределенностью порядка и оснований предоставления сведений, вопрос о их предоставлении фактически решается индивидуально в случае согласия оператора связи предоставить подобные сведения, сведения предоставляются, в случае возражения Оператора, может последовать отказ со ссылкой на положения ч. 2 ст. 23 Конституции РФ либо на нормы Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ "О коммерческой тайне"[5], с указанием на необходимость судебного решения.

Полагаем, что законодателю следует устранить подобный пробел в правовом регулировании оснований и порядка предоставления сведений об абонентах, закрепив как четкий порядок такого запроса, так и понятия ip-адреса, mac-адреса, а также перечень субъектов, уполномоченных запрашивать сведения в судебном и внесудебном порядке.

Также полагаем необходимым отметить, что степень ограничения информационных прав граждан и порядок их ограничения отличается в зависимости от органа, запрашивающего сведения об гражданине- абоненте. Если в отношении запроса сведений органами МВД, ФСКН существует неопределенность в компетенции указанных органов при запросе сведений об абонентах, а равно возможность оператора связи уклониться от предоставления сведений, то в случае, например, с органами Федеральной

службы безопасности России, порядок и основания предоставления сведений четко прописаны.

Так, в соответствии со ст. 64 ФЗ «О связи»[2] операторы связи обязаны обеспечивать реализацию установленных федеральным органом исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, требований к сетям и средствам связи для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий.

Указанное требование конкретизируется в Постановлении Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность»[6], в котором установлена обязанность операторов связи предоставлять информацию об абонентах органам федеральной службы безопасности путем осуществления круглосуточного удаленного доступа к базам данных. Причем в Постановлении законодатель конкретизирует и перечень предоставляемой информации (фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, представленные при личном предъявлении абонентом указанного документа, - для абонента-гражданина; наименование (фирменное наименование) юридического лица, его место нахождения, а также список лиц, использующих окончное оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, - для абонента - юридического лица; сведения

баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов).

Таким образом, в случае необходимости обеспечения государственной безопасности законодатель детально регулирует порядок доступа к информации о гражданах, хотя и в сторону ущемления информационных прав граждан. В иных же случаях, порядок предоставления информации об абонентах законодателем четко не определен.

Причем мера ответственности оператора связи за непредставление сведений об абонентах органам Федеральной службы безопасности гораздо существеннее, по сравнению с непредставлением сведений иным органам – выполнение мероприятий СОПМ является лицензионным условием в лицензии на предоставление телематических услуг связи. Непредставление органам ФСБ круглосуточного доступа к базам данных об абонентах может быть расценено органом государственной власти, специально уполномоченным в сфере связи, как невыполнение лицензионных условий с последующим проведением внеплановой проверки, предписанием, административным штрафом и иными негативными последствиями для оператора связи.

Также считаем необходимым обратить внимание на коллизию в вопросе предоставления сведений о гражданах органам Федеральной службы судебных приставов. Федеральный закон «О связи» напрямую не назвал указанные органы в числе органов, уполномоченных затребовать сведения об абонентах. И операторы связи отказ в предоставлении мотивируют статьей 53 ФЗ «О связи» и отнесением данных о абонентах к информации ограниченного доступа[2] .

При запросе сведений указанные органы ссылаются на нормы статьи 64 ФЗ «Об исполнительном производстве», а именно судебный пристав исполнитель вправе ...запрашивать необходимые сведения, в том числе персональные данные, у физических лиц, организаций и органов, находящихся на территории Российской Федерации, а также на территориях

иностранных государств, в порядке, установленном международным договором Российской Федерации, получать от них объяснения, информацию, справки.

Но судебная практика на территории РФ поддерживает позицию службы судебных приставов и подтверждает приоритет норм ФЗ «Об исполнительном производстве над нормами ФЗ «О связи»[2].

Полагаем, что законодательно должен быть установлен единообразный процессуальный порядок запроса информации об абонентах, четко прописан круг уполномоченных субъектов, порядок и основания предоставления указанной информации. Причем по возможности указанные положения должны быть закреплены в нормах информационного права.

Также полагаем, что должны быть законодательно сформированы механизмы обеспечения права граждан на информацию. Полагаем что действующие в настоящее время механизмы не обеспечивают указанное право.

Для того, чтобы гражданин имел возможность искать информацию в сети интернет или передавать сообщения, оператор связи должен разместить на общем имуществе многоквартирного дома оборудование и линии связи. Причем невозможно с определённостью указать, какой отраслью права регулируются указанные правоотношения. Так нормы об использовании общего имущества домов предусматривает ЖК РФ (статья 44 ЖК РФ)[7] , нормы о правовых основаниях размещения линий связи на объектах недвижимости закрепляет ст. 6 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ "О связи"[2] операторы связи на возмездной основе вправе размещать кабели связи в линейно-кабельных сооружениях связи вне зависимости от принадлежности этих сооружений.

В случае конфликта между оператором связи и организацией, осуществляющей управление жилым домом и возможным повреждением линий связи, отключением от энергоснабжения спор носит имущественный

характер. В то же время страдают и информационные права граждан – право искать информацию. Так как в результате конфликта возможность доступа к сети Интернет в доме отсутствует.

Встает вопрос: нормы каких отраслей права помогут защитить или восстановить нарушенное информационное право гражданина?

1. Нормы гражданского законодательства. Оператор связи имеет возможность обратиться в суд с негаторным иском об устранении препятствий в пользовании имуществом – сетью связи. В то же время на территории РФ имеется судебная практика, состоящая из решений высшего арбитражного суда, удовлетворяющих такие иски, но указывающая, что трубосточная канализация в доме, в которой размещаются линии связи, в соответствии с нормами ЖК РФ [7] и правилами содержания общего имущества в многоквартирном доме относится к категории общего имущества дома. Операторы связи, которых решение с подобной формулировкой не устраивает, опасаются обращаться в суды с подобными исками. Так что гражданско-правовые способы защиты права имеют недостатки в качестве средства защиты информационных прав граждан.

2. Нормы уголовного права:

В случае обращения операторов связи в органы внутренних дел с заявлениями о преступлении по признакам ст. 158 кража – органы внутренних дел отказывают в возбуждении со ссылкой на гражданско-правовой характер складывающихся отношений. В случае обращения с заявлением о совершении преступления по ст. 215.2 УК РФ (Разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения, если эти деяния совершены из корыстных или хулиганских побуждений). Имеют место отказы в возбуждении уголовных дел, со ссылкой на то, что поврежденная сет связи не является объектом жизнеобеспечения[8] .

Также проблематично доказать наличие крупного размера причиненного вреда, поскольку повреждение имущества в указанных случаях носит характер пореза кабеля, не составляющего крупный размер.

Поэтому нормы УК РФ, могут быть лишь ограниченно применимы в качестве средства защиты информационных прав граждан.

3. Специальные нормы, устанавливающие меры ответственности в сфере связи – не применимы к указанным отношениям, поскольку Роскомнадзор не уполномочен привлекать к административной ответственности управляющие компании.

На основании изложенного полагаем о необходимости внесения изменений в ЖК РФ[7] и ФЗ «О связи»[2] в части унификации правового режима сооружения и линий связи; необходимо законодательно закрепить нормы, устанавливающие ответственность за противодействие при размещении сетей связи в домах, на опорах освещения, в канализации; также полагаем необходимым установить единообразный порядок для всех органов государственной власти и органов местного самоуправления порядок получения от операторов сведений об абонентах; также полагаем о необходимости введения единого реестра запрещенной информации и перенесения вектора ответственности с операторов связи на владельцев интернет-ресурса или хостинг провайдеров.

Список использованной литературы:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. От 28.12.2013)//СЗ РФ. 2006.№ 31 (1 ч.).Ст. 3448;2013.№ 52 (часть I).Ст. 6963.
2. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 02.04.2014) // СЗ РФ.2003. № 28, Ст. 2895;2013. № 30 (Часть I), Ст. 4062.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 21.12.2013)//СЗ РФ. 1995.№ 33.Ст. 3349;2013.№ 51.Ст. 6689.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ(в ред. от 03.02.2014)//СЗ РФ. 2011.№ 7.Ст. 900// 2014.№ 6.Ст. 566.
5. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в ред. от 11.07.2011)// СЗ РФ. 2004.№ 32.Ст. 3283;2011.№ 29. ст. 4291.
6. Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность:

Постановление Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 (в ред. от 10.04 2013)//СЗ РФ.2005.№ 36.Ст. 3704//2013.№ 15.Ст. 1804.

7. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 28.12.2013)//СЗ РФ. 2005.№ 1 (часть 1).Ст. 14//2013.№ 52 (часть I).Ст. 6982.
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ(в ред. от 24.05.1996)//СЗ РФ.1996 № 25Ст. 2954//РГ. № 101. 07.05.2014.

В.Я. Решетников

к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского

И.В. Семенова

к.ю.н., преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Саратовского военного института ВВ МВД РФ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИЦИЯ: НА ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Как известно, авторитет полиции в любом государстве во многом зависит от отношения населения, общества к самому государству в целом. И при благоприятном к нему отношении, восприятию его как структуры, которая отражает его интересы, защищает их, оно, как бы, «распространяет» это доверие и на полицию, которая в первую очередь олицетворяется этим обществом как сила, способная защитить его от противоправных элементов, и которой нужны достаточно широкие полномочия. В тоже время, в государствах, где исторически сложились отношения недоверия, противостояния общества и государства, там правоохранительные органы, и прежде всего полиция, воспринимается как сила враждебная нации, обслуживающая лишь интересы правящего класса. А отсюда и всякое расширение прав полиции, ее полномочий воспринимается обществом как угроза его безопасности, посягающая на права и свободы личности.

История российского государства в этом отношении представляет собой яркий пример лицемерия и безуспешных попыток реформирования органов полиции, начиная с середины XIX и до свержения самодержавия, в начале XX века, когда « в глазах общества русский полицейский являлся неуважаемым представителем неуважаемого закона, которому приходилось играть роль слуги собственного начальства, от воли которого зависело: будет ли полицейский награждён или в одночасье лишён своей должности, как следствие сиюминутного гнева...»[1] К сожалению, подобное негативное отношение российского общества к полиции сохранилось, несмотря на смену впоследствии общественно-политического строя, перемену названия полиция на «милицию», а, впоследствии - и на смену приоритетов в основном документе государства – Конституции РФ в 90-е годы XX века и т.д.

Увы, но настороженное отношение населения страны к милиции (полиции), недоверие к нему как социальному институту в РФ, остается неизменным и в наши дни, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями. Так, в конце февраля 2013г. по заказу фонда «Общественный вердикт» специалистами Аналитического центра им. Юрия Левады был проведен общероссийский опрос населения, результаты которого позволяют оценить динамику отношения граждан к полиции за два года ее работы. По состоянию на 1 марта 2013 года «Индекс доверия полиции» равен «7» пунктам из «100» возможных [2].

Подобное недоверие к правоохранительным структурам, и прежде всего к сотрудникам полиции во многом обусловлено их нацеленностью, по мнению большинства общества, в первую очередь на надзор и контроль за поведением населения, а не на предупреждение преступности и охрану прав и свобод гражданина.

Общение граждан с сотрудниками полиции по поводу тех или иных правонарушений или преступлений, с участковыми уполномоченными полиции, инспекторами ДПС, сотрудниками паспортно-визовой службы,

контролирующими регистрацию по месту жительства, работу (учебу), воинский учет, вопросы регистрации (лицензирования) тех или иных видов деятельности, надзор за поведением в быту, за выездом за границу, регистрацию и учет автотранспорта, и т.п., постоянно приводит к мысли, что вся их деятельность направлена лишь на усложнение всевозможных бюрократических процедур, а посему воспринимается как бессмысленные и мелочные придирки, только способствующие отчуждению «представителей власти» от народа, и формированию еще одного слоя автократии. Таким образом, недовольство в обществе правоохрнительными структурами обусловлено, прежде всего, двойными стандартами, расхождением между декларативными заявлениями о ее назначении как института, обеспечивающего социальный порядок и ее повседневной деятельностью, сопровождающейся зачастую грубостью, произволом, некомпетентностью, а то и прямыми связями с криминалом [3].

Начавшаяся в 2011 году реформа системы МВД, переаттестация личного состава не могла не отразиться и на представлении самих «стражей порядка» относительно их предназначения в обществе, которое можно охарактеризовать как достаточно противоречивое, поскольку, с одной стороны, они понимают в целом предназначение правоохрнительной структуры, связанное с борьбой с преступностью, профилактикой детской преступности, борьбе с наркоманией и т.п., а, с другой, осознают, что смена форменной одежды, наименования не решила автоматически всех проблем, оставшихся от милиции, более того, добавила новых, связанных с эрозией представлений о защите прав и свобод граждан, законности, служении интересам общества и государства и т.д. Прошедшая на их глазах и через них аттестация, уход из органов внутренних дел сотрудников, в том числе честно выполнявших свои обязанности, значительно пошатнула представление у многих в прежние идеалы справедливости и честного служения интересам государства. На первый план выступили личные интересы, стремление сделать карьеру любой ценой, угодить «своему начальнику», от которого

зависит продвижение по службе, использовать ее для средство дополнительного обогащения, получить доступ к бизнес-компаниям и т.п. Другими словами, нравственное разложение общества в целом, не могло не отразиться и на правосознании «рабоче-крестьянской милиции», превратившейся в 90-е годы в «частную, корпоративную» структуру, действующую исходя из узковедомственных, а то и личных интересов того или иного руководителя. Служение в милиции превратилось не в служение закону и народу, а в бизнес – деятельность, что, по существу, является внутренним разложением данной системы, поскольку в данном вопросе не так важно какая часть сотрудников–правоохранителей оказалась коррумпирована, по мнению ряда исследователей, для этого достаточно 3-5% «критической» массы, чтобы в обществе сформировалось убеждение в продажности всей (выделено мною - В.Р) милиции. К сожалению, подобная оценка уже перестала быть мнением отдельных специалистов-правозащитников, или журналистов, граждан, испытавших на себе «равенство» перед законом, она уже давно превратилась в своеобразный стереотип, «клише» массовой культуры.

Поэтому основной задачей проходящей в настоящее время реформы органов МВД РФ, и прежде всего – полиции, является изменения основного вектора в ее деятельности в сторону достижения требуемого уровня общественной безопасности и правопорядка, повышения доверия со стороны общества к правоохранительным структурам в соответствии со стандартами правового государства. Достижение указанной цели возможно только на путях тесного взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества с учетом как специфики указанной деятельности, так и особенностей менталитета и правовой культуры населения конкретного региона, особенностей его социально-экономического развития. Подобное сотрудничество будет тем более плодотворным, поскольку через него будут решаться не только специфические задачи полиции по борьбе с преступностью, но и закладываться фундамент доверия между полицией и

рядовыми гражданами, повышаться уровень правовой культуры населения, что, безусловно, окажет положительное влияние на уровень преступности путем снижения ее как количественных, так и качественных показателей, позволит сократить в структуре преступности доли тяжких и насильственных преступлений.

И, наконец, взаимодействие полиции с представителями общественности позволяет сделать деятельность правоохранителей более открытой и понятной для общества в пределах, предусмотренных законом и сформировать механизм обратной связи с населением для учета мнения общественности относительно эффективности деятельности полиции и определения болевых точек для дальнейшего взаимодействия. Не случайно, например, в США в круг обязанностей полиции входит не только борьба с преступностью, но и осуществление иных мероприятий в сфере социального проблем населения (напр. разрешение конфликтов в семье, помощь при стихийных бедствиях и т.п.) поэтому там почти 35% обращений в полицию — просьбы об оказании помощи в ситуациях, не связанных с правонарушениями [4].

Другой проблемой в деятельности полиции сегодня является то, что количественный ее состав остается одним из самых больших в мире. Так, по данным известного ученого–правоведа Я. Гилинского, в России в 2010 г. на 100 тысяч жителей приходилось 975 сотрудников милиции (в европейских странах – 200-400).[5] И, на начало 2014г. по численности полицейских на первом месте, по-прежнему, остается Россия – 547 полицейских на 100 тысяч жителей. За ней следуют Турция (474), Италия (467), Португалия (454), Гонконг (450), Казахстан (444), Украина (384), Израиль (372), Франция (299), США (226) [6]. Между тем, практика сегодняшнего дня показывает, что прошедшие три года с начала реформы органов МВД РФ, к сожалению, не привели к достижению поставленных целей. Так, 52,2 % опрошенных жителей республики Башкортостан в 2012 году отметили, что не видят никаких серьезных изменений в работе органов внутренних дел после

принятия и начала реализации Федерального закона «О полиции», при этом позитивные изменения ощущают только 12,6 %, а об ухудшении ситуации говорят 10,0 % опрошенных [7, с.47].

Еще большие проблемы глава МВД РФ В.Колокольцев выявил по итогам 2013г. в рядах столичной полиции, где полицейские до сих пор практикуют пресловутую «палочную» систему, а вместо борьбы с серьезным криминалом накручивают служебные показатели за счет криминальной «мелочовки», создали в подразделениях фактически «крепостное право», не давая действующим сотрудникам расти по службе, а на посты начальников приглашая людей из регионов. В результате такого «кадрового отбора», новые руководители с периферии начали переводить из своих регионов в Москву «целые кланы», а коррупция в столичных подразделениях только увеличилась. По итогам проверки, руководством МВД РФ в столичном ГУ до конца текущего года введен особый контроль за кадровой работой, когда назначения, планы работы, а также исправление выявленных недостатков теперь будет контролироваться департаментом государственной службы и кадров (ДГСК) МВД /<http://izvestia.ru/news/567283#ixzz2vioUqq3C>

Таким образом, ни переаттестация, ни создание новой законодательной базы не привели к ожидаемым гражданским обществом результатам, а лишь заложили основу для дальнейших шагов по завоеванию доверия к полиции со стороны населения страны, которые сводятся к следующему:

Во-первых, необходимо принципиально изменить систему учета и регистрации преступлений, а также систему оценки эффективности работы полиции, при которой она оценивалась бы по количеству лиц, привлеченных к ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а не по количеству регистрируемых заявлений;

Во-вторых, требуется устранить серьезные перекосы в кадровой работе, когда были сокращены реально работающие подразделения на местах, а численность обеспечивающих, штабных структур стала больше, чем оперативных и следственных. Необходимо усилить низовые

подразделения, особенно в небольших городах и районах, находящихся непосредственно в контакте с населением;

В-третьих, проблема «обуздания» преступности не может быть решена только правоохрнительными органами. Государство должно активизировать усилия для устранения наиболее серьезных криминогенных факторов путем осуществления реформ в социальной и экономической сферах: решать проблему занятости населения, снизить издержки межконфессионального общения в отдельных регионах, не допускать избирательного правосудия при разрешении конфликтных ситуаций и т.д.

В-четвертых, использовать богатый зарубежный опыт (в частности, США) в борьбе с преступностью при помощи специальных программ, нацеленных на решение конкретных проблем (борьбе с наркоманией, преступностью несовершеннолетних, незаконной миграцией и т.д.) в реализации которых наряду с полицией и другими государственными органами значительная роль отводится местным органам властям и общественности.

И, наконец, в-пятых, заслужить социальное доверие со стороны общества, чтобы вежливость и предупредительность, постоянная готовность помочь в беде стали визитной карточкой российских полицейских. Безусловно, что отсутствие такового, означает, что полиция — некий паразитический организм, приносящий лишь вред обществу, так как требует вложения больших материальных ресурсов, не обеспечивая его потребности в защите от преступности. Напротив, полиция может добиться признания и уважения у населения только тем, что оно увидит в их лице защитников, доброжелательных помощников, советчиков, просто отзывчивых должностных лиц, стремящихся оказать им практическую помощь в любой ситуации, даже если она выходит за рамки служебных инструкций.

Список используемой литературы:

1. <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article>
2. См.: <http://polit.ru/article/2006/03/14/privatization>; http://publicverdict.ru/topics/index_d/
3. См.: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/61984.html> \
4. См.: <http://www.narcom.ru/law/system/27.html>
5. См.: См.: <http://www.crimpravo.ru/blog/792>
6. См. <http://newsland.com/news/detail/id/1316495/>
7. Егорышева Н.В. Методологические основы и возможности социологического анализа социального взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением. Вестник ВЭГУ № 3 (65) 2013.

М. Н. Стефанчук

к.ю.н., профессор кафедры административного
и финансового права,
Национальная академия прокуратуры Украины

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ФУНКЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ УКРАИНЫ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

На сегодня в Украине продолжается процесс реформирования прокуратуры в направлении построения оптимальной модели с учётом требований и рекомендаций европейских институций, а также их соотношения с национальными правовыми традициями функционирования указанного органа.

Функциональная направленность современной украинской прокуратуры определяется двумя векторами ее деятельности: участие прокурора в уголовном производстве и деятельность, осуществляемая вне уголовного производства, с целью защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также общества и государства.

Вопрос о реформировании органов прокуратуры, в частности о лишении её функции «общего надзора», стал актуальным для нашего государства сразу же после принятия в 1996 году Конституции Украины [1], статья 121 которой не предусматривала сохранения за прокуратурой такого

полномочия. Только пунктом 9 раздела XV «Переходные положения» Конституции Украины было установлено, что прокуратура продолжает выполнять в соответствии с действующими законами функцию надзора за соблюдением и применением законов до введения в действие законов, регулирующих деятельность государственных органов по контролю за соблюдением законов и введения в действие законов, регулирующих её функционирование.

Дальнейшее реформирование прокуратуры является важным вектором правовой политики Украины и учитывая тот факт, что это является её обязательством перед европейскими институтами. Так, в Заключении Парламентской ассамблеи Совета Европы № 190 (1995) от 26 сентября 1995 года [2] относительно вступления Украины в Совет Европы отмечено, что одно из обязательств, которое взяло на себя наше государство, заключается в том, что роль и функции Генеральной прокуратуры будут изменены (особенно по осуществлению общего контроля за соблюдением законности) путём преобразования этого института в орган, который будет отвечать принципам Совета Европы.

В то же время, необходимо отметить, что в европейской правовой практике органы прокуратуры традиционно рассматриваются как органы государственной власти, которые от имени общества и в его интересах обеспечивают применение права там, где нарушение закона влечёт за собой уголовную санкцию, принимая во внимание как права человека, так и необходимость эффективного действия системы уголовного судопроизводства [3].

Однако в течение последних лет международное сообщество постепенно пришло к признанию важности роли прокуратуры и вне сферы уголовной юстиции. Так, в ответе Комитета министров Совета Европы на Рекомендацию Парламентской ассамблеи Совета Европы 1604 (2003) о роли прокуратуры в демократическом правовом обществе от 4 февраля 2004 года впервые была чётко сформулирована позиция, согласно которой Комитет

министров Совета Европы не видит оснований запрещать прокурорам осуществлять другие функции, которые выходят за рамки уголовной юстиции, как это принято во многих правовых системах [4]. Напомним, что в Рекомендации Парламентской ассамблеи 1604 (2003) 11 «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве права» [5], в частности отмечено, что важно обеспечить, чтобы любые полномочия обвинителей по общей защите прав человека не приводили к каким-либо конфликтам интересов и не отталкивали лиц, добивающихся защиты своих прав со стороны государства, а также то, чтобы полномочия и функции обвинителей ограничивались сферой обвинения по делам об уголовных правонарушениях, и решением общих задач по защите интересов государства через систему уголовной юстиции, а для выполнения любых других функций были созданы отдельные, надлежащим образом расположенные и эффективные органы. Аналогичная позиция содержится в Рекомендации CM/Rec (2012)11 Комитета министров Совета Европы государствам - членам Совета Европы о роли прокуроров вне системы уголовного правосудия (принята Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2012) [6], в которой, в частности отмечено, что при наличии у службы публичного обвинения полномочий вне системы уголовной юстиции, государства - участники должны принять все необходимые и соответствующие меры для обеспечения того, чтобы эта роль выполнялась с особым вниманием к защите прав человека и основных свобод и в полном соответствии с принципом верховенства права, в частности, права на справедливое судебное разбирательство.

Таким образом, необходимость принятия в Украине нового Закона «О прокуратуре» обусловлена как внутренними потребностями в направлении построения демократического правового государства, так и необходимостью выполнения Украиной обязательств перед европейскими институтами.

Последней вехой в развитии законопроектной работы по реформированию прокуратуры Украины стал проект Закона Украины «О

прокуратуре» № 3541, который внесён Президентом Украины на рассмотрение Верховной Рады Украины 5 ноября 2013 года [7]. Указанный законопроект является одним из нескольких законов о прокуратуре Украины, которые готовились в течение нескольких лет и в отношении которых Венецианская комиссия предоставляла свои заключения. Этим законопроектом предусмотрены полномочия прокуратуры Украины вне пределов уголовной юстиции только в рамках реализации конституционной функции представительства прокуратурой интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом.

Кроме того, следует указать, что с целью выработки предложений относительно изменений в Конституцию Украины на основе обобщения практики реализации Основного Закона Украины, с учетом достижений и тенденций развития современного конституционализма, Указом Президента Украины от 17 мая 2012 года № 328/2012 была создана Конституционная Ассамблея [8]. В одном из проектов решения этого органа «О проекте Концепции внесения изменений в Конституцию Украины» при исследовании вопросов цели и задач конституционной реформы в сфере конституционно - правового регулирования статуса прокуратуры отмечается о том, что закреплённые в настоящее время полномочия прокуратуры Украины вне уголовной сферы определяют этот институт одним из наиболее эффективных и достаточно часто безальтернативных механизмов защиты прав и свобод граждан и общественных интересов. Практика показывает, что, имея конституционное право на обращение в суд за защитой, граждане отдают предпочтение именно прокуратуре, поскольку её правозащитная деятельность имеет существенные преимущества по сравнению с аналогичной деятельностью других институций. Такие преимущества заключаются в оперативности решения поставленных задач; осуществлении защиты прав и законных интересов человека бесплатно; публичности деятельности прокуратуры. Кроме того, ни одна другая государственная организация не способна в полной мере заменить выполнения прокуратурой

правозащитной функции. Поэтому ограничение на данном этапе полномочий прокуратуры вне системы уголовной юстиции наряду со слабостью и неразвитостью других институтов, на которые возлагаются такие полномочия, приведёт к вакууму в сфере обеспечения законности, прежде всего в бюджетной, экологической, земельной, транспортной, ювенальной и других сферах. При этом необходимо учитывать значительный объем финансовых ресурсов, организационных и институциональных мер, необходимых для создания эффективной системы обеспечения законности в государстве.

В связи с этим, на нынешнем этапе решение проблемы модернизации конституционно - правового статуса прокуратуры предлагается осуществить следующим образом:

- в соответствии с обязательствами Украины перед Советом Европы ликвидировать функцию прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением и применением законов и функцию предварительного (досудебного) следствия путем отмены пункта 9 Переходных положений Конституции Украины;

- обеспечив преемственность конституционного регулирования прокуратуры как единой системы, конкретизировать место прокуратуры в системе государственной власти через определение её основных задач, к которым отнести всемерное утверждение верховенства закона, защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также общества и государства от противоправных посягательств;

- определяющими должны стать положения, устанавливающие систему основных функций прокуратуры, к которым вне рамок уголовной юстиции относится функция защиты общественных или государственных интересов и их представительства в суде в случаях, определенных законом [9].

Подводя итоги, необходимо отметить, что на сегодня реформирование функций прокуратуры Украины вне пределов уголовной юстиции состоит в оптимизации прокурорского надзора вне уголовной сферы и в пересмотре

функції представництва прокуратурою інтересів громадянина або держави в суді в випадках, визначених законом, на предмет її відповідності європейським стандартам діяльності прокуратури за межами кримінальної юстиції.

Список использованной литературы:

1. Конституція України: Закон від 28.06.1996 № 254к/96-ВР [Електронний ресурс] Верховна Рада України. URL : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/ed19960628/para0510#o510>.
2. Висновок N 190 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи щодо заяви України на вступ до Ради Європи [Електронний ресурс] Верховна Рада України. - URL : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_590.
3. Рекомендація № R (2000) 19 Комітету Міністрів Ради Європи державам-членам Ради Європи про роль державного обвинувачення в системі кримінального правосуддя від 6 жовтня 2000 року [Електронний ресурс] URL : <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1568277&Site=COE>.
4. CM/AS(2004)Rec1604 final 6 February 2004 Role of the public prosecutor's office in a democratic society governed by the rule of law –Parliamentary Assembly Recommendation 1604 (2003) [Електронний ресурс] URL : <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=114263&Site=COE>.
5. Рекомендація ПАРС 1604 (2003) 11 «Про роль служби публічних обвинувачів в демократичному суспільстві, заснованому на верховенстві права» від 27 травня 2003 року [Електронний ресурс] URL : http://www.pravo.org.ua/files/_com_split_1.pdf.
6. Рекомендація Rec(2012)11 Комітету міністрів державам-учасникам «Про роль публічних обвинувачів поза системою кримінальної юстиції» [Електронний ресурс] URL : http://www.pravo.org.ua/files/rec_chodo_publ.PDF.
7. Проект Закону України «Про прокуратуру» № 3541, внесений Президентом України на розгляд Верховної Ради України 5 листопада 2013 року [Електронний ресурс] URL : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=48935
8. Про Конституційну асамблею: Указ Президента України від 17 травня 2012 року № 328/2012. – ОВУ. -2012.- № 39.- ст. 1449.
9. Проект рішення Конституційної Асамблеї від 21 червня 2013 року № 14 «Про проект Концепції внесення змін до Конституції України» [Електронний ресурс] URL : <http://jurliga.ligazakon.ua/news/2013/6/20/93050.htm>.

К.И. Сэндуляк

адъюнкт Самарского юридического института ФСИН России

В.О. Белоносов

д.ю.н., профессор Самарского юридического института ФСИН России

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ежегодно из исправительных учреждений условно-досрочно освобождается большое количество осужденных. Официальная статистика свидетельствует, что их число составило в 2011 году 108899 человек (или 40,2 % от всех освобождённых), в 2012 году – 93105 (37,1 %), в 2013 году – 68889 (29,8 %) [1]. Согласно этим данным наблюдается тревожная картина сокращения использования УДО.

Другие авторы приводят несколько другие цифры. Например, по исследованиям А.Н. Бурчихина в 2009 году из мест лишения свободы было освобождено 261653 (из них 117144 – условно-досрочно или 44,86 %), в 2010 году 273708 (117297 – условно-досрочно – 42,9 %), в 2011 году 272031 (113376 – условно-досрочно – 47 %) [2, с. 3]. Мы склонны считать, что в этом случае официальная статистика более точна и нет оснований ей не доверять.

С одной стороны условно-досрочное освобождение следует оценить положительно, так как это реализация идеи гуманизма в российском законодательстве. Но с другой стороны необоснованное использование поощрительного института условно-досрочного освобождения в исправительных учреждениях способно отрицательно повлиять на состояние преступности посредством увеличения ее рецидива.

Хотя удельный вес рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных в официальной статистике не отражается и относится к сведением ограниченного использования, тем не менее некоторые авторы указывают, что в 2008 г. он составил 1,8 % от общего числа осужденных, в

2009 – около 6 %, в 2010 – около 6,5 %, а в 2011 г. – около 7 % [2, с. 3]. Наличие рецидива свидетельствует о трудностях реализации УДО, обусловленных рядом причин.

Например, в уголовно-процессуальном законодательстве не определено перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по условно-досрочному освобождению, несмотря на то, что именно процессуальное законодательство занимается вопросами доказывания. Также отсутствуют четкие критерии, которым необходимо следовать при решении вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ. Данная уголовно-процессуальная норма является отсылочной к ст. 97 УК РФ. Но и ст. 97 УК РФ отличается в этом смысле не очень большой конкретностью. Она предписывает установить достаточно абстрактное состояние, когда осужденный «...не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания для своего исправления, а также возместил вред (полностью или частично)...». Данное словосочетание относится к оценочному, наполнение которого конкретным содержанием представляет определенную трудность для правоприменителей.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении N 8 от 21 апреля 2009 года [3] (далее – Пленум) рассмотрел вопрос условно-досрочного освобождения и дал следующее разъяснение. Выводы о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, предшествующее рассмотрению ходатайства или представления. При этом необходимо учитывать отношение осужденного к учебе, связи с родственниками и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать об исправлении осужденного.

Обращено внимание на недопустимость как необоснованного отказа в УДО, так и необоснованного освобождения от отбывания наказания. Суды не вправе отказывать в УДО по основаниям, *не указанным в законе* (выделено нами), таким, как наличие прежней судимости, мягкости назначенного

наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т.д. Такое указание Пленума наводит на мысль, что эти основания должны найти свое закрепление в законе. А коль скоро речь идет о принятии правильного процессуального решения, то они должны быть закреплены в УПК РФ.

Определённого внимания заслуживает такое основание, как непризнание осужденным своей вины. Несмотря на то, что ни в УПК РФ, ни в УК РФ ничего об этом не говорится, а Пленум прямо указывает, что не надо это основание учитывать для решения вопроса об УДО, тем не менее ст. 175 УИК РФ требует от сотрудников уголовно-исполнительной системы отражать в представляемых материалах сведения о том, что осужденный раскаялся в своем деянии. И хотя УИК РФ является законом, а постановление Пленума Верховного Суда РФ – подзаконным актом, тем не менее УИК РФ рассчитан на сотрудников уголовно-исполнительной системы, а постановление Пленума Верховного Суда РФ – прежде всего на судей, а потом уже и на иных правоприменителей.

Хотя отсутствие раскаяния в своем деянии не влияет отрицательно на УДО, а его наличие положительно характеризует осужденного, тем не менее вопрос о раскаянии целесообразно убрать из УИК РФ в целях унификации правового регулирования. А основания отказа УДО целесообразно закрепить в УПК РФ.

Также Пленум обратил внимание на взыскания осужденных, которые широко распространены в уголовно-исполнительной практике. Исходя из их административной природы, Пленум указал, что взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, подлежат оценке судом в совокупности в другими характеризующими его данными. При этом наличие или отсутствие взыскания не может служить как препятствием, так и основанием для его УДО.

Толкование Пленумом практики условно-досрочного освобождения находит и своё правоприменение. Администрации исправительных

учреждений собирают широкий перечень документов, подтверждающих, что осужденный встал на путь исправления или имел все предпосылки для этого. В суд также направляется информация о том, что осужденный в период отбывания наказания частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный преступлением, раскаялся в совершенном деянии (вопреки указаниям Пленума); данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности УДО.

С одной стороны такой большой перечень документов, представляемый в суд, должен был бы быть вроде достаточным для принятия правильного и справедливого процессуального решения судьей об условно-досрочном освобождении, исключающего будущий возможный рецидив. Но такой вывод мог бы быть правильным только в том случае, что все представленные документы и все действия в суде будут законны, справедливы и истинны. Однако наличие рецидива свидетельствует о потенциальном браке в работе этих субъектов.

Трудность принятия правильного процессуального решения в данной ситуации осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, судья своим процессуальным решением должен совершить прогностический поступок, что в будущем условно освобожденный будет вести себя законопослушно. Если у судьи есть сомнения в этом, то он должен отказать в УДО. Но правильное прогностическое решение не всегда связано с уголовно-процессуальной сферой. Во-вторых, в истинности принимаемого процессуального решения содержится философская закономерность, отражающая общую картину состояния истины в уголовном процессе. Вряд ли она достигается по рассматриваемым делам всегда и однозначно. Данные обстоятельства объясняют тот факт, что принимаемое судьей решение об УДО не всегда получается правильным и обоснованным, что в конечном счете приводит к рецидиву.

Представляется, что в соответствии с п.п. 1, 2 ст. 175 УИК сведения, которые предоставляются суду и на основе которых он должен сделать вывод о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, являются недостаточными. Поэтому в интересах правосудия следует расширить объем предоставляемых суду сведений, на основе которых он мог бы принимать более обоснованное и правильное решение об УДО осужденного.

Например, вместе с вышеперечисленными документами целесообразно направлять в суд личное дело осужденного, которое ведется в учреждениях УИС. Сравнение имеющейся в нем информации о том, каким способом, при каких обстоятельствах было совершено преступление, а также иной значимой информации с размером отбытого осужденным наказания, всеми документами, направляемыми в суд, помогло бы оценить их в совокупности и сделать более правильный вывод о достаточности отбытого срока для восстановления социальной справедливости и исправления осужденного. Это могло бы быть дополнительной гарантией предупреждения совершения им новых преступлений.

Правильность применения законов о досрочном освобождении осужденных от отбывания наказания зависит в существенной мере от эффективности прокурорского надзора. Но здесь получается парадоксальная ситуация: демократичный институт условно-досрочного освобождения, имеющий широкое распространение на практике, с точки зрения закона находится как бы вне зоны обязательного внимания прокуратуры. Администрация ИУ комиссионно принимает решение об УДО, направляет соответствующие материалы в суд, где этот вопрос решается без обязательного участия прокурора.

Отсутствует процедура согласования с прокурором вопроса об УДО до направления материалов в суд. Согласно ч. 6 ст. 399 УПК в судебном заседании при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, вправе участвовать прокурор. Однако такая формулировка ч. 6 ст. 399 УПК

дает прокурору лишь право, а не обязанность участия в судебном заседании. Согласно УПК суд не обязан извещать прокурора о дате и времени заседания по условно-досрочному освобождению. Поэтому прокурор не имеет возможности ознакомиться с материалами, представляемыми в суд. Вместе с тем Пленум Верховного Суда от 21 апреля 2009 г. обязал судей извещать прокурора о дате, времени и месте рассмотрения ходатайства об УДО (п. 18), но постановление Пленума – это не закон.

Считаем, что целесообразным было бы законодательно закрепить обязанность администрации ИУ направлять документы прокурору до направления их в суд. Это логично соответствовало бы и статусу учреждений уголовно-исполнительной системы как органов дознания (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК).

Было бы целесообразно также внести изменения в ст. 175 УИК о том, что перед направлением материалов в суд администрация ИУ должна их направлять на согласование с прокурором.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время остается достаточное количество нерешенных вопросов касающихся условно-досрочного освобождения, требующих своего комплексного разрешения.

Список использованной литературы:

1. Статистическая отчетность ФСИН РФ. Документы не опубликованы.
2. Бурчихин А.Н. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы: автореф. дис... канд. юрид. наук. Рязань, 2012.
3. Постановление Пленума Верховного Суд «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» от 21 апреля 2009 г. N 8 // Российская газета. 2009. 29 апреля.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Необходимость уголовно-правовой охраны несовершеннолетних, их законных прав и интересов от преступных посягательств, обусловлена той критической ситуацией, в которой они оказались в настоящее время.

Анализируя состояние уголовно-правовой и социально-экономической защиты несовершеннолетних, по имеющимся данным официальной статистики и социологических исследований, можно заметить крайне негативные тенденции, вызывающие тревогу ученых и практиков, специализирующихся в данной области.

В Российской Федерации на сегодняшний день проживает 25 миллионов несовершеннолетних, однако численность детского населения нашей страны ежегодно сокращается в среднем на 3% в год. Если сравнить этот показатель с аналогичным, то за последние десять лет количество детей в России уменьшилось более чем на 6,6 миллионов человек, (в 2002 г. несовершеннолетних в РФ было 31,6 млн.). Таким образом, в настоящее время, детей до 14 лет в России в 2 раза меньше, чем пенсионеров [2].

Основными причинами снижения численности детского населения являются низкая рождаемость и высокая смертность. Причем, если среди причин смерти детей до 1 года жизни на первом месте – их неестественная гибель, то среди подростков – это смерть от передозировки наркотиков, которая в современной России постсоветского периода увеличилась в 48 раз.

Немаловажной причиной среди причин смертности несовершеннолетних после туберкулеза и травматизма, являются самоубийства. Ежегодно в России жертвами самоубийств становятся более

2700 несовершеннолетних в возрасте от 7 до 17 лет. За последние 20 лет число детских самоубийств выросло на 73 % . По имеющейся информации суицидологического центра 52% случаев обусловлено семейными конфликтами.

Продолжает тревожить проблема беспризорных детей, брошенных родителями или самовольно ушедших из семьи из-за жестокого с ними обращения. Официальные лица в своих публикациях и заявлениях поразному оценивают их количество. Так, В.С. Демина, зам. председателя Комитета СФ по социальной политике называла цифры: более 100 тыс. беспризорных детей, безнадзорных – около 1 миллиона [4], председатель Комитета СФ по вопросам безопасности и обороны В. Озеров – от 2 до 5 миллиона беспризорников [3, с.6]. На коллегии МВД называлась цифра в 2 – 2,5 млн. беспризорников. По данным Генеральной Прокуратуры в России насчитывается 3 млн. беспризорных. Однако из множества других источников вырисовывается иная цифра: в России сегодня около 5 – 7 миллионов беспризорных детей. Из них 90% это «социальные сироты».

Так или иначе, число беспризорников возрастает, и сейчас составляет 2,17 % от общего числа детей, то есть более чем каждый 50-й ребёнок в России – беспризорник. В то же время Госкомстат констатирует: каждый пятый российский ребенок – детдомовец. Как видим, даже по официальной статистике, беспризорных детей в России уже в 10 раз больше, чем детдомовских.

Многие специалисты отмечают, что количество детей-беспризорников и детдомовцев в России фактически уже превысило уровень лет после Гражданской войны, а Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребёнка П. Астахов на одной из пресс-конференций заявил, что число несовершеннолетних, находящихся в настоящее время в интернатах, приютах, детских домах уже в 2 раза больше, чем после Великой Отечественной войны.

На протяжении последнего десятилетия социологические исследования и официальная статистика показали, что ежегодно убегают из дома не менее 50 тысяч детей, а по некоторым данным около 90 тысяч. Причем, число детей, сбежавших из интернатов, составляет всего лишь около 6 тысяч. Примерно 30 % бегут из-за плохих отношений с родителями, около 30% дают семьи алкоголиков и наркоманов, убегающих от учебы – не более 18 %.

Органами внутренних дел ежегодно объявляется розыск в отношении десятков тысяч детей. Как озвучил в своем интервью зам. начальника главного управления уголовного розыска МВД России В. Красильников, более 64 тысяч человек были объявлены в розыск в 2011 г., из них каждый третий – ребенок или подросток.

Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин на коллегии СК РФ заметил, что больше всего несчастий случается с детьми, которые убежали из семьи или детдома. По сведениям правозащитных организаций, у нас в стране ежегодно появляется 120 000 новых сирот, ежедневно около 200 детей отбираются у нерадивых родителей [1]. Количество родителей, лишенных родительских прав, исчисляется десятками тысяч, рост числа таких лиц за последние годы увеличился более чем в 3 раза.

Проведенные учеными исследования показали, что каждое третье преступление, где имеется потерпевший, совершается в отношении несовершеннолетнего, а из числа всех преступлений, совершаемых против несовершеннолетних, почти 15 % составляют убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилования.

Современная ситуация с преступностью в отношении несовершеннолетних не менее тревожна и опасна.

По данным Следственного комитета, в России за 2010 год стали жертвами преступлений – 100,227 тысяч несовершеннолетних, из них: 1684 ребенка погибли, а здоровью 2386 детей был причинен тяжкий вред.

В 2011 году 93 241 тысяча несовершеннолетних стали жертвами преступлений, из них: 1761 ребенок погиб, около 3 тысяч – искалечены, в том

числе свыше 2 тысяч – был причинен тяжкий вред здоровью. В 2011 году было установлено 13 фактов торговли детьми.

Предпринятое российским законодательством ужесточение уголовной ответственности и наказания против посягательств на права несовершеннолетних, принесло определенные результаты, – в 2012 году по сравнению с 2011 годом общее число преступлений против интересов несовершеннолетних снизилось на 5,9 %.

В 2012 году жертвами преступлений стали 89 183 несовершеннолетних. Однако при этом на 11,8 % увеличилась доля малолетних потерпевших в возрасте до 12 – 13 лет.

Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка П.Астахов, на совещании председателей Верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов РФ отметил, что на фоне снижения на 4,4% общего числа несовершеннолетних потерпевших, их численность остается недопустимо высокой: в 2012 году – 89 183 человек, в 2011 году – 93 241 человек. Кроме этого, на 11,8 % возросло число малолетних потерпевших.

В 2012 году по сравнению с предыдущим годом существенно увеличилось число детей и подростков: погибших от рук преступников – на 21,5 % (с 1761 до 2139 человек); изувеченных ими – на 7,2% (с 3236 до 3492 чел.), в том числе: пострадавших от причинения тяжкого вреда здоровью – на 7,4% (с 2 518 до 2705 человек). На 4,0% возросло число преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних (с 27 919 до 29041), в том числе на 0,6% - число убийств и покушений на убийство.

Все чаще преступления против детей совершают сами родители, – если в 2012 году рост таких преступлений составил по сравнению с 2011 годом 19% (с 3849 до 4580 случаев), то в первом полугодии 2013 года – уже 21,5 %.

Только за первое полугодие 2013 года число убийств и покушений на убийство несовершеннолетних возросло на 8,3 %; на 3,6 % больше выявлено случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Несмотря на серьезное ужесточение наказания за половые преступления, рост количества насильственных преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, носит устойчивый характер: за последние 4 года эти показатели выросли в 5 раз.

Так, в 2011 году было совершено 8,800 действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. По сравнению с предыдущим годом на 9 % увеличилось количество изнасилованных несовершеннолетних, а количество преступлений по ст.134 УК РФ (сексуальные действия с несовершеннолетними) и по ст.135 (развратные действия) возросло на 178 %.

Если сравнить аналогичные показатели за 2012 год – налицо значительное увеличение половых преступлений против несовершеннолетних: на 30% больше совершено изнасилований и на 26 % – насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, сохраняется крайне неблагоприятная ситуация в сфере борьбы с преступлениями педофильного характера. В 2012 году совершено около 8,8 тысяч преступлений против половой неприкосновенности детей, в том числе: 4,4 тысячи изнасилований и насильственных действий сексуального характера (3,2 тысячи из них – в отношении малолетних); около 3,7 тысяч ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности. Остается значительным число мальчиков, пострадавших от гомосексуальной педофилии, – в 2012 году 250 мальчиков пострадали от ненасильственного мужеложства (ст. 134 УК РФ); и доля развратных действий в отношении мальчиков в общем числе таких преступлений (по ст. 135 УК) увеличилась с 29,% до 38,7%.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, среди совершивших преступления против половой неприкосновенности малолетних, более 2 тысяч осужденных имели неснятые и непогашенные судимости, а свыше 500 человек совершили такие преступления после досрочного освобождения.

Актуальными вопросами, вызывающими острую дискуссию специалистов в настоящее время становятся проблемы предотвращения новых посягательств на интересы несовершеннолетних. Обострение этих проблем отражается в сведениях уголовной статистики и данных, полученных оперативными службами правоохранительных органов, которые попадают в СМИ.

В связи с постоянно ухудшающейся криминогенной обстановкой в стране, проблема создания и функционирования специализированной виктимологической службы в ОВД, хотя бы в отношении несовершеннолетних жертв преступлений, по-прежнему является весьма актуальной.

Список использованной литературы:

1. Бастрыкин А. Следствие станет координатором в поисках исчезнувших детей. Сегодня в розыске числятся многие тысячи детей. // Российская газета. 2012. № 5950 (277) от 30.11.2012.
2. Богуславская О. В мести против детей / рубрика: ШОК // Московский Комсомолец. 2012. № 26127 от 25.12.2012.
3. Озеров В.А. Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России. Детская беспризорность и безнадзорность: проблемы, пути решения // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2002. № 20 (176). С. 6.
4. О ликвидации детской безнадзорности и беспризорности в РФ как социального явления. Проблемы детской безнадзорности и беспризорности в РФ: социально-политические последствия и современные технологии решения. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2003. № 14 (207). С.68.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Свобода усмотрения следователя при производстве следственных и процессуальных действий в теории уголовного процесса рассматривается как основа его процессуальной самостоятельности [2, с.141]. При этом подразумевается, что решения следователя о проведении следственных действий могут быть проверены руководителем следственного органа, прокурором или судом на предмет их законности и обоснованности. Важнейшее практическое значение при этом имеет правильное понимание диалектики соотношения границ процессуальной самостоятельности следователя при производстве следственных действий и того, насколько свобода в принятии решений о производстве следственных действий влияет на реализацию самостоятельности следователя в уголовном процессе.

Сущность процессуальной самостоятельности состоит в том, что следователь принимает решения по своему внутреннему убеждению и несет полную ответственность за расследование уголовного дела. Из этого следует, что решения должны изначально приниматься следователем самостоятельно даже тогда, когда требуется согласие руководителя следственного отдела и (или) разрешение суда для придания им юридической силы. При этом не должно быть никаких обязательных предварительных согласований с вышестоящими руководителями, прокурорами, судьями. Это позволит следователю реализовать свое внутреннее убеждение в полной мере, обеспечит ему возможность не только принимать решения, соответствующие его внутреннему убеждению, но и не принимать иного, противоречащего его убеждению решения [8, с.19].

Следователь при производстве предварительного следствия принимает, а, вернее сказать, вырабатывает определенные решения, необходимые, по его мнению, для реализации назначения уголовного судопроизводства и движения уголовного дела. Решения вырабатываются следователем по любым вопросам предварительного следствия, даже по тем, которые требуют согласия руководителя следственного органа или решения суда. Такие решения принимаются следователем единолично на основании изучения и оценки доказательств, облекаются в форму ходатайства и являются результатом его волевой деятельности, отражающим его видение способов осуществления производства по уголовному делу и в, конечном итоге, - путей реализации назначения уголовного судопроизводства.

Концепция судебной реформы 1991 года провозгласила идею недопустимости процессуального подчинения следователя начальнику следственного подразделения и обеспечения независимости следователя в действиях и решениях по уголовному делу. В Концепции были сформулированы принципиальные направления реализации в уголовно-процессуальном законодательстве положений о процессуальной самостоятельности следователя: недопустимость вмешательства в деятельность следователя при принятии процессуальных решений со стороны лиц, не являющихся субъектами уголовного процесса; независимость деятельности следователя от каких-либо государственных или общественных организаций, учреждений и должностных лиц, кроме прокурора и суда; верховенство следователя по отношению к органу дознания, который должен быть подотчетен следователю за выполненные им действия в отсутствие последнего; право следователя при несогласии с указанием прокурора представить дело со своими возражениями в суд.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство значительно отошло от положений Концепции судебной реформы в вопросах самостоятельности следователя при производстве по уголовному делу. Это связано с широким введением судебного контроля за предварительным

расследованием и существенным расширением процессуальных полномочий руководителя следственного органа.

Говоря о следственных действиях, на производство которых необходимо получение судебного решения, Конституция РФ указала лишь на действия, связанные с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23) и с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25). То есть, в соответствии с положениями Основного закона речь могла идти только о таких следственных действиях, как выемка почтово-телеграфной корреспонденции, прослушивание телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, обыск и выемка в жилище, осмотр жилища без согласия проживающих в нем лиц.

УПК РФ существенно расширил этот перечень, включив в него также выемку заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, личный обыск, выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. Кроме того, судебное разрешение требуется также на производство ряда иных процессуальных действий (ч. 3 ст. 178, ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

Введение судебного контроля на предварительном следствии – необратимый процесс на пути построения демократического государства в России. Однако при этом должна обеспечиваться эффективность и оперативность деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование [4, с.44]. Сегодня же установление судебного контроля за многими решениями о производстве следственных действий является, по нашему мнению, необоснованным ограничением процессуальной самостоятельности следователя. «Изменение содержания процессуальных полномочий следователя в сторону увеличения процессуальных решений,

принимаемых под контролем..., привело к изменению содержания понятия «процессуальная самостоятельность следователя» [5, с.11].

Как показывает обобщение практики, судебный контроль за проведением следственных действий носит нередко формальный характер; суды практически не отказывают в удовлетворении ходатайств о проведении следственных действий, но длительность процедуры влияет на последующий результат [9, с.83].

Справедливым представляется мнение о том, что неограниченность сферы действия судебного контроля и то, что УПК РФ допускает возможность судебного обжалования практически любого решения и действия следователя, не отвечает публичным интересам и создает препятствия для органов предварительного расследования в распоряжении своими процессуальными правами по ведению следствия [1, с.54]. Поэтому ряд авторов предлагает сделать судебный контроль исключительно последующим [3, с.74].

Данная точка зрения представляется нам достаточно обоснованной и способной обеспечить в силу указанных выше причин, как законность проведения следственного действия, так и права и интересы участников предварительного расследования. Последующий судебный контроль за производством предварительного расследования является более эффективным, нежели превентивный. В настоящее время в сферу контроля суда за производством, например, обыска попадает только лишь его обоснованность с точки зрения следователя, поскольку судебный контроль «имеет своим содержанием предупреждение возможных ошибок органов предварительного расследования и исправление допущенных нарушений» [10, с.24]. Однако насколько законным будет его фактическое производство? На этот вопрос судья ответить не может. Но если судье на проверку будут попадать материалы уже проведенного обыска, картина будет куда яснее. На основе документов о проведенном следственном действии можно будет судить и об обоснованности, и о законности проведенного обыска.

Полагаем, что следователь в состоянии объективно решить вопрос о целесообразности проведения следственного действия по конкретному уголовному делу, тем более, что его законность может быть в последующем оспорена стороной. Наличие судебного решения практически создает ситуации, когда законность и обоснованность проведения следственного действия является неоспоримой. Кроме того, столь масштабное осуществление судебного контроля за законностью производства следственных действий, которое предусмотрено УПК РФ, ставит под сомнение компетентность не только следователя, но и руководителя следственного органа, их способность обоснованно решать вопрос о необходимости проведения определенных следственных действий.

В то же время необоснованные, немотивированные и оттого незаконные следственные действия – явление достаточно распространенное в практике российских органов предварительного расследования. Поэтому предоставление абсолютной независимости следователю в принятии процессуальных решений чревато опасностью увеличения нарушений закона. Кроме того, в отличие от УПК РСФСР, объявление самостоятельности следователя не сопровождается указанием на его ответственность за законное и своевременное проведение процессуальных действий [7, с.74]. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. Но в законе нет указания на ответственность следователя за производство расследования. Это, однако, не мешает многим ученым-процессуалистам говорить о том, что следователь несет ответственность за обоснованность проведения процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в его производстве [6, с.19-20]. Такое мнение обосновывается ссылкой на положения теории принятия

управленческих решений, согласно которой в процесс принятия решения обязательно входит и ответственность за его исполнение [11, с.39-626].

Признавая обоснованность данного мнения, полагаем все же, что отсутствие соответствующего законодательного положения об ответственности следователя за принятие процессуальных решений является недостатком действующего законодательства. При этом создается двусмысленная ситуация: с одной стороны, закон не возлагает на следователя ответственность за законное и обоснованное производство следственного действия, хотя порядок принятия решений о проведении ряда следственных действий позволяет говорить о «коллективной» ответственности следователя, руководителя следственного органа и суда, а с другой стороны, - ответственность не лежит ни на ком, поскольку она «размывается» между иницилирующими, согласовывающими и разрешающими лицами.

УПК РФ предоставил широкие властно-распорядительные полномочия руководителю следственного органа. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, следователь обязан получить согласие руководителя следственного органа на производство всех следственных действий, в отношении которых требуется решение суда (ч. 1 ст. 165 УПК РФ). Таким образом, при их производстве следователь находится под двойным контролем (со стороны своего непосредственного руководителя и суда). Это трудно признать нормальным. Следователь должен быть занят исключительно расследованием (установлением обстоятельств совершенного преступления), а не получением разрешений и согласований своих процессуальных решений и действий. По нашему мнению, при принятии следователем решений о производстве следственных действий согласование с руководителем следственного органа ходатайства об обращении в суд для получения разрешения является излишней формальностью, которая ничего, кроме волокиты, в расследование дела не вносит. Вмешательство руководителя следственного органа в производство

следственных действий, «опека» им следователя должны быть минимизированы.

Список использованной литературы

1. Багаутдинов Ф.Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии // Журнал российского права. 2002. № 12.
2. Будников В.Л., Волколупов Е.В. Проблема процессуальной самостоятельности следователя как субъекта доказывания по уголовному делу // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания. Волгоград, 2000.
3. Быков В.М. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 1.
4. Дармаева В.Д. О процессуальной самостоятельности следователя // Следователь. 2002. № 10.
5. Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
6. Зимин Р.В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
7. Исмагилова Э.М. Обеспечение прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
8. Степанов Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.
9. Татьяна Л.Г. Стратегии следственной деятельности // Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11-12 октября 2007 г. СПб., 2007.
10. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003.
11. Уткин Э.А. Курс менеджмента. М., 1998.

С.С. Францифорова

прокурор управления правовой
статистики прокуратуры Саратовской области

ПОНЯТИЕ ЧАСТНОПРАВОВОГО СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отношения в любой сфере общественной жизни получают свое собственное правовое регулирование. Целью данного регулирования является установление порядка, необходимого для защиты прав и удовлетворения интересов его участников [2, с. 607-608].

По своей сути указанный институт является совокупностью составляющих его средств – в статике. В динамике же правовое регулирование представляет собой совокупность данных средств в действии при их применении вместе с получаемым при этом необходимым результатом.

В теории права отсутствует однозначное определение понятия средства правового регулирования.

Кулапов В.Л. и Малько А.В. раскрывая понятие механизма правового регулирования, указывают на то, что он является системой «юридических средств правового воздействия на общественные отношения». Данное «средство – связующее звено между целью и результатом» [2, с. 607-608]. Указанная цель состоит в том, чтобы «обеспечить упорядочение общественных отношений, гарантировать справедливое удовлетворение интересов субъектов» [2, с. 607].

Русинов Р.К., давая понятие правовому регулированию, сообщает, что по сути оно – «целенаправленное воздействие на общественные отношения с помощью правовых юридических средств» [3, с. 153]. При этом «средства отвечают на вопрос, чем регулируется поведение людей» [3, с. 154]. Целью правового регулирования является необходимость «согласования потребностей, интересов отдельного человека и сообществ людей (больших или малых социальных групп)» [3, с. 153].

Таким образом, можно выделить следующие признаки средства правового регулирования. Во-первых, оно устанавливается законом. Во-вторых, оно воздействует на общественные отношения, в том числе, через влияние на поведение людей. В-третьих, целью указанного воздействия является удовлетворение общественных интересов.

Относительно значения термина «средство» необходимо отметить, что, по мнению филологов С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, средство это – «прием, способ действия для достижения чего-н.» [1, с. 275].

Таким образом, на основании приведенных понятий можно дать следующее определение средства правового регулирования – это прием, способ воздействия на общественные отношения, установленный правовыми нормами в целях упорядочения указанных отношений для максимального удовлетворения интересов общества и отдельных его членов.

Средства правового регулирования находят свое объективное воплощение в различных по своей природе формах: правовые нормы, правовые режимы, договоры, иски, акты применения права, меры ответственности и т.д.

Частноправовые средства¹, как правило, создаются и применяются самими участниками указанных отношений. Их главное отличие состоит в том, что указанные средства создаются не в условиях власти и подчинения при осуществлении соответствующих полномочий.

По указанной причине среди средств частного правового регулирования следует выделить договор, обычай делового оборота, а также институт саморегулирования.

Указанные средства могут быть созданы не только непосредственными участниками конкретных отношений, но и другими лицами – иными участниками указанных либо схожих отношений.

В последнем случае соответствующий субъект отношения, которое урегулировано без его участия определенным частноправовым средством, обязан подчиниться именно той модели поведения, которая определена другими лицами. Подобное относится, в первую очередь, к обычаям делового оборота. Кроме того, это возможно, когда то или иное лицо становится субъектом определенного отношения, возникшего до того, как он стал его участником. Например, в случае правопреемства, уступки права требования по договору и т.п.

¹ В данном случае речь идет о конкретном частноправовом средстве, а не о его модели. Например, договор, заключенный в определенное время между определенными сторонами относительно конкретного предмета.

Что касается обычаев делового оборота, то большинство их участников подчиняется правилам поведения, ранее созданным другими субъектами аналогичных отношений. При этом последние не имеют каких-либо властных полномочий. Создание ими подобных правил обусловлено тем, что, зафиксированные в них модели поведения наиболее полно удовлетворяют интересы участников аналогичных отношений и последние каждый раз воспроизводят указанные модели в схожих ситуациях.

Таким образом, основным признаком частноправового средства правового регулирования является то, что оно создается субъектом, не наделенным властными полномочиями, либо, когда данный субъект в процессе его создания указанные полномочия не использует. Примером последнего случая может быть заключение гражданско-правового договора между предпринимателем и органом власти на приобретение последним каких-либо товаров либо на оказание ему услуг.

На основании изложенного, возможно дать следующее определение средства частноправового регулирования – это прием, способ воздействия на общественные отношения, установленный правовыми нормами в целях упорядочения указанных отношений для максимального удовлетворения интересов общества и отдельных его членов, создаваемый² участниками отношений без применения ими властных полномочий и действующих в данной ситуации на началах равноправия.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
2. Теория государства и права. Курс лекций//Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2012.
3. Теория государства и права//Под ред. В.Д. Первалова. М., 2013.

² Как указано выше, речь идет не о создании модели определенного частноправового средства, например, об институте договора. В указанном случае автор имеет в виду создание договора, путем его заключения между определенными лицами, либо об установлении конкретного обычая делового оборота в определенной сфере и т.п.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Проблема разграничения транснациональных преступлений от иных преступлений как обще уголовного так и международного характера имеет важное значение как для наук уголовно-правового цикла, так и для практического понимания сформировавшегося явления. Важное значение приобретает смысл, вкладываемый в используемые для определения данного социально-правового явления понятия и термины.

В мире долгое время проходил процесс, который получил наименование «интернационализация преступности», который на данный момент достиг своего апогея. Интернационализация преступности имеет двойственную характеристику, поскольку, во-первых, необходимо учитывать интернационализацию общественной опасности совершаемых преступлений (деяния, представляющие опасность для нескольких государств), а во-вторых, интернационализацию форм и методов криминальной деятельности (развитие международно-организованной преступности).

Под транснациональной преступностью в литературе понимают антисоциальное, относительно массовое в международном масштабе явление, представляющее собой совокупность транснациональных преступлений[1, с.10]. Транснациональная организованная преступность — это негативное социальное явление, которое характеризуется сложностью составляющих его видов деятельности, осуществляемой в широких масштабах, и посягающее на общественные отношения, интересы или блага, охраняемые уголовными законодательствами двух и более государств, как правило, с целью получения финансовой прибыли или приобретения

власти[2, с.20]. В зарубежной литературе выделяют три основных типа транснациональных криминальных организаций. Во-первых, это транснациональные организованные преступные организации так называемой «Большой Пятерки»: Итальянская мафия, Российская мафия, Японская Якудза, Китайские Триады и Колумбийские картели. К ним также можно добавить Мексиканские наркокартели, отмечает американский ученый Дж.Р. Ричардс [3,с.4-5].

Так, к транснациональным преступлениям (преступлениям международного характера) принято относить: терроризм, захват воздушного судна, наркотрафик (незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ), работоторговлю, нелегализованное радио- и телевидение, пиратство, преступления против лиц, пользующихся защитой международного права, эксплуатацию проституции и т.д. К международным преступлениям относится, например, геноцид.

Термины «транснациональные преступления» и «транснациональная организованная преступная деятельность» пришли в российскую юриспруденцию из-за рубежа.

Для характеристики этого понятия в первую очередь следует обратиться к теории международного права. В работах советских ученых было принято распределять все деяния, охватываемые понятием международной преступности, на международные преступления и преступления международного характера. В отдельных случаях выделяли третью категорию — преступления с иностранным элементом. При этом вопрос об отнесении того или иного преступления к одной из групп решался неоднозначно. Кроме указанных терминов в теории международного права получили распространение термины «преступление против международного права», «преступление по общему международному праву», «преступления согласно международному праву».

Предпосылкой к определению этого явления как «транснациональные преступления» послужила работа Ф. Джессапа «Транснациональное право»

(1956 г.), в которой он определил транснациональное право как все право, которое регулирует действия или события, выходящие за рамки национальных границ [4]. Н. Бойстер позже дал определение транснациональному уголовному праву: косвенное подавление международным правом через внутреннее уголовное законодательство криминальной деятельности, которая имеет фактическое или потенциальное трансграничное влияние [5].

Применительно к преступлениям термин «транснациональный» был предложен в 1975 г. в американской криминологии и послужил отправной точкой обсуждения проблемы, связанной с транснациональной организованной преступностью на Всемирной конференции (Неаполь) в 1994 г. [6].

По мнению американских криминологов, под транснациональной организованной преступностью следует понимать осуществление незаконных действий преступными организациями. Подобные действия характеризуются такими признаками, как перемещение потоков информации, денежных средств, артефактов, людей, а также иных предметов, имеющих материальную и нематериальную природу, через государственные границы для того, чтобы использовать благоприятную рыночную обстановку в одном или нескольких иностранных государствах и получить при этом значительную экономическую выгоду, а также уклониться от контроля государства при помощи насилия и коррупции, воспользовавшись к тому же значительными различиями в системах уголовного правосудия разных стран.

В научной литературе в качестве синонимов используются три термина: «транснациональное преступление», «трансграничное преступление» и «преступление международного характера». Однако, на наш взгляд, данные определения выделяют разные стороны одного и того же явления. Дефекты их дефиниций можно объяснить рядом факторов:

- 1) сложностью и противоречивостью явлений общественной жизни, признаки которых необходимо выразить в форме дефиниции;

2) отсутствием единообразного подхода к выделению основных признаков общественных явлений и их юридического содержания;

3) закреплением в дефинициях второстепенных признаков; это обуславливает пробелы в формулировке дефиниции и языковую избыточность [8, с. 327-340].

В отечественной юридической литературе основаниями для отнесения того или иного преступления к категории транснациональных выступают:

1) общественная опасность деяния, его посягательство на международные отношения и международный правопорядок;

2) объект преступного посягательства;

3) наличие международной конвенции о борьбе с подобными деяниями, или включение специальных положений в международный договор более широкого назначения [7, с.12].

Исходя из анализа специальной литературы и законодательства, транснациональными преступлениями можно признать такие:

1) отдельные стадии и эпизоды которых совершены на территории различных государств;

2) последствия которых проявляются за пределами стран, в которых преступления были совершены;

3) представляющие опасность для внутренних интересов более чем одной страны.

Зарубежные исследователи выделяют следующие признаки транснациональных преступлений:

а) совершение в более чем одном государстве;

б) совершение в одном государстве, но основная часть подготовки, планирования, организации или контроля осуществляется в другом государстве;

в) совершение в одном государстве, но в рамках деятельности организованной преступной группы, которая вовлечена в преступную деятельность в более чем одном государстве;

г) совершение в одном государстве и возникновение существенных последствий в другом государстве [9].

Изучение практики расследования транснациональных преступлений показывает, что они, главным образом, совершаются организованными преступными формированиями различных организационных форм и направленности, которым присущи следующие характерные особенности.

1. Функционирование в условиях строгой дисциплины и высокого уровня конспирации, обеспечивающих устойчивость и сплоченность организованного преступного формирования.

2. Осуществление криминальной деятельности в виде промысла с криминальной специализацией по сферам деятельности.

3. Четкое разграничение функциональных обязанностей между членами организованного преступного формирования.

4. Связь с коррумпированными работниками органов государственной власти, таможни, пограничной службы, правоохранительных органов, финансовых учреждений РФ и государств, на территории которых осуществляется противоправная деятельность.

5. Связь с криминальными структурами стран, на территории которых осуществляется противоправная деятельность.

6. Создание структур внутренней безопасности и разведки.

7. Высокий уровень технической оснащенности.

8. Юридическое обеспечение криминальной деятельности с приданием ей видимости осуществляемой в рамках закона.

9. Стремление к расширению влияния и сфер деятельности.

10. Соккрытие доходов, полученных от криминальной деятельности за рубежом с дальнейшей их легализацией.

С учетом этого транснациональные преступления можно определить как охваченные единым преступным умыслом уголовно наказуемые деяния различной криминальной направленности, совершаемые в целях реализации преступных намерений на территории двух или более государств,

ответственность за которые предусмотрена национальным и международным правом.

Список использованной литературы:

1. Гасанов Э.Г. Уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией. Сборник статей. М., 2002.
2. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002.
3. Richards J.R. Transnational criminal organizations, cybercrime, and money laundering: a handbook for law enforcement officers, auditors, and financial investigators. CRC Press, 1999.
4. Phillip, C. Jessup. Transnational Law. Yale University Press, 1956.
5. Boister N. "Transnational Criminal Law"? // European Journal of International Law 14:953, 967-77.
6. Документ ООН – E/CONF. 88/3. 25 August 1994.
7. Карпец И.И. Преступления международного характера. 1999.
8. Смирнов Л.В. Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации: проблемы юридической техники // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблема. Мат-лы Междунар. Круглого стола (Черновцы 21-23 сентября 2006 года). Н. Новгород, 2007.
9. Encyclopedia of Law Enforcement. Thousand Oaks, 2005. Vol. 3. P. 1115-1116.

Т.Н. Шамонова

к.ю.н., доцент юридического факультета,
Международный университет в Москве

**НЕОБХОДИМО ЛИ УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТА
В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ**

Как известно из положений уголовно-процессуального закона (УПК РФ), следователь вправе «самостоятельно направлять ход расследования», т.е. принимать решение о производстве следственных и процессуальных действий (п.3 ч.2 ст.38 УПК). При этом субъекты доказывания могут привлекать к данным действиям экспертов и специалистов (ст.57, 58 УПК).

Чаще всего помощь следствию оказывают специалисты (эксперты по должности) соответствующих подразделений органов внутренних дел (ЭКП ОВД) в осмотре места происшествия. Такая практика сложилась давно, работа сведущих лиц в подобных осмотрах зарекомендовала себя как положительно влияющая на их результаты. Эту деятельность сотрудников экспертной службы ОВД регулируют ведомственные нормативные акты[1]. В других же случаях, о чем свидетельствует практика, участие сведущих лиц эпизодично, хотя потребность в специальных знаниях нередко возникает при иных осмотрах предметов преступного посягательства и его предполагаемых орудий, одежды подозреваемых и в освидетельствовании – специфическом осмотре тела человека, в обыске, допросе и прочих действиях.

Согласны с мнением Ю.К. Орлова о том, что «закон оставляет субъектам доказывания широкий простор для выбора тактических, технических и иных методов и приемов в конкретной ситуации по делу. Для этого выработаны соответствующие рекомендации, изучаемые криминалистикой» [6, с.7]. Так, в ходе названных процессуальных действий специалист может помогать следователю в поиске, выявлении, закреплении и изъятии следов и иных объектов преступления, отражать эту деятельность не только в протоколах, но и дополнительно сопровождая фиксацией различными способами: фотосъемка, аудио- и видеозапись, выполняя чертежи и т.п., профессионально владея указанными средствами.

На наш взгляд, особое значение для следствия в связи с исследуемым вопросом имеют допросы участников уголовного судопроизводства. К ним возможно привлечь эксперта и специалиста, хотя Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст.187-191) прямо не предусмотрел их участие в этом действии, а в ч.3 п.3 ст.57 указано лишь право эксперта с разрешения дознавателя либо следователя участвовать в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы (их участие в допросе не называл и УПК РСФСР 1960г.). Возможно, поэтому привлечение к производству допросов экспертов и специалистов крайне редко встречается.

Вместе с тем показания свидетелей (очевидцы), потерпевших (жертвы) подозреваемых (обвиняемых), составляя большую часть материалов - информационную основу уголовного дела, часто выступают прямыми доказательствами расследуемого события (ст.74.УПК). Однако зачастую у следователей и дознавателей преобладает неверное представление о данном следственном действии в том, что производство допросов будто бы самая несложная работа. Считаем, такое отношение вызвано недостатками в их вузовской и профессиональной подготовке, на что указывают факты поверхностного содержания показаний: только свободный рассказ, отсутствие тактических приемов, игнорирование помощи экспертов и специалистов, хотя их знания необходимы, в частности, при допросах, связанных с ознакомлением заинтересованных лиц с постановлениями о назначении экспертизы, заключениями экспертов об исследовании, и в случаях предъявления доказательств с использованием специальных знаний.

В подготовку рассматриваемого действия помимо уяснения предмета допроса, как представляется, должно входить тактическое решение о привлечении к нему обязательных и необходимых участников процесса, в частности, специалиста и эксперта (ч.5ст.164 общие правила производства следственных действий; ч.1 ст.189 УПК – правила проведения допроса), исходя из ситуации. Следователь свободен при выборе тактики допроса, а ч.2 ст.189 содержит лишь запрет «задавать наводящие вопросы...».

Говоря об установлении психологического контакта, В.И. Комиссаров верно замечает, что «Присутствие на допросе третьих лиц, не предусмотренных УПК, есть не только формальное нарушение норм права, но и нарушение по существу...выражается в неправомерном психическом давлении на допрашиваемых, в ущемлении их прав на защиту [4, с.52].

Разделяем и мнение авторов о том, что с тактической точки зрения, для доверительных отношений целесообразно ограничивать число участников допроса. Но, указывая привлекаемых по закону лиц: специалист, переводчик, защитник, педагог, психолог, законный представитель (некорректно называя

специалиста и психолога, и педагога отдельно, они все специалисты), авторы полагают: «может быть привлечен еще один следователь; должностное лицо органа, осуществляемого оперативно-розыскную деятельность» [7, с.161]. Считаем это заблуждением и рассматриваем, как неправомерное давление на допрашиваемых, должностных лиц следует привлекать к осмотру, обыску (обычно большой по размеру территории). Указанное, на наш взгляд, не относится к участию в допросе эксперта и специалиста, о чем поясним позже.

Установления УПК РФ значимы для практики. Так, из ч.4 ст.189 УПК следует, что «в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- (или) видеозапись, киносъемка» (средства и условия их применения должен отражать протокол: ч.4 ст.190 УПК). Как выше отмечалось, для этого возможно привлечение специалистов. С их помощью аудио-, видеозапись используется обычно при недостатке доказательств для закрепления показаний подозреваемых, нередко впоследствии изменяющих их или отрицающих свое признание. Об этом судим и по своему опыту. Известно также из практики, что часто к этим средствам следствие прибегает в допросе малолетних в силу особенностей их психики и речи или престарелых и больных, в т.ч. пострадавших от преступления (состояние их здоровья препятствует явке к следователю и в суд), лиц из других городов, стран и т.д.

В бесконфликтной ситуации допрос обычно не сложен, а трудности его проведения вызывает активное противодействие следствию подозреваемых и обвиняемых. Нередко, если они отбывали наказание, то уже представляют часто в негативном свете ход расследования. Для нейтрализации установки допрашиваемых на ложь криминалисты разработали много тактических приемов, приведем лишь некоторые из них: привлечение знаний и помощь эксперта, специалиста в допросе с предъявлением доказательств в определенной очередности, используемых в следственной тактике для получения правдивых показаний о совершенном преступлении и новых доказательств содеянного. Но до предъявления доказательств, как и иных приемов, считаем, что субъекту доказывания целесообразно сначала

выяснять у них наличие преступного опыта или специального образования и профессиональной подготовки, отношение к правоохранительным органам и др. Некое «отвлечение внимания» допрашиваемого от предмета допроса позволяет следствию полнее познать его личность. Поэтому цели допроса могут быть реализованы более полно, а результаты - эффективными.

Исходя из опыта расследования преступлений в сфере экономики, привлечение в тактических целях экспертов-бухгалтеров и экономистов к допросу подозреваемых, обвиняемых (и свидетелей) нередко давало положительный результат в выявлении преступных схем, способов злоупотреблений и хищений хозяйствующих субъектов, их соучастников. Несмотря на познания следователей в экономике, в исследуемых случаях эксперт (специалист) оперирует более глубокими и специфичными знаниями, а в силу своей нейтральной позиции может приобрести и доверие у допрашиваемых, тем самым способствуя авторитету следствия. Эти допросы осуществлялись, как правило, с предъявлением материалов о движении материальных ценностей, актов ревизий, инвентаризаций, справок криминалистов об исследовании документов, что укрепляло позиции следствия. Оттого мы вправе говорить не только о своеобразии тактических приемов, способе действий следователя с участием эксперта, специалиста, но и о совокупности приемов для достижения цели допроса.

В наши дни преступления в экономике имеют много составов, ранее неизвестных практике, вызывая особые затруднения следователей. Об этом подробно пишет А.А. Эксархопуло: «В том обилии нормативных актов..., которые необходимо знать при расследовании новых видов преступлений... ни один юрист в требуемом объеме разбираться не в состоянии». Называя налоговое, банковское, финансовое, гражданское право и т.д., считая их специальными, далекими от уголовного процесса, следствия и суда, он пришел к выводу: «научный анализ обстоятельств криминального события специалистами в области правовой науки на уровне исследования ...давали бы основания отдать предпочтение тому или иному варианту решения

возникающей в ходе расследования...проблемы». Исследования, полагает автор, уже имеет правовую основу, его результаты могут быть оформлены заключением специалиста (ст.74, 80 УПК) [11, с.852-854]. Не исключая, такое предложение в принципе, считаем, что нормы УПК 2003г. о заключении и показаниях специалиста требуют еще существенной доработки, что подробно ранее нами освещалось [9,с.112-117]. К тому же ч.4 ст.80 УПК не определяет содержание и порядок допроса специалиста, и, по мнению А.А. Сидорова (с ним согласны), без урегулирования в законе эти допросы неправомерны. Заслуживает внимания и позиция А.А. Эксархопуло о том, что устные консультации специалиста реализуются в его допросе следователем (как и на практике), а письменные - в заключении специалиста. Говоря об участии в допросе третьих лиц, он называет в их числе специалиста и эксперта, но не раскрывает содержание этого тезиса [8,с.654,604].

Примеры использования знаний сведущих лиц, их участия в допросе приводились нами в пособии ЭКЦ МВД России в 1995г. [10, с.25-50]. В его подготовке изучалась ставшая классикой литература о тактике следственных действий, в частности и допроса: работы А.Н. Васильева, Л.М. Карнеевой «Тактика допроса при расследовании преступлений» (М.,1970); И. Кертэса «Тактика и психологические основы допроса» (М.,1965) и др. авторов. На наш взгляд, несмотря на новые условия в нашей стране, рекомендации о предъявлении доказательств и документов в ходе допроса остаются актуальными; в УПК РФ 2001г. учтены в числе других и наши предложения об этом. Так, в ст.190 (Протокол допроса) и 192 (Очная ставка) закреплены положения о предъявлении вещественных доказательств и документов, оглашении протоколов других следственных действий и материалов аудио- и (или) видеозаписи и др. Таким образом, названные тактические приемы нашли свое отражение и в уголовно-процессуальном законе.

Допустимы ли в тактике такие приемы как привлечение эксперта или специалиста к допросу с предъявлением при этом доказательств? Полагаем, что допустимы, т.к. они не противоречат принципам, требованиям УПК РФ,

этичности, морали, а также и целесообразны. Использование же приемов, не отвечающих духу и букве закона, влечет исключение доказательств, а нецелесообразные приемы, хотя и не ведут к негативным последствиям, но вызывают излишние расходы средств, времени следствия, что неэффективно. Криминалисты называют в качестве приема и допустимость избирательности воздействия при допросе [3,с.93], если он направлен на лицо, обладающее интересующей следствие информацией, а не на иных лиц. Так, приводят пример показа подозреваемому обуви, сходной с изъятой, т.е. доказательством. Подобный психологический прием демонстрации объектов, воспринимаемых лицом, как значимых для дела, указывают и другие ученые. Ссылаясь на пробелы в системе доказательств, они считают, что этот прием, восполняя их, не позволяет допрашиваемому догадаться, что доказательств по делу недостаточно [12, с.74]. Считаем, такие приемы не противоречат критерию допустимости и возможны с участием сведущих лиц.

Некоторые ученые выдвигают такие требования к приемам: они не должны ограничивать свободу лица в возможности выбора им линии поведения на допросе; должны быть логичными, эффективными, т.е. "срабатывать" на достижение определенной цели, обеспечивая активность следователя [1, с. 579]. С этой позицией трудно не согласиться.

В настоящее время многие рекомендации прошлых лет нуждаются в упорядочении и систематизации, дополнении с учетом изменений, как в структуре преступности (новые составы) и ее организованных форм, так и в деятельности следственных аппаратов и экспертных служб. Прежде всего, дополнения касаются, на наш взгляд, преступлений в сфере компьютерной информации (ст.272-274 УК РФ), требующих более широкого участия специалистов данной области в допросах подозреваемых и свидетелей. Так, допросы лиц, дающих ложные показания, использующих специфические навыки и познания в исследуемой сфере, и терминологию, зачастую недоступные для юристов, не дадут желаемых результатов, если субъекты

расследования не прибегнут к помощи экспертов и специалистов. Их участие необходимо и в большинстве других следственных действий [5, с. 218].

Учебники криминалистики не в состоянии сегодня дать представление обо всем спектре приемов, существующих в следственной тактике, не могут показать и примеры их применения в конкретных ситуациях расследования в виду ограниченного объема их материалов. Поэтому задача преподавателей, используя учебные пособия и другие специальные источники, восполнить этот пробел на практических занятиях со студентами.

Список используемой литературы:

1. Приказ МВД РФ от 11.01.2009 №7 Приложение: Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2010.
3. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие. – М., 2009
4. Комиссаров В.И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. – Саратов, 1980.
5. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации. – М., 1998.
6. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. - М., 2003.
7. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебник. - М., 2009.
8. Сидоров А.А. Проблемы организации участия специалистов в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2000;
9. Шамонова Т.Н. Участие специалистов в проверке сообщений о преступлении: Крим. средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений //Матер. У-й Межд. науч.-практ. конфер. по криминалистике и судебной экспертизе. – М.:ЭКЦ МВД РФ, 2011.
10. Шамонова Т.Н. Взаимодействие следователя и эксперта-криминалиста при производстве следственных действий: учебное пособие /ред. зам. министра МВД РФ, нач. Следственного комитета И.Н. Кожевникова. – М., 1995. Гл.2.
11. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник. – СПб, 2009.
12. Якушин С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. – Казань, 1983.

к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ИННОВАЦИОННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ КОРРЕКТИРОВОК РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прежней практике деятельности российского законодателя не было свойственно установление уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период второй мировой войны. Впрочем, не было свойственно введение уголовной ответственности и за посягательство на историческую память о событиях, произошедших во время первой мировой войны. Хотя число человеческих жертв с российской стороны в первой мировой войне значительно меньше, чем за период второй мировой войны, тем не менее, оно является, несомненно, значительным. Сбрасывать со счетов истории число жертв первой мировой войны со стороны России исключительно по причине нежелания Российской Федерации стать правопреемником Российской Империи, на наш взгляд, не может сегодня считаться продуктивным. Значительное число граждан сегодняшней РФ имело предков (родственников), являвшихся подданными Российской Империи. Заслуживает в данном отношении поддержки проект Федерального закона РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», который был подготовлен ФМС России. В силу целого ряда объективных и субъективных причин указанный законопроект не был до сегодняшнего дня внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Хотя его текст (по состоянию на 13.06.2013) имеется в свободном доступе в базе данных некоммерческой интернет-версии системы «КонсультантПлюс» [1, с. 1]. Авторы этого проекта федерального закона предлагают уравнивать в правах на получение российского гражданства лиц,

которые «прежде имели гражданство СССР, РСФСР, Российской Республики, подданство Российской империи, либо имеют (имели) родственников по прямой восходящей линии, относящихся к этим категориям лиц» [1, с. 2]. Такое предложение авторов проекта закона можно считать своевременным и актуальным для совершенствования действующего российского национального законодательства. Потенциально возможное внесение данного законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания РФ можно считать целесообразным примером практической реализации Правительством РФ (или – иным субъектом (органом), обладающим законодательной инициативой) такого права, предусмотренного в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ.

Заслуживает одобрения наличие в размещенном в свободном доступе во всемирной сети Интернет «Памятке для желающих получить российское гражданство», разработанной и размещенной сотрудниками структур ФМС РФ, фактическая реализация на практике уравнивания прав подданных Российской империи с гражданами СССР и иными лицами [2, с. 1].

Отдельного пристального научного исследования требует термин (понятие) «Российское государство», использованное авторами Федерального закона от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Авторы текста данного Федерального закона указали в его преамбуле, что: «Российская Федерация - есть правопреемник и правопродолжатель Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)» [3, с.1]. Вполне возможно, для правильного понимания содержания термина «Российское государство», использованного в тексте преамбулы Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» отечественному законодателю потребуется каким-либо образом прокомментировать его. Примечательным в

этом отношении для перспективного анализа понятия видится и работа Н.М.Карамзина «История государства Российского» [4, с. 2]. Очевидным остается факт использования данного понятия и до 1917 года. Остается вероятность и комментирования Конституционным Судом РФ данного термина. Соответствующую инициативу вполне могли бы внести должностные лица, обладающие по закону этим правом.

Не была установлена уголовная ответственность за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период второй мировой войны и в период длительной деятельности союзного (имеется в виду – советского) законодателя. Теперь, с введением ее Федеральным законом от 05.05.2014 N 128-ФЗ [5, с. 2], в действующем УК РФ появилась статья 354.1, носящая название «Реабилитация нацизма». В части первой данной статьи установлена уголовная ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично» [6, с. 1]. В части 2 статьи 354.1 УК РФ теперь установлена уголовная ответственность уже за квалифицированное деяние: «те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения» [6, с.1]. И часть 3 статьи 354.1 УК РФ установила норму об уголовной ответственности за совершение следующего деяния: «Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично»[6, с. 1].

В то же время в современной Российской Федерации в УК РФ отсутствует какое-либо упоминание об уголовной ответственности за

отрицание Холокоста. Во многих государствах мира на протяжении весьма значительного периода времени существуют, положения, гласящие о возможности наступления уголовной ответственности за отрицание Холокоста. Это, в частности: Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Чехия, Франция, Германия, Венгрия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Испания, Швейцария. Израиль. В Австрии запрет отрицания Холокоста криминализирован в Федеральном законе о запрещении деятельности национал-социализма [7, с. 1]. Например, в городе Вена в феврале 2006 года британский историк Дэвид Ирвинг (David John Cawdell Irving) был приговорен за отрицание Холокоста к 3 годам лишения свободы по указанному выше Федеральному закону Австрии [8, с. 1].

Судьи Европейского Суда по правам человека в своем решении от 24 июня 2003 г. по делу №65831/01 по жалобе Р.Гароди (R.Garaudy) против Франции отметили, что отрицание или минимизацию Холокоста следует рассматривать в качестве одного из наиболее острых форм расовой клеветы и стимулов к ненависти по отношению к евреям. Отрицание или пересмотр исторических фактов этого типа ставят под сомнение ценности, которые включают борьбу против расизма и антисемитизма и, скорее всего, серьезно причиняют беспокойство правопорядку. Подобные посягательства на права других лиц такого рода не являются совместимыми с демократией и правами человека, у их авторов, бесспорно, имеются цели, запрещенные статьей 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9, с. 6], [10, с. 3].

Примечательно, что в доступных публикациях на русском языке текста Международного военного трибунала, вынесенного в Нюрнберге 1 ноября 1946 года, отсутствует само упоминание термина «холокост». [11, с. 1]. Данный термин не удалось обнаружить и в доступных для изучения текстах приговора Токийского международного военного трибунала для Дальнего Востока в отношении Тодзио, Хиранума, Хирота, Койсо и других (проходившего с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 года) [12, с.1].

Список использованной литературы:

1. Проект Федерального закона РФ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации», подготовленный ФМС России. (Не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ). (Законопроект по состоянию на 13.06.2013). Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия [Сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=107254;dst=0;ts=B80A44FC E302F8643A1AA9A5E726C7E7;rnd=0.680818444860506> (дата обращения: 27.09.2014).
2. Б.а. «Памятка для желающих получить российское гражданство» // Цит. по: Федеральная миграционная служба. Официальный сайт ФМС РФ [Сайт]. URL: http://www.fms.gov.ru/foreign_national/novisas/files_ukr/7.pdf (дата обращения: 27.09.2014).
3. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // "Российская газета", N 103, 01.06.1999. Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150465/ (дата обращения: 27.09.2014).
4. Карамзин Н.М. «История государства Российского» // Цит. по: Куличкинская энциклопедия [Сайт]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/karahist.htm> (дата обращения).
5. Федеральный закон от 05.05.2014 N 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 12.05.2014, N 19, ст. 2333. Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия [Сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162575;fld=134;dst=100009;rnd=0.07328760187255834> (дата обращения: 20.09.2014).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954. Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия [Сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162812;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.37009602508200223;from=157147-6675> (дата обращения: 20.09.2014).
7. Федеральный закон Австрии о запрещении деятельности национал-социализма (пер. с нем.- авт.- С.Ш.) // Verbotsgesetz 1947// BGBl. 148/1992// (Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Verbotsgesetz 1947, Fassung vom 20.09.2014). Государственная канцелярия (Bundeskanzleramt Österreich) [Сайт]: URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=1000207> (дата обращения: 20.09.2014).
8. Рафаэль Коэн-Альмагор (Raphael Cohen Almagor). Отрицание Холокоста является одной из форм пропаганды ненависти (пер. с англ. – авт. – С.Ш.) (Holocaust denial is a form of hate speech) // Амстердамский правовой форум университета Амстердама (The Amsterdam Law Forum University Amsterdam).[Сайт:] <http://amsterdamlawforum.org/article/view/105/188> (дата обращения: 20.09.2014).
9. Б.а. Информационно-тематический листок «О ненависти» // Цит. по: Европейский Суд по правам человека [Сайт:] URL: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Hate_speech_RUS.pdf (дата обращения: 27.09.2014).
10. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // "Собрание законодательства РФ", 08.01.2001, N 2, ст. 163. Цит. по: КонсультантПлюс.

Некоммерческая интернет-версия [Сайт]. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30222/ (дата обращения: 27.09.2014).

11. Приговор Международного военного трибунала от 1 ноября 1946 г., вынесенный в Нюрнберге по делу по обвинению Г.В.Геринга, Р.Гесса, И.Ф.Риббентропа и др. // Историк.ру [Сайт:] URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (дата обращения: 20.09.2014).

12. Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Прим.: пер. с англ. – авт.: С.Ш.) (International military Tribunal for the Far East).- Kohusho-Rfkokai, Inc.- Tokyo, 1999. Цит. по: Юстиция: Интернет-библиотека по современной японской истории (Прим.: пер. с англ. - авт. – СШ.) (Justice. Web Library of Modern Japan History) http://www.sdh-fact.com/CL02_1/65_S4.pdf (дата обращения: 20.09.2014).

Л.Г. Юрина

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы,
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЕЛ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

Статья 6 УПК РФ, указывая на назначение уголовного судопроизводства, ставит на первое место защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Это не просто законодательная конструкция, это смысл уголовного процесса. Ведь именно с незаконных действий в отношении этого участника начинается уголовный процесс, именно к его чаяниям и бедам должен прислушаться законодатель и именно его интересы, в первую очередь, он должен защищать. Мы говорим должен, но на самом деле долгие годы складывалась ситуация, при которой вперед выдвигались интересы обвиняемого и не только при осуществлении практической деятельности следователем, прокурором и судом. Анализируя нормы уголовно-процессуального закона, можно заметить, что закон намного больше внимания уделяет защите прав преступника, забывая, о том, что в большинстве случаев он сам поставил себя в такую ситуацию, чем защите прав

потерпевшего. К потерпевшему всегда, а в последнее время особенно, относились как к объекту исследования. Он интересен как источник информации о преступлении. И как только эта информация оказывается в руках должностных лиц, интерес к этому участнику процесса пропадает. Да и сам закон немало этому способствует. Не будем разбирать все нормы УПК РФ, указывающие на второстепенность, с точки зрения закона, защиты интересов потерпевшего, остановимся только на некоторых. В соответствии со ст.ст. 42 и 47 УПК РФ потерпевший и обвиняемый имеют право знакомиться с материалами уголовного дела по окончании расследования. Но, интересно понаблюдать, как законодатель определяет деятельность участников процесса и, прежде всего лица, ведущего расследования, в период окончания производства по уголовному делу.

В соответствии со ст. 216 УПК РФ потерпевший, оказывается, вправе ходатайствовать об ознакомлении с материалами уголовного дела. Но разрешение ходатайств, по закону, может заканчиваться и отказом в их удовлетворении. Хорошо, что практика идет по пути обязательного предоставления потерпевшему для ознакомления материалов уголовного дела, в случае, если тот заявляет о своем желании с ними ознакомиться.

Что касается обвиняемого, то мы наблюдаем совершенно другую ситуацию. Ст. 217 УПК РФ начинается словами: «следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела». Сама формулировка указанной нормы не предусматривает выбора ни для следователя, ни для обвиняемого, правда, последний может не осуществить своего права на ознакомление с материалами дела, но следователь обязан ему их предоставить.

Описанный случай несоответствия отношения к правам потерпевшего и обвиняемого в уголовном процессе не является единичным. И все же надо отметить, что в последнее время законодатель все чаще обращает внимание на защиту интересов потерпевшего. Прежде всего, надо отметить появление в Российском законодательстве системы норм, обеспечивающих безопасность потерпевших и свидетелей. К ним следует отнести: Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных

участников уголовного судопроизводства» и 3 государственные программы «Обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на 2006-2008 годы, на 2009-2013 годы и на 2014-2018 годы (Далее, Программы). Государственные программы мало чем отличаются друг от друга, но они позволяют обеспечить выполнение положений Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Выделяемые под эти Программы деньги, а они не малые (объем финансирования обеспечения реализации Программы на 2014-2018 годы за счет средств федерального бюджета составил 1405,55 млн. рублей [1]) позволяют не на словах, а на деле защитить потерпевших и свидетелей и обеспечить личную безопасность этих участников процесса. Однако, мы считаем, что практическая реализация положений Программ «пробуксовывает» и подтверждением тому является статистика указывающая на то, что более 2,5 млн. свидетелей и потерпевших по тем или иным причинам меняют показания, а число погибших свидетелей преступления из года в год практически не меняется.[2]

До настоящего времени отсутствует четкий механизм реализации отдельных видов защиты потерпевших и свидетелей (например, при переселении на другое место жительства, изменении внешности). При применении каких бы то ни было мер защиты, предусмотренных Федеральным законом "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" меняется не только круг общения, но и в целом образ жизни человека. На законодательном уровне должны решаться вопросы трудоустройства таких лиц, социальных гарантий, наследственных прав и многие другие. Пока эти вопросы не разрешены.

Хочется особо остановиться на последних изменениях, относящихся к защите прав потерпевшего, внесенных законодателем в УПК РФ. Это - Федеральный закон от N 221-ФЗ "О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", принятый 23 июля 2013 года (Далее, ФЗ № 221) и Федеральный закон № 432-ФЗ "О внесении изменений в отдельные

законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве", принятый 28 декабря 2013 г. (Далее, ФЗ № 432).

Положения, закрепленные в введенных этими законами нормах, не являются бесспорными. Так, ФЗ № 221 в УПК РФ в ст. 399 введена ч. 2.1, предоставляющая потерпевшему, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, участвовать в судебном заседании непосредственно или посредством видеоконференц-связи. Хорошее предложение, но кто бы еще выделил деньги на установку аппаратуры для осуществления видеоконференц-связи в судах районного звена, где рассматривается подавляющее большинство уголовных дел и в колониях, где проходят заседания суда по разрешению такого рода вопросов. Справедливости ради, надо сказать, что даже суды субъекта федерации в отдельных регионах нашей страны такой аппаратуры не имеют.

Другой немало важный вопрос: «Где найти потерпевшего?» для обеспечения его прав, предусмотренных ч.2.1 ст. 399 УПК РФ. Сведения о нем могут содержаться в материалах уголовного дела, но они не всегда могут отражать реальное место пребывания потерпевшего. Такую же проблемы поставил перед правоприменителем законодатель, предоставив ФЗ № 432, потерпевшему право знать о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, сроках освобождении осужденного и т.п. Проблема выявилась сразу после принятия ФЗ № 221 и обозначилась в виде невозможности принятия судом решения об условно-досрочном освобождении осужденного в связи с отсутствием достоверных данных о месте пребывания потерпевшего. То есть, сложилась ситуация при которой защита прав потерпевшего влечет ограничение прав осужденного.

Согласно Постановлению КС РФ от 18 марта 2014 года № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области», часть 2.1 статьи 399 УПК РФ соответствует Конституции Российской Федерации в той мере, в какой установленный ею институт участия потерпевшего, его

законного представителя и (или) представителя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания не обуславливает разрешение судом данного вопроса по существу позицией потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя, и, в тоже время, часть 2.1 статьи 399 УПК РФ не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 50 (часть 3), в той мере, в какой она, предполагая в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания, в силу неопределенности механизма такого уведомления препятствует своевременному разрешению судом данного вопроса по существу.

Не вдаваясь в дискуссию относительно целесообразности предоставления потерпевшему права решать вопрос о полном исправлении осужденного и готовности его стать полноценным членом нашего общества, остановимся на проблемах предоставления ему реальной возможности участия в решении вопроса об условно-досрочном освобождении. И самой главной из них, как говорилось выше, является проблема установления места нахождения потерпевшего на момент обращения осужденного с соответствующим ходатайством.

Данные о потерпевшем (его фамилия, имя и отчество, год и место рождения, место работы, жительства и др.) содержаться в протоколах следственных действий и протоколе судебного заседания, т.е. в материалах уголовного дела, которые находятся в суде, рассмотревшем дело по существу. В соответствии с ч.2 ст. 393 УПК РФ в учреждение, на которое возложено исполнение наказания, судья или председатель суда направляют копию обвинительного приговора и копии решений судов вышестоящих судебных инстанций, в случае изменения ими приговора суда первой инстанции. Ни один из этих документов не содержит полных сведений о потерпевшем, его законном представителе и (или) представителе, которые

необходимы для установления места нахождения человека, в случае изменения им места жительства. Это происходит из-за того, что УПК РФ не устанавливает строгих требований на этот счет. Так, в п. 3 ст. 304 УПК РФ содержатся требования на указания во вводной части приговора сведений о потерпевшем и его представителе, но, по сравнению с требованиями Закона об указании сведений о подсудимом (п.4 - фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела), этот посыл законодателя выглядит очень неуверенно. Вероятно поэтому, в приговорах судов первой инстанции сведения о потерпевшем ограничиваются указанием фамилии, имени и отчества потерпевшего и его представителя. В других нормах УПК РФ, регламентирующих содержание апелляционных, кассационных и надзорных решений (ст.ст. 389.20, 401.11, 412.8) требований на указание сведений о потерпевших не содержится. В связи с этим возникают проблемы с реализацией положений ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ. Выход мы видим в изменении действующего уголовно-процессуального законодательства. А именно, предлагаем внести следующие изменения:

1) дополнить ст. 304 УПК РФ пунктом 3.1 следующего содержания: «фамилия, имя и отчество потерпевшего, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности потерпевшего, имеющие значение для уголовного дела»;

2) изложить ч. 3 ст. 309 УПК РФ в следующей редакции: «в резолютивной части приговора должно также содержаться разъяснение о порядке и сроках его обжалования в соответствии с требованиями главы 45.1 настоящего Кодекса, о праве осужденного и оправданного ходатайствовать об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, разъяснить потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю порядок предоставления сведений об изменении их места жительства и других данных, имеющих значение

для уголовного дела»;

3) дополнить ст. 399 УПК РФ пунктом 4.1 следующего содержания: «в случае изменения данных о месте жительства или нахождения потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя сведения незамедлительно сообщать в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания».

Список использованной литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 N 586 "Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы" //СПС КонсультантПлюс, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149466/ 1992-2014, дата обращения 23.04.2014г.

2. Смолин А. Защитой свидетелей займется особое подразделение. 24.06.2009. Интернет-ресурс: URL: <http://www.pravo.ru>, дата обращения 20.04.2014г.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Предварительное расследование представляет собой форму досудебного производства по уголовным делам. Расследование по уголовному делу осуществляется в форме предварительного следствия или дознания[1, п.1 ст. 150].

С 7 сентября 2007 г. система российских правоохранительных органов принципиально изменилась, так как в рамках данной реформы было создано новое самостоятельное ведомство — Следственный комитет при Прокуратуре РФ (указом президента РФ от 28.09.2010 г. №1182 «Вопросы следственного комитета РФ»). С 15 января 2011 г. он отделился от прокуратуры и стал независимым подразделением. В результате изменились полномочия прокуратуры в отношении предварительного следствия, а именно: Следственный комитет РФ сосредоточился на расследовании уголовных дел, а прокуратура оставила за собой надзорные функции [2, с. 201].

Необходимость проведения данных реформ назревала уже давно. В Концепции судебной реформы 1991 г. отмечалось, что «соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним же способно вызвать опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [3]. Так, многие ученые отмечают, что производя следственные действия, осуществляя поддержку обвинения в суде и надзирая за соблюдением законности, прокуратура становится аномальной сверхструктурой, ведь одно и то же ведомство не может вести одновременно и следствие, и надзор за ним! Разрешило эту проблему «создание единого

следственного аппарата, отделенного, как от прокуратуры, так и от других правоохранительных структур»[2, с.202].

Первым шагом по реализации данной Концепции явилось появление нового следственного органа, который должен был осуществлять полномочия в сфере уголовного судопроизводства в соответствии с ФЗ «О следственном комитете РФ» (от 28 декабря 2010 года).

Итак, Следственный комитет РФ - единая федеральная централизованная система следственных органов и учреждений, которая действует на основе подчинения нижестоящих руководителей вышестоящим. Руководство деятельностью осуществляет Председатель, который назначается Президентом РФ.

Следователи этого органа призваны осуществлять оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, действуют гласно, независимы.

Так, они обеспечивают законность при возбуждении уголовных дел, производстве предварительного расследования, защищают права и свободы человека и гражданина; расследуют тяжкие и особо тяжкие преступления, самые сложные дела полиции, ФСБ и ФСКН; осуществляют международное сотрудничество[4].

Основную же часть прежних полномочий прокурора отныне осуществляет руководитель следственного органа. Он уполномочен: поручать производство следователю, изымать уголовное дело у него и передавать его другому следователю; проверять материалы сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя или нижестоящего руководителя следственного органа; давать следователю указания и в случае каких-либо недочетов возвращать ему его дело. Также руководитель дает согласие на возбуждение перед судом ходатайства о мерах пресечения либо о производстве иного процессуального действия; может лично допрашивать

подозреваемого и обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству.

Кроме того, он правомочен продлевать срок предварительного расследования; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; и самое важное - давать согласие следователю на обжалование решения прокурора ст. 39 УПК.

Полномочия прокурора также заметно уменьшились. Он остался лишь правомочен проверять исполнение требований федерального закона при расследовании преступлений, а в случае нарушений требовать их устранения, вынося мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; требовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом. Прокурор изымает любое уголовное дело у органа дознания и передает его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, а также утверждает постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу, обвинительное заключение, акт или постановление по уголовному делу; возвращает уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями; прекращает уголовное дело ст. 37 УПК.

Так, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе не позднее 24 часов с момента получения материалов отменить его ст. 146 УПК. А если он признает отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, то он в течении 5 суток с момента получения материалов проверки может отменить это постановление, о чем выносит мотивированное постановление, которое

вместе с указанными материалами уголовного дела направляет руководителю следственного органа ч. 6 ст. 148 УПК. В случае его несогласия прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений либо к руководителю вышестоящего следственного органа, либо к Председателю Следственного комитета Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти, либо к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным.

Таким образом, чтобы отменить незаконные постановления следователя, прокурору нужно сначала обратиться к руководителю следственного органа с требованием об отмене такого постановления, а он, в свою очередь, может согласиться с прокурором, а может вынести мотивированное решение об отказе.

Что касается следователей, то влияние для них самого же руководителя велико. Свои полномочия прокурор осуществляет в основном только по отношению к дознавателю. Следователем управляет руководитель следственного органа, за которым тот закреплен. Также если раньше следователь мог обжаловать указание прокурора вышестоящему прокурору без чьего-либо согласия, то теперь обжалование решений прокурора следователь может осуществить лишь с согласия своего руководителя. Конечно, это ставит под вопрос независимость следователей и невозможность полного контроля прокуратуры за следствием. Но, безусловно, то, что данный орган отделен от других правоохранительных структур, является положительным шагом на пути самого реформирования системы правоохранительных органов. Данный тезис может проиллюстрировать следующий пример.

На сайте Следственного комитета РФ 24 апреля 2014 г. была опубликована новость: благодаря собранным материалам дела удалось вынести обвинительный вердикт в отношении членов преступного сообщества, специализирующегося на обороте наркотических веществ.

Возглавлял ее сотрудник милиции, старший оперуполномоченный районного УВД Санкт-Петербурга, который в декабре 2009 г. создал данное преступное сообщество. Оно имело высокую степень организованности, сплоченности, а также устойчивые связи с коррумпированными сотрудниками УВД. Так, по 2011 год этой группой было совершено 10 особо тяжких преступлений с оборотом наркотических средств. Поэтому если бы этим делом занимался то же самое УВД, то данное преступное сообщество не раскрыли, преступники оставались безнаказанными, в обществе царил произвол, и росла преступность. Кроме того, члены данного сообщества склоняли бы в свою деятельность как можно больше людей и, распространяя наркотики и другие психотропные вещества, губили бы население[5].

Таким образом, подытожив вышесказанное, можно сказать, что появление Следственного комитета, по нашему мнению, будет способствовать эффективному независимому расследованию дел, позволит обеспечить структуру едиными целями и задачами по расследованию преступлений, повысит качественные показатели расследований преступлений и работоспособность следователей путем разделения полномочий по расследованию дел среди правоохранительных органов.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ по состоянию на 25.01.2014.
2. Иванюшко Д.В. «Актуальные проблемы взаимоотношений прокуратуры РФ и следственного комитета РФ». Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3.
3. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».
4. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ "О Следственном комитете Российской Федерации"//Система ГАРАНТ[электронный ресурс][URL]: http://base.garant.ru/12181539/1/#block_1#ixzz306dporJQ. (дата обращения: 23.04.2014).
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ "О Следственном комитете Российской Федерации"//Система ГАРАНТ [электронный ресурс] [URL]: http://base.garant.ru/12181539/1/#block_1#ixzz306dporJQ. (дата обращения: 23.04.2014).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ 1864-1917 ГОДОВ

Институт присяжных заседателей был учреждён положениями Судебных уставов 1864 г. Законодатель тем самым сделал возможным переход судебного процесса из инквизиционного в состязательный. Создание адвокатуры, которую представляли передовые юристы того времени, оказалось большей проблемой для царизма, чем того ожидал Александр II.

Польский философ Ежи Лец метко выразился однажды: «Как лучше всего судить о государстве? На основании его судебной системы» [5, с. 46]. Введя в судебную систему институт адвокатуры, царизм тем самым позволил гражданам легально противостоять инквизиционному аппарату государства. Мелкие политические процессы [8, с. 229-236], проходившие вплоть до «нечаевского процесса», убеждали государство в том, что учреждённая адвокатура – не более чем фикция, видимость, косметическая либеральная поблажка, не влекущая никакого реального пересмотра соотношения сил и ситуации, никак не угрожающая монополии власти на отпущение «правосудия».

В действительности же адвокатура стала относительно мощным оплотом противостояния власти, оплотом справедливости и передовых взглядов. Стоит отметить между тем, что адвокатура, являясь оплотом также и оппозиционных взглядов по отношению к государству, между тем не являлась средоточением радикалов и революционеров; адвокаты, выступая на политических процессах, не имели целью выгородить подзащитных любой ценой – в первую очередь, они ратовали за правду и справедливость. «Бороться за право» - таков был лозунг адвокатов: в первую очередь, они стремились обязать само государство следовать изданным законам.

Процессов, на которых участвовали адвокаты, множество, однако глупо будет отрицать, что наиболее значимыми из них были процессы политические. Как человека принято судить по его поступкам, так и деятельность адвокатуры того времени видится разумным характеризовать на основе наиболее ярких дел, ею ведомых.

Стоит отметить, что изначально адвокатура не пользовалась популярностью у общественности, адвокатов рассматривали как «торговцев словом» [8, с. 187-190], а не поборников справедливости. Царизм, имея в виду сложившуюся ситуацию, последовательно проводил политику дискредитации адвокатов и планомерного наступления на независимость сословия [8, с. 157-167]. Решающим этапом должен был стать т.н. «нечаевский процесс» - первый крупный политический процесс, проводившийся в условиях открытости и гласности [8, 236-237]. Как полагали монархисты, он должен был окончательно дискредитировать не только адвокатуру, но и российское протестное движение вообще [9, с.].

Процесс – первый крупный гласный процесс по делам революционеров – обещал быть чрезвычайно масштабным. О том говорило и количество подсудимых (79 человек, среди которых 8 женщин) [9, с. 6], и то, что защиту представляли светила присяжных поверенных – Спасович, Урусов, Арсеньев, Стасов и другие, всего 23 адвоката [9, с. 6]. Процесс длился два с половиной месяца, и всякое заседание собирало полный зал и коридор, людям случалось толпиться даже на улице [9, с. 9]. Процесс широко освещался прессой, стенограммы публиковали «Московские ведомости» [9, с. 21].

У стороны обвинения были на руках серьёзные доводы – убийство И.И. Иванова Нечаевым и его пособниками, одиозный «Катехизис революционера», нечаевское поддельное удостоверение Интернационала. Царизм, прежде не промахнувшийся ни в одном политическом процессе, не уделил пристального внимания подготовке процесса: здесь не было ни прокуроров-палачей вроде В.С. Стрельникова Н.В. Муравьева или С.С. Жихарева, ни стеснения защиты в её правах, как то имело место быть, к

примеру, вобуховском процессе 1901 года [2, с. 334-235]. Судьи, по материалам дела, держались корректно и порядочно, ведя процесс по уставу 1864 года, как то имело место быть в процессе над Верой Засулич позднее [6, с. 28]. Прокуроры же – Любимов и ставший известным позднее Александров были образцовыми прокурорами, какими их видели отцы судебных уставов – слугами одного только бога – закона. Любимова Кони характеризовал как «настоящего прокурора судебной палаты», «не искавшего случая отличиться в глазах власть предержащих» [9, с. 10]; о личности и качествах же Александрова может сказать сама его биография [6, с. 22-35;].

Сторона защиты последовательно представила три линии обороны. Основные положения первой – юридический разбор и опровержение обвинительного акта – представлял Урусов. Во-первых, он перевел дело из разряда уголовных в политическое, чья безнравственность, по его же словам, «далеко не всегда так проста и очевидна, как в делах уголовных», куда людей приводит «увлечение зачастую благими мыслями». Во-вторых, Урусовот вернул попытку обвинения распространить уголовный компонент дела – убийство Иванова, в котором действительно были замешан Нечаев и четверо его подручных, – на всех нечаевцев вообще. В-третьих, была доказана неправомерность инкриминации «заговора» нечаевцем, т.к. сами нечаевцы зачастую не имели единого плана и мысли (пункт первый соответствующей статьи), а о подготовке какого-либо восстания (пункт второй) речи и вовсе не было, в силу чего дело необходимо было квалифицировать как создание тайного общества по ст. 318 с наказанием в виде ссылки или тюрьмы, но никак не смертной казни. В-четвёртых, были разоблачены юридические натяжки обвинения в части приобщения к делу революционных текстов в виде улики (Урусов потребовал прокурора доказать, что таковые можно считать уликою, чего последний сделать не смог), чтения прокламаций (в частности, Стасов провёл параллель между прокламацией и любым другим текстом, говоря о том, что сам факт чтения ещё не предполагает того, что подсудимые были согласны с прочитанным, иллюзорности параллели между

нечаевским и карамазовским «заговором» (Соколовский требовал строить обвинительные уподобления на фактах, а не духе: иначе по духу можно было связать нечаевцев и с декабристами) [9, с. 18].

Основные положения второй линии защиты – умаление значимости, и, как следствие, опасности для государства, революционных сил – представлял Спасович. Он признавал, что в российском «политическом климате» любой думающий молодой человек сделается социалистом, однако сам этот «русский социализм» сравнивал с летней мошкаррой: «Вам случилось, господа судьи, живать в деревне в мае и в июне, когда являются комары бесчисленными толпами; они неприятны; но чтобы вы сказали тому, кто задумал бы их истреблять целыми массами в известной местности: истребишь одного, являются тысячи других. Но ведь всякому также известно, что придет июль, и все комары пропадут сами собой, потому что изменятся климатические условия. И вот я думаю, что по политическому календарю России был май в начале шестидесятых годов, что в настоящее время мы переживаем июнь и что, даст Бог, мы доживем и до июля» [7, с. 432].

И, наконец, третья линия защиты строилась на раскрытии нравственного облика подсудимых и развенчании образа безнравственных маргиналов, отмежевании личности Нечаева от остальных. Тот же Спасович отделял нечаевцев от самого Нечаева, которого видел не иначе как «моровой язвой», а его «Катехизис» называл «всеобщим кавардаком, преставлением света». Нечаевцы, по его словам, шли с Нечаевым постольку, поскольку не знали о его мистификациях и безнравственности, а сам «Катехизис» не имели возможности прочитать [7, с. 241-242; 7, с. 418, 423].

Широкое освещение прессой и публичность дела позволили сделать зал заседания трибуной, где с одной стороны, вскрылась одиозность нечаевщины – методов деятельности самого Нечаева, – но с другой, прозвучали идеи коренного преобразования России, привлекая общественные симпатии.

Суд, приняв во внимание аргументы и защиты, и обвинения, вынес приговор: из 78 подсудимых (один из подсудимых, Старицын, умер) 42 оправданы, 28 приговорены к заключению в тюрьме от года до 4 месяцев, двое отправлены в смирительный дом, двое – в Сибирь и четверо невольных пособников убийства Иванова – к каторге от 7 до 15 лет [8, с.244]. Это была победа адвокатуры, победа, прозвучавшая на всю страну. Несомненно, царизм не мог смириться с этим.

Начались последовательные гонения на адвокатов: за ними устанавливали слежку, их арестовывали, обыскивали, урезали их права как субъектов разбирательства на суде и как сословия вообще [8, с. 157-186]; однако сама по себе история этих преследований – вопрос отдельного исследования и в рамках общего обзора имеет смысл этот вопрос тронуть поверхностно. Подводя итог противостояния власти и адвокатуры, можно перейти к процессам начала двадцатого века, которые вполне наглядно отражают положение дел.

Как пример, можно рассмотреть дело о политической демонстрации 5 мая 1902 г. в Саратове. Первая в истории города, она была организована эсерами и социал-демократами в протест казни Степана Балмашева, что состоялась двумя днями ранее [2, с. 342]. Суду были переданы 15 человек, в том числе П.И. Воеводин (в дальнейшем – видный деятель ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, член ВЦИК 5-6 созывов). Подсудимые обвинялись в «участии в публичном шествии по г. Саратову толпою, собравшейся с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления, каковое порицание и было выражено выставлением флагов с революционными надписями «Долой самодержавие! Да здравствует народное правление!», разбрасыванием преступного содержания воззваний и пением противоправительственных песен» [1, с. 10].

Слушание состоялось 4-7 ноября, председательствовал А.Б. Арсентьев, поддерживал обвинение А.А. Макаров. Защиту представляли 12 адвокатов: М.Л. Мандельштам, А.М. Александров, Ф.А. Волькштейн, В.Н. Новиков,

И.Н. Сахаров – из Казани, Екатеринослава, Петербурга и Москвы и Кальманович, Никонов, Чумаевский, Токарский, Иолшин, Семёнов и Каратыгин из самого Саратова. Общая линия защиты была зависима от того, как поведут себя подсудимые, однако упор был сделан на том, чтобы опровергнуть юридическую базу обвинения, дискредитировав свидетельские показания жандармов, сыщиков, дворников и прочих служилых людей. Дело состояло в том, что свидетели обвинения были подогнаны к месту демонстрации и были «командированы для специальной цели» [1, с. 13], и, будучи лицами служащими, свидетельствовали «о том, что старательно исполнили возложенное на них поручение» [1, с. 13].

Также защита напирала на то, что обвинение пытается притянуть демонстрацию под статью 252 в соответствии с казуистическим разъяснением Сената 1877 года. Стоит сказать, что эта статья преследует за «составление и распространение письменных или печатных сочинений и произнесение публичных речей с дерзостным порицанием установленного строя», в то время как надписи на флагах «Долой самодержавие!» представить сочинениями трудно, а те же выкрики из толпы – публичными речами [8, с. 345]. Также Волькенштейн призывал рассматривать лозунг «Долой самодержавие!» не как порицание принципа государство устройства, а как «порицание его язв – бюрократизма, централизации, административного произвола, бесправия личности» [1, с. 16-18]. Защита вообще была солидарна с подсудимыми и просила рассматривать демонстрацию как «способ мирной пропаганды научных идей» [3, с. 222].

Однако, несмотря на блестяще поставленную защиту, на, цитируя эсеровское «Письмо из Саратова» - издание материалов дела - «обстоятельные, глубокие по содержанию и проникнутые самой горячей, нескрываемой симпатией к обвиняемым» [2, с. 21] речи Волькштейна и Мандельштама, суд приговорил семерых подсудимых (включая трёх женщин) к ссылке в Сибирь и оправдал пятерых. Кассационную жалобу Сенат отклонил, мотивировав аналогично предыдущим процессам вроде

сормовского или нижегородского. Однако, даже проиграв дело, адвокатура заслужила признание революционных партий. Одна из осуждённых писала в «Искру», что навсегда запомнит «эти три дня процесса», включая тот день, «когда произносились прекрасные речи защитниками» [4, с. 31].

Таким образом, сословие присяжных поверенных наиболее ярко проявило себя на процессах политических, где сумело преодолеть растущее поначалу недоверие и отвращение у общества и заслужить признание как борцов за законность и справедливость. Адвокатура была представлена передовыми людьми того времени, сильнейшими юристами и личностями, способными не отступать от высоконравственных этических принципов даже перед лицом всё растущей несправедливости и давления со стороны государства. Принципов честности, благонадёжия, неподкупности, добросовестности и законности. Они не ставили перед собой целью отстоять подзащитного любой ценой, они не служили заплатившему большую цену: они боролись за правду и истину, не «торговали словом», а отстаивали справедливость.

Список использованной литературы:

1. Волькштейн Ф.А. В дореволюционных судах. Речь защитника. М., 1924.
2. Демонстранты перед судом. Женева, 1902.
3. Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903, №14.
4. Искра. Вып. 5.
5. Лец Е.С. Непричёсанные мысли. М., 2007
6. Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984
7. Спасович В.Д. За много лет. М., 1978.
8. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы. Тула, 2000
9. Троицкий Н.А. Политические процессы в России 1871-1887 гг.: Пособие к спецкурсу. Саратов, 2003

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

«2-ая Всемирная конференция по правам человека, учитывая, что поощрение и защита прав человека являются вопросом первостепенного значения для международного сообщества» [1, с.340-376] приняла в 1993 году Венскую декларацию и Программу действий, в которых закреплено, что права человека и основные свободы являются правами, данными каждому человеку с рождения; а их защита является первейшей обязанностью правительств разных государств. В России, признанной правовым государством, гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

Цель работы - исследование проблем реформирования деятельности исправительных учреждений, осуществляющих наказание осужденных в виде такого ограничения прав, как лишение свободы.

Исправительные учреждения – это специализированные органы государства, исполняющие наказание в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы, которые в своей совокупности образуют систему отбывания наказания в виде лишения свободы.

Выделяют следующие виды исправительных учреждений:

- исправительные колонии (колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима);
- воспитательные колонии;
- тюрьмы;

- лечебные исправительные учреждения.

Следственные изоляторы (СИЗО) также относятся к исправительным учреждениям в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев.

Правовое положение осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве России основано на общих принципах обращения с осужденными, с учетом требований международных стандартов.

К примеру, согласно международным нормам каждому осужденному должна быть предоставлена отдельная камера, но ясно, что в современных условиях Россия не может выполнить это требование.

Условия содержания осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации не лучшие в мире и, как следствие, актуальным стал вопрос кардинального изменения условий содержания, в соответствии с современными реалиями.

В Европейский Суд по правам человека поступает огромное количество жалоб от граждан России, в том числе от осужденных лиц. Две жалобы были поданы против Российской Федерации гражданами РФ: Ананьевым С.М., Башировым Г.Г., Башировой Г.С. - 14 сентября 2007 г. и 10 ноября 2008 г. «Заявители, в частности, утверждали, что содержались под стражей в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях и не располагали эффективными внутренними средствами правовой защиты»[1]. Европейский Суд постановил обязать государство-ответчика выплатить заявителям денежные средства в качестве компенсации морального вреда.

В связи с неоправданно затянутыми сроками ликвидации ГУП, ростом кредиторской задолженности, низким уровнем привлечения к труду осужденных, в том числе на предприятиях УИС, снижением норм выработки, формальным подходом к организации работы по освоению новых видов изделий, недостаточным уровнем обеспечения учреждений и органов УИС самостоятельно производимой продукцией, низкой эффективностью работы

аппарата территориальных органов ФСИН России с администрацией субъектов Российской Федерации по содействию в развитии производственного сектора коллегия Федеральной службы исполнения наказаний приняла в 2010 году «решение "О ходе реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы".[1]

Деятельность исправительных учреждений в России осуществляется в соответствии с нормами отечественного и международного права. Вместе с тем уголовно-исполнительная система не совершенна, имеется множество существенных нарушений и недостатков в работе системы.

«В целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний на основе рекомендаций Комитета министров Совета Европы по вопросам, связанным с Европейскими пенитенциарными правилами, Президентом Российской Федерации принято решение о поэтапном реформировании уголовно-исполнительной системы (Указ Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. N 1100)»[2].

В связи с актуальностью мировой проблемы нарушения прав человека и поддержания законности Всемирная конференция по правам человека рекомендовала создать в рамках ООН программу с целью оказания помощи государствам в решении задач по созданию и укреплению надлежащих национальных структур, обязанных исполнять данную функцию.

«Такая программа, координировать которую надлежит Центру по правам человека, должна быть способной по просьбе заинтересованного правительства оказывать техническую и финансовую помощь национальным проектам в области реформы пенитенциарных и исправительных учреждений»[3 с.340-376] и в других сферах деятельности по надлежащему функционированию законности.

Для проведения реформы уголовно-исполнительной системы в разные годы были приняты федеральные программы, в том числе утверждена Концепция федеральной целевой программы "Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 - 2016 годы)", государственным заказчиком

которой является ФСИН России, а объем финансирования программы составил 54588,2 млн. рублей (с учетом прогноза цен на соответствующие годы).

Указанная Программа «призвана обеспечить дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы, соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу (далее - подследственные), и осужденных к лишению свободы (далее - осужденные), а также создать условия для реализации положений международных стандартов обращения с подследственными и осужденными»[4].

Тожественные цели изложены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной в 2010 году:

«повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Концепция призвана на период до 2020 года обеспечить основу дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы, приближения ее деятельности к международным стандартам и потребностям общественного развития»[5].

Список используемой литературы:

1. Венская декларация и программа действий (Принята в г. Вене 25.06.1993) // Российский ежегодник международного права - 1993 - 94. СПб: Социально-коммерческая фирма "Россия - Нева", 1995. - С. 340 - 376.

2. Дело "Ананьев и другие против Российской Федерации": Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 (жалоба N 42525/07, 60800/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012. - N 8.
3. Об объявлении решения коллегии Федеральной службы исполнения наказаний "О ходе реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы": Приказ ФСИН РФ от 15.10.2010 N 436 // Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2010. - № 12.
4. О Концепции федеральной целевой программы "Развитие уголовно-исполнительной системы (2007 - 2016 годы)": Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2006 N 839-р // Собрание законодательства РФ, 19.06.2006. - N 25. - ст. 2748.
5. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 31.05.2012) // Собрание законодательства РФ, 25.10.2010. - N 43. - ст. 5544.

М.С. Арефьева

студентка 232 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

РОЛЬ РАЗЪЯСНЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСУ ПРИНЯТИЯ АКТА АМНИСТИИ

В условиях современной российской действительности, на государственном уровне признана необходимость формирования демократических, правовых институтов, развитого гражданского общества. Последствием данной тенденции безусловно является изменение отечественной правовой системы, внедрение в неё норм, обеспечивающих соблюдение прав и свобод человека и гражданина, провозглашённых в Конституции РФ. Стоит отметить, что отечественный законодатель закрепляет соответствующие положения в актах различных отраслей права. Так, статья 84 Уголовного Кодекса РФ, предусматривает возможность объявления Государственной Думой акта амнистии лицам, совершившим преступления, воплощающего в рамках уголовного законодательства конституционно закреплённый принцип гуманизма.

Стоит отметить, что в настоящий момент по вопросу роли амнистии в отечественном праве существуют споры. С одной стороны, некоторые учёные отмечают её позитивный аспект, выражающийся в том, что, являясь формой воплощения воли государства, амнистирование позволяет, по мнению А. А. Комольцевой, избежать возникновения уголовной репрессии [3], признавая, таким образом, права граждан непосредственно действующими. С другой стороны, по мнению ряда исследователей, применение амнистии в условиях отечественного права существенно усложняется недостаточной правовой регламентацией условий её применения. Как правило, это становится причиной возникновения споров по вопросу её практического воплощения.

В данном контексте важно учитывать тот факт, что в настоящий момент прерогатива проверки конституционности актов амнистии в уголовном праве отнесена к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ, который осуществляет контроль содержания актов Государственной Думы об объявлении амнистии на предмет их соответствия Конституции РФ. Важно, что необходимость совершения данных действий именно Конституционным Судом была выражена в своё время в позиции Верховного Суда РФ, который в частности отметил, что проверка конституционности данных актов должна осуществляться только в этом органе. Представляется верным, что данное мнение было продиктовано с одной стороны, спецификой полномочий Конституционного Суда, а кроме того ролью актов названного судебного органа.

Очевидным становится тот факт, что разъяснения Конституционного Суда позволяют дополнить правовые вопросы, которые в настоящий момент не регламентированы отечественным законодателем.

Многие современные российские учёные, анализируя роль толкования Конституционного суда, даваемое им по вопросу института амнистии, обращают внимания на особенности содержания Постановления данного судебного органа от 5 июля 2001 года. В нём исследовался вопрос отказа

обратившимся гражданам в прекращении в отношении них уголовных дел в связи с амнистией. Так, постановление об амнистировании данных лиц было вынесено в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне и вступило в силу 27 мая 2000 года. Однако 28 июня 2000 года Государственная Дума внесла изменение в указанный документ, исключившее применение амнистии к обратившимся лицам. Так, исследуя доводы, которыми руководствовался Конституционный суд, вынося решение по данному вопросу, Елинский обращает внимание на то, что в данном постановлении был рассмотрен один из самых сложных и спорных юридических казусов, с правовой оценкой которого когда либо сталкивался Конституционный суд.[9]

С подобным суждением стоит согласиться, поскольку выраженная в постановлении правовая позиция позволяет определить особенности правовой природы акта амнистии. В этой связи Конституционным Судом было отмечено, что данный документ имеет нормативную природу, поскольку, в силу отсутствия соответствующего регулирования вопроса порядка и условий амнистирования на уровне федерального закона, представляется целесообразным расценивать постановление об амнистии, как законодательный акт, принимаемый Государственной Думой в пределах её компетенции.

Кроме того, Конституционный суд указал, что, принимая акт амнистии, Государственная Дума «реализует гуманистические задачи», выраженные в соответствующей воле государства. Однако, при принятии акта амнистии, не должны нарушаться права и законные интересы граждан, поскольку акт об амнистии по своему содержанию является правовосстанавливающим и не может ухудшать положение лиц, в отношении которых амнистия была применена. Правомерность данного толкования суда обусловлена тем, что наличие подобного умаления прав расценивается как ухудшение положения лица, подлежащего уголовной ответственности и нарушение принципа справедливости, отраженного в современном уголовном законодательстве.

Подобная позиция так же поддерживается Европейским судом по правам человека, в решениях которого указано, что документ об амнистии сразу же должен обнаруживать свое позитивное действие на подозреваемых и обвиняемых, предоставляя им возможность немедленного улучшения своего положения.

Специалисты отмечают, что данное разъяснение ограничило Государственную Думу действием в рамках конституционных принципов, закреплённых как в самом тексте конституции, так и в УК РФ, поскольку, согласно тексту постановления: «Государственная Дума не может выходить за конституционно обусловленные пределы предоставленного ей широкого усмотрения». [8].

Однако разъяснение вопроса о принятии акта амнистии Конституционным судом в настоящее время не ограничивается лишь раскрытием его юридической специфики. Данный орган, так же уделяет внимание проблеме определения круга лиц подлежащих амнистии. В этой связи интересным для рассмотрения представляется содержание определения Конституционного Суда РФ по жалобе Романовой, требовавшей признать не соответствующим положение п. 12 постановления Государственной Думы от 30 ноября 2001 года "О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в отношении несовершеннолетних и женщин", в обосновании своих требований заявитель указала, что содержание данного пункта позволяет применить амнистию только в отношении лиц, приговоры по делам которых вступили в силу до вступления в силу акта об амнистии. В отношении нее приговор вступил в силу 4 декабря 2003 года, в связи с чем Романова полагала, что амнистирование лица зависит не от времени совершения преступления, а тесно связано с производимыми процессуальными действиями. В этой связи Конституционный Суд, отказывая заявительнице в рассмотрении жалобы, справедливо указал, что амнистия может быть установлена только в отношении тех лиц, которые на

момент её объявления имеют закреплённый статус осуждённого.

Справедливость выраженной позиции усматривается в том, что это отвечает интересам безопасности общества. Кроме того, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 марта 2003 г., амнистия в силу своей специфики не может гарантироваться всем лицам, так как Государственная Дума обладающая соответствующими полномочиями имеет право формировать круг лиц, подлежащих амнистии.

Ученые так же обращают внимание на спорный аспект при определении лиц подлежащих амнистии. Здесь они усматривают негативную тенденцию, поскольку на практике при применении рассматриваемого акта лица пострадавшие от преступных посягательств задаются вопросом о том, как они могут восстановить нарушенные права. Данная проблема так же стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так им была рассмотрена жалоба гражданина Косулина, оспаривавшего положение п. 6 постановления Государственной Думы от 19 апреля 2006 года № 3043-IV ГД «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения Государственной Думы в России». В содержании данного пункта указывалось, что амнистии подлежат лица совершившие преступления, за которые установлено наказание не свыше 5 лет и не отбывавшие его в исправительных учреждениях. Свои требования заявитель мотивировал тем, что подобная мера стала причиной прекращения уголовного дела, по которому он выступал в качестве потерпевшего. Конституционный суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, поскольку в рассматриваемом случае отсутствовала правовая неопределенность, по мнению суда Косулин мог отстаивать свои интересы в рамках гражданского судопроизводства.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, правомерным представляется вывод о том, что в условиях недостаточной правовой регламентации условий характеризующих амнистию в рамках уголовного права разъяснения, даваемые по этому вопросу Конституционным Судом РФ,

сегодня становятся мощным инструментом реализации соответствующей нормы УК РФ.

Список используемой литературы:

1. Худoley К.М. «Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия» URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-konstitutsionnogo-suda-rf-problemy-teorii-i-praktiki-konstitutsionnogo-pravosudiya> (дата обращения: 16.04.14)
2. Рзаева С.Н. « О вопросах применения законодательства об амнистии и помиловании » URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/o-voprosah-primeneniya-zakonodatelstva-ob-amnistii-i-pomilovanii> (дата обращения: 16.04.14)
3. Комольцева А. М., Ивашкина Е.А. « Институт амнистии: правовая природа и проблемы применения в современной России » URL:<http://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=3817> (дата обращения: 16.04.14)
4. Адвокаты расскажут о проблемах применения амнистии для предпринимателей URL:<http://www.ugpr.ru/newsdet1299.html> (дата обращения: 16.04.14)
5. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колосунина Владимира Михайловича . URL:<http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.04.14 г.)
6. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романовой Ларисы Валерьевны. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.04.14)
7. Постановление Государственной Думы РФ N 398-III ГД от 26 мая 2000 г. Об объявлении амнистии всвязи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. URL: http://www.amnistia.ru/GD_00_000526.htm (дата обращения: 18.04.14)
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 года. URL: http://www.amnistia.ru/GD_00_000526.htm (дата обращения: 18.04.14)
- 9.. Елинский А.В « Правовые позиции Конституционного Суда РФ по проблемам амнистии » L:<http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&frm=1&source=web&cd=4&ved=0CDUQFjAD&url=http%3A%2F%2Fwww.new.law-books.ru%2F3-2011%2F3-25-2011.doc&ei=hTJVU92qAen8ygPzyoHwCg&usg=AFQjCNEdOuNO5QRrOhyvpXWhXKkdI9kCNQ&bvm=bv.65058239,d.bGQ&cad=rjt> (дата обращения: 18.04.14)

студентка 164 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На сегодняшний день насчитывается большое количество самоубийств в особенности среди лиц несовершеннолетнего возраста. Мотивами к совершению самоубийства являются самые различные события в жизни несовершеннолетних. К таким событиям можно отнести жестокое обращение взрослых и сверстников, неблагополучное положение в обществе, пагубное влияние на психику интернет источников и телевизионных программ. Государство по средствам исполнительных органов различными способами старается изменить существующую обстановку. Не смотря на все проводящиеся мероприятия, самоубийства все же совершаются и имеют стойкий характер.

При расследовании обстоятельств случившегося, возникает вопрос о том было ли совершено самоубийство как таковое или же какими то иными способами несовершеннолетний был доведен до таких действий. Данные обстоятельства регулирует статья 110 [1] УК Российской Федерации. В которой указано «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего»

В любом случае совершение действий приводящих к самоубийству это производное от психических настроений человека и от их возникновения. Под насильственным психологическим принуждением, как отмечает Е. Н. Холопова, необходимо рассматривать только способы непосредственного воздействия на психическую сферу человека. Поскольку психика человека

состоит из сознательного и бессознательного начала, то вероятно предположить, что воздействию может подлежать как то, так и другое. Автор отмечает, что насильственное психическое принуждение может быть осуществлено двумя способами: 1) путем информационного воздействия (угрозы причинения вреда), 2) путем непосредственного воздействия на бессознательную составляющую человеческой психики (прямое воздействие). [2]

Для установления факта доведения до самоубийства следователями следственных отделов применяются следующие следственные действия:

1. Осмотр трупа. Проводится для установления возможных телесных повреждений не связанных с самоубийством.

2. Осмотр места происшествия. Если самоубийство произошло рядом с жилыми домами, то проводится поквартирный обход дома. На этом этапе собирается вся, имеющая значение для дела, следственная информация, которая в будущем может помочь установить доведение до самоубийства.

3. Установление родственных и иных связей, которые имел несовершеннолетний при жизни.

4. Опрос свидетелей и родных несовершеннолетнего о возможных причинах самоубийства. Выяснение психологических настроений несовершеннолетнего при жизни, его популярность среди сверстников, конфликтность. Это действие проводится для установления возможных вредных привычек, поведения, агрессивность или излишнюю замкнутость покойного. Целью является выяснение тех причин, по которым подросток мог сам покончить жизнь самоубийством.

5. Установление материального положения лица, для проверки на излишний интерес со стороны иных лиц, которые могли подтолкнуть несовершеннолетнего к самоубийства для извлечения материальной выгоды.

6. Судебная медицинская экспертиза. Исследуются возможные причины смерти. Более точно исследуются телесные повреждения, травмы, которые не связаны с самим самоубийством. Возможность насильственных

действий над подростком, избиения, изнасилования, которые подросток мог скрыть от окружающих. Действия насильственного характера могут стать основной причиной самоубийства. Для этого проверяются половые органы мужчин, и половые органы женщин, в особенности, на наличие девственности.

7. Судебная экспертиза вещественных доказательств. Проводится с целью проверки различных следов на одежде и личных вещах лица. В том числе различные биологические следы на одежде.

8. Медико-криминалистическая экспертиза на наличие на месте преступления ножа либо другого холодного оружия.

9. Баллистическая экспертиза, при наличии огнестрельного оружия.

В ходе таких экспертиз, с оружия снимаются отпечатки пальцев, биологические следы (частицы кожи, ногтей), наличие частиц одежды, тканей, ниток и других следов.

10. Для уточнения картины произошедшего следователи нередко назначают следственный эксперимент. Стоит описать несколько видов следственного эксперимента, которые применяются при расследовании дел касающихся доведения до самоубийства.

1) Чаще всего подростки выбирают способом их смерти прыжок с крыши. Для проверки возможности самостоятельного прыжка с крыши следователи применяют специальный манекен, которому придают вес лица совершившего прыжок. После чего поднимают его на то место, с которого был совершен прыжок и сбрасывают вниз. При проведении следственного эксперимента учитываются погодные условия, время суток, расстояние на земле от дома, или же от постройки с которой был совершен прыжок, а также одежда подростка. Эксперимент проводится не менее трех раз.

2) Если человек был сбит автомобилем, назначается трасологическая экспертиза с целью установления марки машины, скорости движения, проверяются следы от протектора на поверхности земли, разрыв одежды и тканей тела. После чего события воспроизводятся и устанавливается

возможность наступления самоубийства, либо намеренных действий водителя.

3) В зависимости от того с помощью какого оружия несовершеннолетний мог покончить с собой производится следующий эксперимент. Устанавливается каким образом можно было бы держать так оружие, чтобы произвести выстрел точно в цель и при этом не потребовалось бы вмешательства другого лица. Другими словами выясняется расстояние при производстве выстрела, были ли применены другие технические средства для производства выстрела. Если это холодное оружие, то выясняются возможные варианты применения оружия другим лицом. В частности такой эксперимент проводится в случаях с нетрадиционными видами оружия или с теми видами оружия с помощью, которых сложно убить себя самому, к примеру арбалет, лук. В данном случае так же будет применяться баллистическая экспертиза.

Следственный эксперимент дает возможность проверить фактические данные, полученные в результате допросов обвиняемых, потерпевших, подозреваемых, свидетелей, предъявления для опознания, осмотра места происшествия и путем производства иных следственных действий, а также подтвердить или опровергнуть следственные версии. При этом не исключено, что могут быть получены и новые фактические данные, подтверждающие или опровергающие ранее полученные доказательства [3].

10. В заключении проводятся следственно технические мероприятия по получению информации из социальных сетей, которыми пользовался подросток, проверка электронной почты и содержания входящих и исходящих сообщений, а также проверка наличия и содержания сообщений от провайдера. Получение сведений из мобильных компаний, абонентом которых был подросток, проверка информации о звонках и сообщениях. [4]

Исходя из изложенного, можно сделать вывод. Следственными органами прилагается немало усилий для расследования самоубийств, все действия следствия продуманы и четко спланированы. Они направлены на точное

выявление причин самоубийства. В ходе исследования стало ясно, что в действиях следственных органов нет действий, которые могли бы каким-то образом ограничивать раскрываемость подобных преступлений. Однако данная проблема остается. Доведение до самоубийства раскрывается отнюдь не во всех случаях расследования. Это приводит к существенным проблемам, как для граждан России, так и для Российского уголовного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 января 2014). [Электронный ресурс]//Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата доступа: 11.01.2014).
2. Полянская В.А. Судебно-психологическая экспертиза психологических воздействий в уголовном процессе // [Электронный ресурс]// [Сибирский юридический вестник 2011. № 1. С. 123-129.](#) Научная электронная библиотека elibrari.ru [Электронный ресурс]: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15597411> (дата обращения 23 марта 2014 года) Загл. с экрана Яз.рус.
3. Следственный эксперимент // [Электронный ресурс]// [Законь](#) [Электронный ресурс]: <http://evcppk.ru/dlya-sledovatelya/346-sledstvennyj-yeksperiment.html> (дата обращения 23 марта 2014 года) Загл. с экрана Яз.рус.
4. По данным Следственного отдела по г. Энгельс

В.О. Воронина

студентка Поволжского кооперативного института (филиал)
Автономной некоммерческой образовательной
организации высшего образования
Центросоюза РФ Российского университета кооперации

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРИЧИНЫ

Интерес к изучению такого явления как женская преступность волновала и продолжает волновать не одно поколение исследователей[1, с.395].

При изучении преступности - традиционно разграничиваются преступность мужская и женская.[2] Разделение преступности по половому

признаку имеет значение, так как и количественное, и качественное содержание женской преступности имеет свои особенности и отличия от мужской преступности.

На протяжении многих лет женская преступность существенно уступала мужской. Уровень правонарушений, совершаемых женщинами значительно ниже уровня преступлений, совершаемых мужчинами, и это несмотря на то, что женщин в стране больше, чем мужчин. В общем числе преступности: женская преступность составляет 15-20% от общего числа совершенных преступлений.

Так же женская преступность отличается от мужской преступности иным соотношением корыстных и насильственных преступлений, а также и других преступлений. Отличаются преступления, в которых отображается стереотип поведения, сформировавшийся под воздействием конкретной, присущей именно для женщин микросреды или ситуации, в какой - то определенный период.

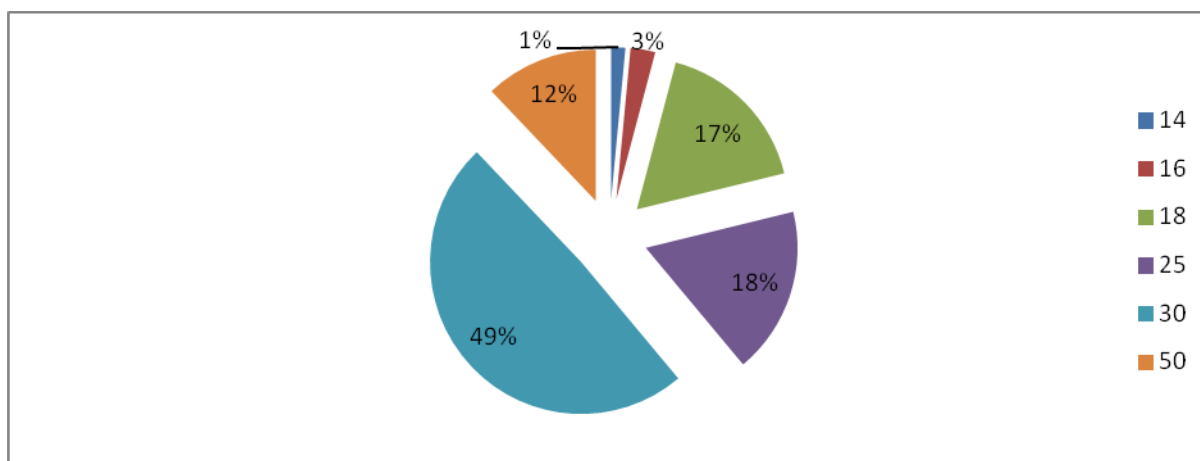
В последние годы выделяются две основные тенденции преступного поведения женщин: повышение уровня их криминальной активности в области экономики; активное вовлечение представительниц слабого пола в тяжкую и особо тяжкую преступность с высоким уровнем организованности и профессионализма.[3]

Наиболее распространенные преступления женщин: кражи (15%), хищение чужого имущества путем присвоения или растраты (18—20%), обман потребителей (13—14%). Данные преступления входят в область так называемого женского преступного профессионализма. На женщин-преступниц приходится 12% убийств, 8% грабежей, 5% неосторожных преступлений.

Кроме того, женщинам-преступницам присуще содержание притонов и сводничество. Так же растет число фактов торговли наркотическими веществами, заказных убийств, торговли несовершеннолетними, а также хулиганство. Все чаще женщины совершают такие преступления как

терроризм, захват задолжников, похищение человека, грабежи и разбойные нападения. И самое типичное для преступниц женского пола это - детоубийство. Обычно, такие деяния совершаются молодыми девушками, не имеющими семьи, достаточного материального обеспечения и своего жилья.

В России за 2012 год женская преступность составляет: от 14 до 15 лет – 1209 ч(1%); от 16 до 17 лет – 2115 ч (3%); от 18 до 24 лет – 13722 ч (17%); от 25 до 29 лет – 14278 ч (18%); от 30 до 49 лет – 39415 ч(49%); 50 лет и старше – 9746 ч (12%)[4]

Статистика за последние 3 года[5]:

2010 год – 84214 человек

2011 год – 78476 человек

2012 год – 78410 человек

Почти у всех женщин доминируют качества, препятствующие совершению преступлений, так как мотивации женского поведения, обычно, связаны с охраной семьи, обеспечением благополучия, материального и психологического комфорта в семье. И чаще всего именно женщина несет ответственность за свою семью. Жизнь женщины мало совместима с криминальной деятельностью потому что, женщина понимает свою ответственность за своих детей, за целостность и благополучие семьи, и ее жизнь. Женщина, встав на путь преступлений, подвергает опасности свою

семью, так как очень велика вероятность, что она понесет заслуженное наказание в тюрьме. А во время отбывания наказания, ее семья распадется, скорее всего, и неизвестно, кто возьмется за воспитание и выращивание ее детей. Также семейному человеку гораздо сложнее уклониться и избежать наказания, так как, если преступник примет решение скрываться, изменив место жительства, то наличие семьи осложнит это желание. Именно с большей привязанностью женщины к семье, нежели мужчины, связан тот факт, что жертвами насильственных преступлений, совершаемых женщинами, как правило, являются супруги, сожители, дети и ближайшие родственники.

Невозможность реализоваться, безработица, снижение уровня жизни, падение интереса к семейным ценностям приводит к тому, что женский пол нередко встает на криминальный путь, совершая корыстные преступления, для того что бы добыть средства к существованию или средства для поддержания жизненного уровня достойного для себя. Женщины-преступницы чаще выбирают такие виды преступлений, как вымогательства, обман покупателей, мошенничество, кражи. Гораздо реже женщины участвуют в разбоях и грабежах, хотя с каждым годом ситуация меняется и женщины «догоняют» мужской пол.

Говоря о причинах преступного поведения женщин необходим анализ всей преступной цепочки, которая, как правило, начинается с детства, с семьи.

Влияние семьи реализовывается путем целенаправленного педагогического воздействия, сосредоточенного на формирование определенных моральных принципов и способов поведения. Негативное влияние семейной среды на развитие личности, ее криминогенную деформацию может быть довольно-таки глубоким. Семья выполняет важнейшие функции в жизнедеятельности индивида. Отсутствие семьи является фактором, повышающим восприимчивость личности к негативным воздействиям.

Отсутствие соответствующих семейных контактов особенно пагубно для девочек. Оторвавшись от семьи, школы, выйдя за пределы нормального человеческого общения, таким девушкам очень трудно, иногда и невозможно вернуться к обычной жизни, завоевать уважение окружающих. Особенно трагично складывается судьба бродяг, проституток, наркоманок, алкоголичек, и, кто связал себя с профессиональными преступниками.[6]

В основе причин женской преступности лежат определенные явления и процессы, а именно: активное участие женщин в общественном производстве; ослабление социальных институтов, и в первую очередь семьи; возросшая напряженность в обществе, возникновение в нем конфликтов и враждебности; рост антиобщественных явлений [3, с. 132]

В связи с этим, должны предприниматься меры по предупреждению и предотвращению преступлений, совершаемых женщинами, которые разделяются на несколько групп:

- долговременные, связанные с необходимостью разработки национальной программы по положению женщин, направленные на общее усовершенствование всех сфер жизнедеятельности женщин и улучшение морального климата в обществе;

- разработка системы воспитательных мероприятий с учетом особенностей формирования поведения женщины; анализ обстановки на производстве, в семье, быту с целью выявления причин, провоцирующих женщин на совершение преступлений;

- меры, направленные на предотвращение определенных преступлений, совершаемых женщинами. В этом случае применяется общая методика предупредительных мер, но с учетом особенностей совершения преступлений женщинами;

- меры, направленные на предотвращение различных правонарушений, приводящих к совершению преступлений, к примеру, таких, как пьянство, наркотики и т. п.;

- оказание помощи женщинам: ведущим антиобщественный образ жизни; отбывающим срок лишения свободы в ИТУ; а так же уже отбывшим срок наказания, в адаптации к жизни на свободе.[7]

К сожалению, преступления совершаемые женщинами оказывают отрицательное воздействие на подрастающее поколение, так как женщины, которые совершают преступления, не смогут обеспечить нормального воспитания своих детей. Необходима новая методология изучения личности преступниц, разработка системы мер предупреждения преступлений совершаемых женщинами. Предупреждение женской преступности позволит в нашем государстве укрепить законность и правопорядок, позволит укрепить нравственное здоровье общества, его духовность, улучшить воспитание подрастающего поколения.

Кроме того, государство должно обеспечивать финансовую и материальную помощь, социальную поддержку, дать возможность женщине зарабатывать и получать более высокую квалификацию. А также, на наш взгляд, необходимо специалистам предоставлять срочную психологическую помощь в кризисных для женщин ситуациях.

Список использованной литературы:

1. Фойницкий И.Я. Факторы преступности // Северный вестник. 1893. № 10. С. 97-112, № 11.
2. Криминология: Учебник/Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, К82 проф. В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1997.
3. http://crimestat.ru/social_portrait -генеральная прокуратура российской федерации портал правовой статистики
4. Учебник для вузов по криминологии 3 издание Под ред. Долговой А. И. издательство Норма, 2008.
5. Антонян Ю. М. КРИМИНОЛОГИЯ: учебник для бакалавров / Ю.М. Антонян.- 2-е изд., пер. и доп.- М.:Юрайт, 2013.
5. <http://ur-fak.ru/blog/2011-07-16-967>
6. Кудрявцев В. Н. "Современные проблемы борьбы с преступностью в России. //Вестник Российской академии наук т.69 № 9 ст. 790—797 2009.

РОЛЬ СУДА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Судебная защита является важнейшей гарантией прав и свобод человека. Конституционное закрепление (ч.1 ст.46 Конституции РФ) права каждого на судебную защиту обеспечивает реализацию прав и свобод лиц, потерпевших от преступлений. И в большинстве случаев восстановление социальной справедливости происходит посредством лишения или ограничения прав и свобод лиц, преступление совершивших.

Федеральная палата адвокатов РФ в докладе о проблемах правосудия и уголовной юстиции выделяет[8] следующие основания лишения или ограничения прав и свобод граждан: обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка, общего благосостояния в демократическом обществе; поддержания государственной и общественной безопасности, экономического благосостояния страны; предотвращения беспорядков или преступлений; охраны здоровья и нравственности населения; охраны территориальной целостности; предотвращения разглашения конфиденциальной информации. Уголовный закон подобной конкретики не содержит.

При назначении наказания суд обязан руководствоваться основными принципами уголовного права (ст. 3 - 7 УК РФ), а также общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Рассматривая данные положения, можно дать оценку роли суда в защите прав и свобод человека при назначении наказания.

Принцип законности - основополагающий принцип. Его наличие гарантирует принятие судом решения в соответствии с нормами действующего закона. Применение уголовного закона по аналогии не допускается, так как это противоречит закону, который устанавливает уголовную ответственность только за деяния, закрепленные в УК РФ как преступные.

Принцип равенства в своем определении содержит признаки лиц, совершивших преступление, наличие которых не влияет на положение преступника перед законом и судом. Рассматривая данные признаки совершивших преступление лиц, стоит обратить внимание на следующие: пол, имущественное и должностное положение.

Равенство перед законом независимо от пола преступника несколько вызывает сомнение, в пример можно привести некоторые преступления сексуального характера. При назначении наказания половой признак также имеет место, например: женщинам не назначается пожизненное лишение свободы и перечень (ст. 56-58 УК РФ) исправительных учреждений несколько меньше.

Стоят упоминания институт уголовно-правовых иммунитетов и институт индивидуализации наказания. Первый институт вопросов не вызывает - наличие иммунитета у президента и судей Российской Федерации обуславливает их независимость при выполнении должностных обязанностей. Второй институт обусловлен принципами гуманности и справедливости в отношении подсудимого при назначении наказания, однако, теоретически, возможен риск умаления принципа равенства. Для минимизации такого риска, суду надлежит в полной мере учитывать обстоятельства преступления, личность преступника и прочие обстоятельства, для вынесения соответствующего всем принципам уголовного права приговора.

Принцип вины в уголовном праве можно считать основным, так как невиновное лицо не может быть осуждено. Действующий принцип

субъективного вменения предполагает доказательство виновности лица и учет всех обстоятельств дела при назначении наказания. Это связывает принцип вины с другими принципами уголовного права. Принцип субъективного вменения не является абсолютным и при его рассмотрении возникают определенные вопросы. Связано это с институтом судебного усмотрения, играющим немаловажную роль при назначении наказания. По нашему мнению, имеет место риск влияния таких полномочий суда на основные принципы уголовного права.

Анализируя институт судебного усмотрения невозможно обойти стороной его взаимосвязь с принципом справедливости. Законодатель формулирует данный принцип как соразмерность наказания преступлению, что должно устанавливать рамки судебскому усмотрению не только санкциями применяемых статей Особенной Части УК РФ, но также и тяжестью совершенного преступления, его общественной опасностью и иными обстоятельствами. В частности, ученые, придерживающиеся данной точки зрения[7] предлагают следующее: установить нижний предел наказания в санкционную часть статей, которые такового не имеют; исходя из нижнего предела наказания, скорректировать верхний предел, уменьшая разрыв и ограничивая влияние судебного усмотрения на размер назначаемого наказания, тем самым уменьшая вероятность несоответствия наказания тяжести преступления.

При назначении наказания, суд руководствуется не только законом, но и интересами подсудимого[9], обеспечивая тем самым соблюдение принципа гуманности при исправлении правосудия. Например, назначая наказание, суд исходит из достаточности его для исправления подсудимого, но не более необходимого, иначе это могло бы считаться карой, что в соответствии с законом не допустимо.

Также принцип гуманности реализуется в статьях УК РФ, о назначении определенных видов наказания (например: невозможность пожизненного

лишения свободы женщин, несовершеннолетних, и мужчин старше шестидесяти лет).

Защита прав и свобод человека при назначении наказания должна являться и является приоритетом при осуществлении судом правосудия. Закон обеспечивает нормативную основу защиты прав подсудимых, суд является гарантом соблюдения этих прав.

Список использованной литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ). URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/#info> (дата обращения: 27.04.2014)
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014). URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/#info> (дата обращения: 27.04.2014)
3. Голубев Н.А. К вопросу о вине в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. №21/2013. С. 81-83.
4. Жидких И.В. Реализация принципа гуманизма при назначении наказания. // Вестник Адыгейского Государственного Университета. №2/2008.
5. Канубриков В.А. Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/printsip-zakonnosti-v-ugolovnom-prave-rossii-teoreticheskie-i-pravoprimeritelnye-problemy#ixzz30npgdtaB> (дата обращения: 27.04.2014)
6. Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/printsip-ravenstva-pered-zakonom-v-ugolovnom-prave-rossiiskoi-federatsii#ixzz30nqPQS8h> (дата обращения: 27.04.2014)
7. Коновальчук М.В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/printsip-spravedlivosti-i-ego-realizatsiya-v-ugolovnom-prave-rf#ixzz30nqggqK9s> (дата обращения: 27.04.2014)
8. Комиссаров В.И. Потерпевший - центральная фигура уголовного судопроизводства // Российская юстиция. №9/2010, С. 32-34.
9. Б.а. Доклад ФПА РФ о проблемах правосудия и уголовной юстиции. // Федеральная палата адвокатов РФ [Сайт]. URL: http://www.fparf.ru/doklad/pravosud_ugolov_usti.htm (дата обращения: 20.04.2014)

студентка Поволжского кооперативного института (филиал)
Автономной некоммерческой образовательной
организации высшего образования
Центросоюза РФ Российского университета кооперации

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Личность — это «социальное лицо человека», то, кем он стал в процессе социального развития, формирования и деятельности в обществе.

Личность преступника — совокупность социально-психологических свойств и качеств человека, являющихся причинами и условиями совершения преступлений. В центре внимания всегда находилась проблема личности преступника не только юридической, психологии, но и философии социологии. История изучения данного вопроса насчитывает не одну сотню лет. За это время было разработано немало концепций, пытающихся объяснить индивидуальное криминальное поведение.

Различные контингенты преступников: несовершеннолетние преступники, рецидивисты, корыстные и т. п. Объектом криминологического исследования человек становится сразу после совершения им уголовно наказуемого деяния. Борьба с преступностью должна быть рассчитана на реальные лица, типы, группы преступников и их фактические, а не условные статистические характеристики.[2, с.124-159]

Личность преступника: характеризуется совокупностью ряда признаков, являющихся основой типологии лиц, совершивших преступления.

Можно также выделить следующие типы преступников по характеру преобладающей преступной мотивации:

Насильственный- тип личности, для которого характерна искажение представлений о ценности человеческой личности, жизни и здоровья человека, общественной безопасности.

Корыстный – тип, для которого характерно желание к обогащению.

Лица, отрицающие обязанности, которые возложены на них законом или трудовым договором.

Неосторожные преступники — лица, которые легкомысленно или небрежно относятся к общепринятым правилам безопасности.

Лица, которые, совершают преступления с целью добыть минимальные средства к существованию.

Далеко не каждый конкретный преступник может быть однозначно причислен к одной из перечисленных групп. Зачастую у лица наблюдаются признаки, относящиеся не к одному, а нескольким преступным типам.

По *характеру, степени общественной опасности* преступные типы подразделяются следующим образом:

- случайный тип; лицо, впервые совершившее преступление в результате случайного стечения обстоятельств при общей социально-положительной направленности личности;

- ситуационный тип; личности преступника, совершивший преступление под воздействием неблагоприятных условий формирования его личности, однако в целом характеризуемый больше положительно, чем отрицательно

- неустойчивый тип, к которому относятся лицо, также совершивший преступление впервые, но допускавший ранее различного рода правонарушения, плохие поступки;

- злостный тип лица, совершивший два и более умышленные преступления;

- особо опасный тип личности преступника, признанный опасными либо особо опасным рецидивистам за совершенные тяжкие преступления и т. п.[1]

Наиболее распространенные группировки основаны на демографических данных, таких как возраст и пол.

В уголовной статистике выделяются несовершеннолетние 14—15 лет и 16—17 лет, лица молодого возраста 19—24 года и 25—29 лет, лица зрелого возраста 30 лет и более старше. Путем изучения карточек первичного учета, уголовных дел и материалов может быть достигнута более подробная классификация;

социально-экономические критерии: образование, род занятий, факт наличия либо отсутствия постоянного местожительства и рода занятий "выделяются бомжи, вынужденные переселенцы, беженцы, иные мигранты и т. д.", наличие или отсутствие постоянного источника дохода, проживание в городской или сельской местности;

Критерий гражданства (граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства);

состояние личности в момент совершения преступления:

- а) В состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения;
- б) Присутствие человека при совершении преступления в составе группы (и какой именно)
- в) пребывание в местах лишения свободы и т. п.;
- характер преступного поведения: умышленное или неосторожное; имущественное (корыстное), насильственное и т. п.; повторное или первичное и т. п.[1 с. 58.]

Выделяют четыре типа личности преступника, называют их по-разному, по факту имеют в виду степень стабильности и не зависимости их преступного поведения 1) ситуационный, неустойчивый, злостный случайный; 2) привычные преступники, случайные, профессионалы промежуточная группа между первой и второй, 3) глобальный, парциальный, с частичной криминогенной зараженностью, предкриминальный, совершающий преступления в определенных ситуациях.

Внутри типа криминогенной личности выделяются следующие подтипы: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный.

Последовательно-криминогенный подтип: зарождается в микросреде, где нормы морали и права систематически нарушаются.

Ситуативно-криминогенный подтип: зарождается и действует в противоречивой микросреде. К преступлению такое лицо приводят его микросреда и весь предшествующий образ жизни. Ситуативный подтип: формируется в более благоприятной, чем предыдущие подтипы, в этой среде. Преступление совершается представителями этого подтипа под решающим влиянием ситуации, возникшей не по вине этого лица.[3, с.29]

Несмотря на то, что преступность является одним из неотъемлемых элементов современной организации общественной жизни, государство и общество располагают возможностями для того, чтобы сдерживать неблагоприятные тенденции преступности, обеспечить постепенное снижение ее уровня и смягчение последствий. Поскольку существование в обществе преступности объективно, государству необходимо решать проблему исправления названных лиц и их ресоциализации. Меры предупреждения преступности направлены на достижение определенной стратегической цели. Она заключается в противодействии криминогенным процессам в обществе и в мерах по сокращению преступности. Нормы профилактического характера зафиксированы и в законах, определяющих статус силовых ведомств. С их учетом разрабатываются инструкции, методические рекомендации по профилактике и предупреждению преступности. Нормы, ограничивающие права и свободы граждан в связи с применением мер предупредительного воздействия, являются исключительной компетенцией федерального законодательства. На практике чаще всего используются следующие меры индивидуального предупреждения: профилактическая беседа; внесение представлений и определений об устранении причин и условий преступлений; направление информации об антиобщественном поведении руководителям предприятий, учебных заведений, общественным объединениям; предупреждение о постановке на профилактический учет; постановка на профилактический

учет; профилактическая опека; административный надзор; официальное предостережение. Таким образом, понятие «*предупреждение преступности*» – это целый комплекс разнообразных мер упреждающего воздействия. Что касается контроля за своевременностью и достаточностью общих и индивидуальных мер предупреждения преступлений, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении мер предупредительного воздействия, то он должен осуществляться ведомствами, в систему которых входит субъект или участник предупреждения преступлений. Контроль должен сочетаться с надзором за законностью деятельности по предупреждению преступлений любым ее субъектом или участником и осуществляться Генеральной прокуратурой РФ и подчиненными ей прокурорами. Успешное противодействие преступности возможно только при условии комплексного подхода к решению проблемы, объединения усилий как государственных, так и общественных организаций. Определение целей, задач и комплекса мер профилактического воздействия в этом случае должно быть закреплено в виде единой программы борьбы с преступностью. К сожалению, такой комплексной федеральной программы в государственном масштабе пока нет. К сожалению, в нашем обществе ещё нет глубоких демократических традиций, высокого уровня правосознания. Ещё не все наши граждане стали законопослушными.

Список используемой литературы:

1. Криминология (конспект лекций) М.: Приор-издат, 2005. -128с. Давыдов Я.В. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000.
2. См.: Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Личность преступника. М., 1975; Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985. С. 248—359; Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Д. Эминова. М., 1999.
3. Учебник для вузов по криминологии 3 издание Под ред. Долговой А. И. издательство Норма, 2008..

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ

Бандитизм является одной из главных проблем в условиях роста организованной и вооруженной преступности. С 1994 г. в стране произошел значительный рост данного вида преступлений. [1, с.67-73] Данные указывают не только на распространенность и опасность бандитизма, но и отражают усиление борьбы с бандитизмом. Довольно часто в судебно-следственной практике допускаются ошибки при квалификации бандитизма, разграничении его со смежными составами; признаки банды схожи с другими составами преступления; возникают трудности толкования ст. 209 УК РФ. О том, что в судебно-следственной практике допускаются ошибки свидетельствует факт, что более чем в 40% дел по обвинению в бандитизме суду приходится менять квалификацию преступления.

Также, законодатель в УК РФ 1996 г. изменил определение банды и понимание ряда аспектов бандитизма, что у практических работников при применении данной уголовно-правовой нормы вызывает трудности. Это не только снижает эффективность борьбы с таким опасным проявлением, как бандитизм, но и требует проведения дополнительных исследований.

В последнее время интерес к проблеме борьбы с бандитизмом вырос потому что новое законодательство, реформировав всю систему уголовного права, существенно изменило само понимание банды и его признаков, соотношение бандитизма с другими составами, обусловив необходимость решения вопросов о разграничении бандитизма и новых составов, появившихся впервые в УК РФ 1996 г., к примеру, предусмотренных ст. 208, 210. Это обстоятельство, наряду с отмеченным выше ростом данного вида преступлений, вызвало во второй половине 90-х годов потребность в проведении специальных исследований. Например, в диссертации М.В.

Геворкяна «Уголовно-правовая характеристика бандитизма» (1997 г.) была предпринята попытка комплексного изучения проблем бандитизма по новому законодательству. Однако ряд положений, особенно касающихся форм бандитизма и признаков банды, рассмотрен либо поверхностно, либо вызывает возражения.[2]

Бандитизм отмечается не только в России, но и в других странах ближнего зарубежья. Так, например, необходимость в усилении борьбы с ним для Кыргызской Республики ясно прослеживается в работе А.Ж. Карим Бекова «Уголовно-правовые и специально-профилактические меры борьбы с бандитизмом (по материалам Кыргызской Республики)» (1999 г.), безусловно представляющей научный интерес как для независимой, суверенной, демократической Кыргызской Республики, так и для Российской Федерации. Нужно четко разграничивать бандитизм от смежных составов преступлений это имеет большое значение, которое обеспечивает выполнение важнейшей задачи правосудия - применение наказания только за конкретно совершенное преступление.[3]

Проверка криминологической характеристики бандитизма играет важную роль в практической деятельности правоохранительных органов, реализующих борьбу с данным видом преступления, в следующих аспектах: а) совершенствование уголовного законодательства, б) организация целенаправленной борьбы, в) постановка конкретных задач, г) определение структуры, штатов органов, ведущих борьбу с бандитизмом, их функций, компетенции и объема деятельности.

Борьба с преступностью и, в частности, с бандитизмом - задача не только одного государства, а всего сообщества. Для этого необходимо налаживать контакты между государствами, для целенаправленной борьбы с преступностью и особенно, между странами участниками СНГ, так как с распадом Союза ССР, границы остались «прозрачными».

На наш взгляд к уголовно-правовым мерам борьбы с таким преступлением как бандитизмом можно отнести: 1) меры предупреждения:

пропаганду уголовного законодательства о бандитизме; побуждение членов вооруженной банды к добровольному отказу от завершения начатых преступных действий; побуждение лиц, являющиеся членами банд к деятельному раскаянию; содействие социальной адаптации правонарушителей, отбывших наказание, в целях предупреждения с их стороны рецидива; 2) меры пресечения: привлечение к ответственности за приготовление или покушение на преступление; 3) меры реализации ответственности лиц, являющиеся членами банд: выявление, регистрация бандитизма, возбуждение уголовных дел и раскрытие преступлений, совершенных бандой; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением и возможной конфискации имущества обвиняемого.

Уголовно-правовые меры борьбы с бандитизмом более результативные тогда, когда они применяются целенаправленно, комплексно и при этом они взаимосвязаны, как единый целостный процесс.[4]

Для эффективной борьбы с бандитизмом необходимо подчинить все достижению главной цели – разгрому банды, путем изобличения возможно большого числа главных действующих лиц, подрыва и нейтрализация экономических основ банд. В этом случае, представляется возможным в отношении отдельных членов банды, которые не принимали участия в организации банды и в совершении тяжких преступлений, предусмотреть примечание к ст. 230 УК КР, стимулирующее деятельное раскаяние:

Лицо, которое является членом банды, но не совершило преступных действий либо совершило деяние, не являющееся тяжким, сдало оружие, добровольно призналось, раскаялось и оказало содействие в разоблачении преступлений, совершенных бандой подлежит освобождению от уголовной ответственности.

В России всегда сложной и трудной была задача борьбы с организованной преступностью, требовавшей недельку больших организационных усилий государства, но материальных и людских ресурсов.[5]

Бандитизм уникален так как объединяет в себе объективные и субъективные признаки, которые присущи многим составам преступления, что позволяет ему при конкретном случае принимать самые неожиданные формы, которые провоцируют правоприменителя на неверные решения.

В этой связи проблема недостаточности теоретической разработки признаков состава бандитизма, практики квалификации бандитизма имеет место быть и по сегодняшний день. Проблема состоит и в том, что изучение борьбы с организованной преступностью нельзя проводить в отрыве от изучения групповых преступлений, так как эти понятия находятся в тесной взаимосвязи. Решение данных проблем и, на наш взгляд, не без успеха предлагается многими учеными-юристами, работающими над ними. Однако подавляющее их большинство обращают внимание на то, что необходимо не только теоретическое изложение наработанного материала, но и практическое закрепление его результатов в действующем законодательстве, с целью корректировки положений ст. 209 УК РФ и придания большей прозрачности ее состава для более четкого отграничения бандитизма от смежных составов.

Список используемой литературы:

1. Якушев Д.В. История развития законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за бандитизм (XX век). // Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. М.: МЮИ МВД России, 1999. С. 67-73.
2. [Электронный ресурс]http://otherreferats.allbest.ru/law/00001171_0.html
3. [Электронный ресурс]<http://www.dissercat.com>
4. [Электронный ресурс]<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1237174>
5. [Электронный ресурс]<http://www.0zd.ru>

КАЗАЧЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Вопрос казачества, которое выступает как субъект деятельности правоохранительных органов, очень актуален в современной России, так как казачество вновь приобретает определенную значимость, как полноправный приемник лучших традиций государственности и служения Отечеству, выработанных на протяжении многих веков и десятилетий существования казачьей общности. В настоящее время в России весьма остро стоит вопрос о новых социальных и политических институтах. В Послании Президента Федеральному Собранию 2005 г. подчеркивается: «В течение последних пяти лет мы были вынуждены решать трудные задачи по предотвращению деградации государственных и общественных институтов. Но в то же время обязаны были создавать основы для развития на годы и десятилетия вперед». Такая социальная группа, как казачество, начала свое возрождение в конце XX - начале XXI века и предприимчиво заявила о своих культурных, политических, экономических интересах, а на региональном уровне продемонстрировала разнообразные формы политической активности.

В истории России особое место всегда занимало казачество, а его возрождение в 90-е годы XX - начале XXI века является ярким проявлением изменений и трансформаций в современной России, которые повлекут за собой существенное влияние на политические ориентиры власти и общества, которые оказывает определенное воздействие на перспективы дальнейшего развития Российской Федерации.

По разным данным около 3-4 миллионов граждан России составляет такая особая этническая группа, как казачество.[1] По итогам переписи

населения 2002 года около 185 000 россиян даже свою национальность определили как «казаки».

Но, тем не менее, казачество только начинает набирать определенные обороты в своем развитии и «возрождении» из состояния упадка. На Олимпиаде в Сочи в 2014 году для охраны общественного порядка во время проведения зимних Олимпийских и Паралимпийских игр было привлечено 410 казаков Кубанского казачьего войска. «Казакам доверили обеспечивать безопасность спортсменов, иностранных делегаций и туристов», - пояснил представитель Кубанского казачьего войска Константин Перенижко. Они несли службу только в казачьей форме и вместе с полицейскими.

Стоит отметить, что Кубань - первый в России регион, где с 1 сентября 2012 года стали действовать казачьи дружины. Изначально численность таких дружин не превышала одну тысячу, сейчас правопорядок вместе с полицией в регионе обеспечивают около 1,5 тысяч казаков. Они имеют право доставлять нарушителей в органы внутренних дел, а так же в их полномочия входит проверка документов, удостоверяющих личность. Процесс взаимодействия государства и казачества, а так же само возрождение данной социальной группы рассматривался в работах С.А. Белова, О.Н. Борисовой, С.Н.Макаренко, Г.О. Мациевского, Г.Г. Небратенко, А.А. Озерова, А.П.Скорика, В.Г. Смолькова, Ю.А. Сошина, Л.Г.Ходового, Я.А. Ястребового. Ошибочно было бы упрекать российскую властную вертикаль в недостаточной проработанности нормативно-правовой базы исследуемого вопроса. Нормативно-правовых и разнообразных регулирующих административных документов по казачеству в эпоху новейшей России было принято предостаточно. В конце 2005 года Государственная Дума России приняла закон «О государственной службе российского казачества». Закон в Думе несколько лет обсуждался, а 5 декабря 2005 года с представления Президента все-таки был принят.

Но в данном нормативном акте существуют определенные проблемы,

которые заключаются в неопределенности конкретных полномочий и фактических действий казаков по несению службы. В законе не прописаны конкретные полномочия казаков по охране государственной границы, таможенной службе, охране общественного порядка, охране окружающей среды, охране природных ресурсов и редких диких животных. Законодатель предлагает казакам заниматься вышеуказанными проблемами на частных началах, и всю деятельность оформлять договорами с органами государственной власти. Из данного закона следует, что основной его целью является привлечение казачества к несению государственной службы, и, прежде всего, в военной и правоохранительной сферах.[2. ст. 5] Но определение самого понятия «казачество» нет, критерии причисления к нему определены слабо и расплывчато.

При несении службы по охране государственной границы, охраны общественного порядка и охраны природных ресурсов у лиц должны быть определенные полномочия задержания правонарушителей и составления документов административного характера, а так же право на ношение оружия. В принятом законе «О государственной службе Российского казачества» не указано право казаков на ношение служебного оружия, составления административных документов (актов, протоколов), и, тем более, нет права на задержание и содержание нарушителей государственной границы в соответствии с действующим законодательством. Так же в законе указывается, что казаки направляются для прохождения государственной службы, но не указывается, на каких началах должны нести службу, и нет ссылки на действующее Законодательство РФ о прохождении службы. Законом предусмотрено заключать договоры с органами государственной власти и местного самоуправления о несении службы, но не указывается, какими договорами, на какой правовой основе должны существовать казачьи общества. В соответствии с Российским законодательством, между казаками и органами власти могут заключаться только гражданско-правовые договоры,

так как в законе о государственной службе казаков нет на это ссылки, поэтому остаются только они. В таком случае, п.5 ст.5 Закона «Российское казачество осуществляет свое право на равный доступ к государственной службе в соответствии с законодательством Российской Федерации» не имеет никакого значения на вышеизложенные юридические полномочия и совместные действия со стороны казаков могут быть в виде добровольных народных дружин.

В социальной сфере закон не даёт казакам правовой защиты на уровне государственных служащих, в случаях причинения вреда здоровью и жизни казакам во время несения ими службы, а также законом не определена государственная защита семей казаков. Если военнослужащий, милиционер, таможенник, и другие госслужащие пострадают при исполнении служебных обязанностей, они могут рассчитывать на пенсию, бесплатное лечение и иные выплаты. У казаков ничего этого нет, и законом не предусмотрены компенсационные выплаты казакам и членам их семей в случае гибели казака или причинения вреда здоровью во время несения службы. В законе о государственной службе казаков нет даже упоминания о социальных гарантиях казаков и их семей, что может плачевно отразиться не только на порядке заключения договоров, но и на дальнейшей жизни казачьих семей. Основная причина недостатков именно в том, что Закон о государственной службе казачества не устанавливает юридический статус казачества на уровне государственных служащих, как указывает закон формально, и казачьи службы не включаются как особая категория субъектов хозяйственной деятельности обладающих преимуществами по налогам, сборам, тарифам, квотам, и льготам, как госслужащие.

По мнению Владимира Зотова, депутата Единой России, необходимо привлечь казаков к проверке рынков и овощебаз Юго-Восточного округа Москвы. Именно на этой территории находится рынок «Садовод», где во время рейда полиции было задержано более тысячи мигрантов. Но так как у казаков нет полномочий для проверки документов, а тем более для

задержания, патрульным придется ограничиться только визуальным осмотром объектов. Они будут следить за внешним видом товара и самого торгового комплекса, а также соблюдение правил техники безопасности. А если казаки заметят нелегальную торговлю, им нужно будет обратиться в полицию.

Игорь Сокуренок, заместитель атамана районного казачьего общества «Юго-восток» согласен с мнением Владимира Зотова и считает, что казак в форме даже своим видом призывает к порядку. «мы хотим участвовать в жизни страны, оказывать содействие в том числе и правоохранительным органам. Мы хотим, чтобы улицы были чистые и преступности было меньше», -говорит заместитель атамана районного казачьего общества. В связи с последними событиями на Украине, обсуждалось решение помочь Украине с урегулированием беспорядков. 28 января 2014 года Депутат Госдумы, казачий генерал и атаман Виктор Водолацкий заявил, что 760 тысяч казаков способны выехать в данную страну. Они готовы поддержать своих братьев. Казачество всегда выступало за мир во всем мире, а учитывая современное положение и за международное сотрудничество. При обсуждении данного решения было так же много прений, в том числе было такое мнение, что такая помощь Российских казаков будет расцениваться как вмешательство во внутренние дела страны. Директор Института прокризисных исследований Вахтанг Чкуасели прокомментировал данную точку зрения: «Россия не может послать казаков на Украину. В России есть только одна официальная казачья дивизия, все остальные казаки свободны в перемещении. Если президент даст указ о вводе казачьей дивизии, которая официально существует в составе вооруженных сил РФ, тогда можно будет сказать, что Россия вмешалась. Все остальные казаки – это общественная организация, которая свободна в своем перемещении».

Таким образом, можно сделать вывод, что казачьи войска, а также казачьи общества можно отнести к правоохранительным органам лишь

формально, так как присутствует совпадение между несением службы казаками и задачами правоохранительных органов (охрана личности, ее прав и свобод, охрана общества, его материальных и духовных ценностей и др.), но юридический статус казачества на уровне государственных служащих не закреплён.

Список использованной литературы:

1. Сошин Ю. Казачество и современная Россия // prava.ya.ru «Правый взгляд» (дата обращения 19.04.2014)
2. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (ред. от 03.06.2009) "О государственной службе российского казачества" // Справочно-правовая система "Консультант Плюс": [Электронный ресурс]/ Компания "Консультант Плюс". – Последнее обновление 29.03.2014 (дата обращения 19.04.2014)
3. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 12. (дата обращения 19.04.2014)
4. Постановление ВС РСФСР от 16 июля 1992 г. № 3321 «О реабилитации казачества» // Российская газета. 23.07.1992. (дата обращения 19.04.2014)
5. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ (ред. от 3.06.2009 г.) «О государственной службе российского казачества» // Парламентская газета. (дата обращения 19.04.2014)
6. Указ Президента РФ от 16 апреля 1996 г. № 562 «Вопросы главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации». (дата обращения 19.04.2014)

О.А. Князева

студентка 132 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ПОЛИЦИИ»

Не секрет, что при реализации законопроекта «О полиции» возникли сложности полного воплощения всех нововведений. Общество, анализируя новую реформу, выделила ряд проблем, например, проблему подготовки и отсеивания кадров, проблему оснащения, смены менталитета сотрудника МВД, проблему финансирования.

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что успешная реализация законопроекта «О полиции» является суммой слагаемых, в число которых входит неукоснительное соблюдение новых положений закона, уровень правового развития страны, в целом экономическая обстановка, а также решение проблем, непосредственно возникших в ходе воплощения реформы.

Опорной целью при оценке реализации законопроекта «О полиции» стало выделение его слабых сторон путём обозначения наиболее насущных проблем.

В первую очередь хочется обратить внимание на материальную базу данного законопроекта, охарактеризовав её наиболее подробно. Вопрос о его финансировании возник ещё на стадии обсуждения. Было принято решение создать бюджет для реализации законопроекта, который частично будет формироваться как из региональных, так и городских бюджетов. Однако решение воплощалось только при окончательном выполнении задач первоочередных.

На одном из осенних заседаний правительства экс-министр финансов Алексей Кудрин сообщал, что правительство зарезервировало дополнительные средства на реформу милиции, но размер общей суммы не был определён полностью. Сумма денег для финансирования реформы составляла на 2012 год - 280 млрд руб. и 608 млрд руб. в 2013 году. Резерв составил 138 млрд руб. на 2012 год и 189 млрд руб. на 2013 год. Однако вопрос о финансировании реформы в 2011 году не был решён, так как средства министерство финансов, ссылаясь на указ президента от 24 декабря 2009 года, в котором говорится, что милиция общественной безопасности начнет финансироваться исключительно за счет федерального бюджета только с 2012 года. До этого времени полицейские существовали лишь формально, на бумаге. [3]

Увеличение заработной платы сотрудника полиции, переоснащение и переэкипировка всего состава, отсеивание кадров требуют колоссальных

затрат, однако по замыслу правительства эта сумма должна оправдать себя, так как эта реформа должна изменить не только принцип работы МВД, но и предотвратить коррупцию в рядах полиции, сделать эту работу престижной. Кроме того, новые изменения в пенсионных расчётах отставных офицеров, вопросы медицинской страховки и прочие элементы соцобеспечения напрямую связаны с вопросом финансирования. Безусловно, финансирование необходимо не только на увеличенные дотации, но и на изменение старой устоявшейся системы.

Рассматривая вопрос финансирования реформы, экс-министр финансов России Алексей Кудрин, признал, что государственный бюджет может не справиться с такими затратами [3]. В целом, министерство финансов, оценивая государственный бюджет, пришло к выводу о том, что оснований для вступления законную силу нового законопроекта нет из-за отсутствия необходимых финансовых средств.

Безусловно, реализация реформы возможна с дополнительными расходными обязательствами государства. В связи с этим министерство финансов внесло предложение провести совещание с участием заинтересованных ведомств по формированию позиции правительства в связи с возможными незапланированными расходами. В частности Алексей Кудрин отмечает, что законопроект не отражает источников финансирования некоторых полномочий полиции, например, не указаны источники субсидий на введении для сотрудников полиции обязательного медицинского страхования, получения жилья, бесплатного проезда на общественном транспорте [3]. Также в законопроекте не рассматривается вознаграждение за помощь в раскрытии преступлений и задержании совершивших их лиц, финансирования участия полицейских в проведении экспертной оценки безопасности объектов, формировании и ведении банков данных.

Анализируя сложности финансирования законопроекта «О полиции», также можно выделить и другие насущные проблемы, реализация которых связана с материальной базой законопроекта.

Сильно устаревшая техническая база, а именно отработавшая свой срок техника, не соответствующие общепринятым нормам экземпляры – это печальная характеристика оснащения милиции на дореформенной стадии. Задача по переоснащению правоохранительных органов реализуется постепенно, к ней подошли с умом, основательно обдумав каждый этап. Совершенствование системы технологических средств, постепенное внедрение альтернативных мощных видов оружия, а также улучшение автопарка МВД, безусловно, являются небольшим прогрессом по сравнению с той ситуацией, которая существовала лет 15-20 назад. Однако потребность в качественном переоснащении возникла ещё до принятия решения о реформировании милиции, и своевременное решение этого вопроса позволило бы избежать таких больших затрат, с которыми на сегодняшний день столкнулось государство. Кроме того, ориентируясь на международные стандарты, стоит отметить, что оснащение полиции России отнюдь не является лидирующим среди европейских стран, оставляет желать лучшего.

Недостатки традиционных методов обучения, в число которых входят закрытость институтов профессиональной подготовки, расхождения между теорией и практикой, ограниченные возможности оценки и внешнего контроля порождают проблему подготовки кадров. Низкий уровень профессионализма приводит к тому, что феномен дискреционных полномочий сотрудника полиции выходит на первый план при организации его деятельности. Причина слабости подготовки кадров кроется в отсутствии новой, эффективной системы, способной воспитать такого защитника прав и законных интересов общества, который является идеалом для каждого человека. Но для формирования успешной системы требуется, как и огромный ресурс времени, так и не исключается метод проб и ошибок, что впоследствии может подорвать доверие общественности.

Реализация реформы милиции России не прошла в той мере, как это задумывал законодатель. В ходе воплощения новых положений возникли сложности, которые тормозили эффективную реализацию правовых идей. Проблема финансирования законопроекта « О полиции» является одной из ключевых. Необходимая сумма финансовых затрат – это главный двигатель всего процесса реформирования, это базис успешного воплощения новых задач.

Возникшие сложности в формировании отдельного бюджета для реализации законопроекта, а также в финансировании деятельности полиции за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов России, местных бюджетов обусловили постепенность преобразований реформы, невозможность быстрого воплощения истинных целей законодателя.

В целом можно отметить, что материальная база законопроекта «О полиции» не обладала достаточными средствами для своевременной реализации всех нововведений, вследствие чего реформирование милиции затянулось, не достигло того правового результата, к которому стремился законодатель. Кроме того, ряд других проблем, упомянутых выше, также не позволил достичь идеальной модели реализации законопроекта. Таким образом, решение этих проблем – это правильный путь не только к успешной реализации закона, но и впоследствии важный критерий модели правового государства.

Список использованной литературы:

1. О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. №3-ФЗ (ред. от 04.02.2014) РФ//Справочно-правовая система “Консультант Плюс”: [Электронный ресурс]/ Компания “Консультант Плюс”. – Последнее обновление 29.03.2014.
2. Указ Президента РФ от 24.12.2009 N 1468 (ред. от 01.03.2011) "О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации"//Справочно-правовая система “Консультант Плюс”: [Электронный ресурс]/ Компания “Консультант Плюс”. – Последнее обновление 29.03.2014.
3. У Минфина нет денег на создание полиции в 2011 году. <http://www.rosbalt.ru/main/2010/12/09/798809.html> (дата обращения: 21.04.2014)

4. Законопроект «О полиции» - шаг назад в реформе МВД. <http://polit.ru/article/2010/08/27/npomvd/> (дата обращения: 21.04.2014)
5. Принципы реформирования МВД. <http://newsland.com/news/detail/id/379144/> (дата обращения: 21.04.2014)

М.П. Козлова

студентка 164 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Банковская система Российской Федерации является наиболее прибыльной сферой предпринимательской деятельности, в которой часто происходят незаконные процессы. Банковский сектор наиболее привлекателен для осуществления незаконных операций в крупных размерах. Ежегодно из-за незаконной банковской деятельности государство, а также простые граждане несут огромные убытки.

Ответственность кредитной организации за нарушения законодательства в целом регламентируется многими нормативно-правовыми актами. Зачастую каждый шаг кредитной организации будь то валютные операции, вклады или их страхование, предоставление кредитов оговорены отдельным нормативно правовым актом. Ответственность за нарушение законодательства кредитной организацией определяется гражданским, административным и уголовным кодексом РФ. Вина за нарушение банковского законодательства может быть вменена как руководителю кредитной организации, так и отдельному сотруднику совершившему преступление.

Криминализация - это процесс признания деяния преступным и закрепление его признаков в уголовном законе, а также установление за него уголовной ответственности. Таким образом, криминализация незаконной

банковской деятельности это процесс отнесения незаконной деятельности банков к разряду уголовных преступлений.

В Уголовном Кодексе нет отдельной главы регламентирующей банковские преступления. Нормы уголовного кодекса предусматривающие ответственность за нарушение законодательства можно разделить на направленные на защиту установленного государством порядка функционирования кредитной организации, и направленные на защиту интересов отдельных лиц – клиентов вкладчиков, или собственников кредитной организации.

Преступления в банковской сфере приравниваются к преступлениям в сфере экономики и относятся к Разделу 8 Уголовного кодекса РФ.

Уголовный Кодекс предусматривает наказания за следующие незаконные виды банковской деятельности: мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, с использованием платежных карт, незаконная банковская деятельность, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, преднамеренное или фиктивное банкротство. Фактически к преступлениям, относящимся к банковской деятельности в УК РФ является только ст. 172 «Незаконная банковская деятельность». Это связано с тем, что в основном преступления в банковской сфере регламентируются в Административном Кодексе РФ. В УК РФ регламентируются только те преступления условиями привлечения по которым выступает причинение крупного ущерба, либо извлечение дохода в крупном размере. Ст. 169 УК РФ предусматривает что крупный ущерб, доход равен 1,5 млн. руб., а особо крупный 6 млн. руб.

Незаконная банковская деятельность (ст.172) осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или лицензии, в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Наказывается штрафом от 100-300т.руб, либо лишением свободы до 4 лет, то

же деяние совершенное группой лиц влечет штраф до 1 млн. руб., либо лишением свободы сроком до семи лет.

Объективная сторона данного преступления выражается в нескольких формах - осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без лицензии в случаях, когда такое разрешение обязательно; осуществление банковской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий [3, с. 32].

Данная норма имеет некоторые неточности. По мнению М.А. Савкиной статья 172 УК РФ имеет некоторые расхождения с ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности. Часть 1 ст. 172 УК РФ указывает на то, что незаконная банковская деятельность - это осуществление банковской деятельности без регистрации в случаях, когда такое разрешение обязательно [4, с.48]. При этом ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности» устанавливает две категории лиц, имеющих право на осуществление банковских операций – это банковские организации и небанковские кредитные организации [5, ст. 492]. Для них ФЗ «О банках и банковской деятельности» прямо предусматривает обязательность получения лицензии на осуществление банковских операций. Кроме того, все кредитные организации подлежат государственной регистрации в соответствии с пунктом 7 статьи 12 закона, В нем говорится, что кредитная организация имеет право осуществлять банковские операции с момента получения лицензии, выданной банком России. Это подтверждает и ст. 13 п. 1 - осуществление банковских операций производится только на основании лицензии выданной Банком России.

Таким образом, прослеживается некоторая неточность между положением ст. 172 УК РФ и ФЗ «О банках и банковской деятельности». При этом ч. 10 ст.13 ФЗ «О банках и банковской деятельности» указывает, что коммерческая организация, не являющаяся кредитной организацией вправе осуществлять без лицензии Банка России куплю продажу иностранной валюты в наличной и безналичной формах, при заключении на бирже

договоров о приобретении иностранной валюты в целях выполнения функций центрального контрагента в соответствии с законом «О клиринговой деятельности». Но такая организация не является кредитной организацией, поэтому не верно будет ее отнесение к ст. 172 УК РФ. Из вышесказанного следует, что ст.172 УК РФ нуждается в некотором уточнении, так как слова «в том случае когда такое разрешение обязательно» вызывают споры.

Ст. 172 УК РФ содержит формулировку «если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям, или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере». Целесообразно здесь разделить последствия извлечения крупного дохода и причинения крупного ущерба, так как получение крупного дохода, не столь тяжело как причинение крупного ущерба гражданам, если только второе не произошло по причине первого. Здесь причинение крупного ущерба является деянием более тяжким, чем извлечение дохода в крупном размере, что как следствие заставляет разделить и степень ответственности за эти деяния, нецелесообразно здесь нести одно и то же наказание за разные по тяжести поступки.

А.Г. Корчагин и В.В. Сонин в своей статье высказывают мнение, что к банковской деятельности следует относить не только осуществление банковских операций, но некоторых сделок указанных в ст.5 ФЗ «О банках и банковской деятельности» [6, с.239]. На наш взгляд, это несколько нецелесообразно, так как к сделкам относятся выдача поручительств, приобретение права требования от третьих лиц, осуществление операций с драгоценными металлами и камнями, лизинговые операции и т.д. Такие сделки могут осуществляться не только банками, и соответственно отнесение их к чисто банковским сделкам создадут больше путаницы и чем помогут упорядочить процесс.

Субъектом незаконной банковской деятельности могут выступать руководители кредитной организации, или отдельные должностные лица (к примеру, руководители подразделений), главный бухгалтер. Но и здесь

существуют споры. Так, по мнению Э. Мурадова, под действие ст.172 попадают также и граждане, систематически осуществляющие банковские операции без регистрации, к примеру, куплю продажу валюты, кредитные операции. Б.В. Волженкин писал: «...Физическое лицо при всем желании не может быть зарегистрировано как субъект банковской деятельности и получить лицензию на право осуществления соответствующих банковских операций» [7, с. 53]. Однако, в соответствии с ч.8 ст. 13 ФЗ «О банках и банковской деятельности», устанавливающей, что граждане, незаконно осуществляющие банковские операции, несут в законном порядке гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, Б.В. Волженкин признал, что незаконным является предоставление одним физическим лицом в собственность другим лицам денег, с условием возврата и уплаты процентов, операции с иностранной валютой в обход обменных пунктов так же являются незаконными. Также здесь следует помнить, что преступления зачастую могут совершаться группой лиц, в зависимости от степени осведомленности участников, направленности умысла решается вопрос о соучастии [8, с. 220].

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины, хотя не исключается и неосторожность.

Из вышесказанного следует, что ответственность кредитной организации частично регламентируется Уголовным Кодексом РФ. УК РФ признает преступлением только такую незаконную банковскую деятельность, результатом которой стало извлечение крупного дохода или причинения ущерба гражданам или государству. Рассматриваемая уголовно-правовая норма нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список использованной литературы:

1. www.Wikipedia.org/wiki/преступление. Понятие криминализации. Дата обращения 22.04.2014
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации 13.06.1996 №63-ФЗ, ред. от 19.11.2013 № 24-П

3. Кратенко М. Проблемы уголовной ответственности за осуществление незаконной банковской деятельности./Уголовное право. 2009, №5, с 32.
4. Савкина М.А. Несовершенство норм Российского уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности../Юстиция. №11,2013. С. 48.
5. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 №395-1(ред.от. 02.12.2013)/ Собрание законодательства РФ, 05.02.1996,№6, ст.492.
6. Корчагин А.Г, Сонин В.В. Современные проблемы ответственности в банковской сфере России/Право и политика. 2010,№2, С. 239
7. Мурадов Э. Субъект незаконной банковской деятельности./ Законность 2009, №6, с 53.
8. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России./Юрид. Центр –пресс. СПб. 2007. С 220.

А.С. Королева

студентка 164 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАЦИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

На администрации воспитательных колоний возложена ключевая функция по предупреждению совершения преступлений несовершеннолетними, как во время отбывания уголовного наказания в стенах пенитенциарного учреждения, так и после его отбытия. Однако, как показывают статистические данные, удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии в период с января по декабрь 2013 года, увеличился с 5,1% до 5,4% по сравнению с 2012 годом. При этом отмечается, что каждое второе преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Так, кражи, грабежи и разбой совершают в большинстве случаев лица, которые уже привлекались к уголовной ответственности в несовершеннолетнем возрасте[1].

Данные факты являются показателями неэффективной работы администраций воспитательных колоний по предупреждению совершения преступлений несовершеннолетними.

По смыслу п. 1 ст. 141 УИК РФ организация учебно-воспитательного процесса носит комплексный характер и включает в себя следующие направления: правовое, нравственное, трудовое воспитание, а также содействие в получении образования. На практике данные мероприятия не приводят к желаемому результату, а именно, не достигаются цели наказания. Это объясняется, на наш взгляд, следующими причинами.

Так, в ч. 1 ст. 1 УИК РФ цели наказания сформулированы следующим образом: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами»[2]. Таким образом, первостепенной целью исполнения наказания является исправление. По мнению Ощепкова А.Л, такая формулировка задает уголовно-исполнительной системе и ее сотрудникам определенный насильственный посыл и приводит возникновению антагонизма между сотрудниками и осужденными. В отношении несовершеннолетних такая установка тем более неприемлема[3, с.60].

Для сравнения. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в качестве целей воспитательного воздействия, предусматривают «обеспечение опеки, защиты, образования и профессиональной подготовки с целью оказания им помощи для выполнения социально-полезной и плодотворной роли в обществе» [4]. Об исправлении, как ключевой цели воздействия на несовершеннолетних осужденных, в правилах не упоминается.

По нашему мнению, такой подход к определению целей воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных является наиболее приемлемым. Его внедрение в российскую уголовно-исполнительную систему изменит способ взаимоотношений между

администрацией воспитательной колонии и осужденными, создаст благоприятный психологический климат в данной среде.

Далее, служба в уголовно-исполнительной системе не считается престижной среди населения страны, денежное довольствие сотрудников не соответствует объему, сложности и характеру работы. На наш взгляд, данные обстоятельства не могут не сказаться на качестве работы сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ, в том числе и администраций воспитательных колоний[5].

Следующей причиной неэффективности деятельности администраций воспитательных колоний является нарушение принципа индивидуальности при исполнении уголовного наказания в отношении несовершеннолетних. Нередко, в виду большой загруженности, нехватки кадров, в том числе и психологов, индивидуальный план воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними осужденными составляется по шаблону, что приводит к неправильному составлению программы воспитательного воздействия на осужденного, не учитываются его личные качества и особенности и как следствие, не достигаются цели наказания.

Помимо этого, воспитательный процесс в воспитательных колониях носит однообразный характер. Так, администрациями воспитательных колоний не всегда применяются «нетрадиционные» меры воспитательного воздействия на несовершеннолетних, как, например, встречи с бывшими воспитанниками колонии, ведущими правомерный образ жизни, которые на своем примере покажут молодому поколению, что добиться положения в обществе, высокого денежного дохода возможно не преступным путем, а посредством своих талантов, стремлений и трудолюбия.

Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов, комментируя неблагоприятную ситуацию, которая сложилась в воспитательных колониях по всей России, заметил, что во многих колониях подростков до сих пор обучают невостребованным устаревшим

специальностям: оператор ЭВМ, электромонтажник, швея. В результате, освободившись, несовершеннолетние не могут устроиться на работу[6].

На основе анализа вышеизложенных причин предлагаем ряд мер, способствующих повышению эффективности деятельности администраций воспитательных колоний по предупреждению преступлений несовершеннолетних.

1. Повысить денежное довольствие сотрудников воспитательной колонии, а также создать для них дополнительные гарантии и льготы.

2. Считаем необходимым изменить подход к пониманию целей уголовно-исполнительного воздействия в отношении несовершеннолетних. Поэтому предлагаем ст. 1 УИК РФ дополнить пунктом 1.1 в следующей редакции: «В отношении несовершеннолетних осужденных уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями обеспечение защиты, заботы, образования, трудового воспитания для предупреждения совершения ими новых преступлений».

3. Необходимо увеличение кадрового состава в воспитательных колониях, поскольку, на сегодняшний день, на каждого начальника отряда приходится сто и более человек подопечных. Считаем нужным и увеличение численности психологов в воспитательных колониях. Именно от их наличия и профессионализма во многом зависит исход пребывания несовершеннолетних в воспитательных колониях. Помимо этого, предлагаем ввести в высших учебных заведениях направление подготовки «Пенитенциарный психолог», поскольку на практике остро встал вопрос о нехватке данных специалистов.

Список использованной литературы:

1. Состояние преступности за январь-декабрь 2013 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел России [Сайт]. URL:<http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 07.04.2014)
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // СЗ РФ.13.01.1997, N 2, ст. 198.

3. Ощепков А.Л. Некоторые дискуссионные вопросы преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры для несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. №43 (302). 2012.
4. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних // Сайт Организации Объединенных Наций [Сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 07.04.2014).
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 31.05.2012) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 25.10.2010, N 43, ст. 5544.
6. РИА «Новый регион» // URL: <http://www.nr2.ru/chel/348158.html/> (дата обращения: 07.04.2014)

Ю.С. Максимова

студентка 164 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Федеральным законом от 08 декабря 2003 года № 162 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в УК РФ внесено около 250 новых редакций и уточнений модифицируемых статей и частей УК РФ, которые повлекли появление новой редакции УК РФ. [1, с.1] Проведение такой мини-реформы уголовного законодательства сопровождалось исключением и признанием утратившими силу ряда статей, частей и пунктов статей, а также обновлением более чем 70 частей действующих статей и включением в УК РФ абсолютно новых статей. Данные изменения охватили широкий круг проблем совершенствования УК РФ. Реализуемый ФЗ в полной мере соответствует государственному курсу на декриминализацию общества, его гуманизацию, придание системе исполнения наказаний социальную направленность.

Это направление находит свое выражение в некоторых проявлениях законотворческой практики, таким как: исключение отдельных видов

наказания из установленной законом системы наказаний; преобразование содержания наказания; введение в альтернативную санкцию менее строгих видов наказания; ограничение сферы применения отягчающих обстоятельств и т.д.

Тем не менее, отмечая гуманность некоторых изменений, внесенных в УК РФ по отношению к лицам, совершившим преступления, считаю невозможным превалирование принципа гуманизма над другими принципами УК РФ, например, над принципом справедливости, по которому меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать степени общественной опасности преступления. [2, с.4]

Поэтому вызывает сомнение декриминализация ряда составов преступлений, связанных с причинением по неосторожности вреда здоровью средней тяжести, в том числе и при недобросовестном исполнении своих обязанностей должностным лицом. В связи с этим, считаю необходимым проанализировать декриминализацию таких составов преступлений, как часть 3 статьи 118 УК РФ - причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и часть 4 статьи 118 УК РФ - то же деяние, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. [2, с.44]

Последствия данных преступлений равносильны для потерпевших длительным расстройством здоровья или стойкой утратой общей трудоспособности менее чем на одну треть. При декриминализации ответственности за причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности, таким образом, усугубляется положение потерпевших, потерявших здоровье вследствие, к примеру, нежелания работодателем создать безопасные условия труда. [8, с.105]

Для того чтобы оценить последствия декриминализации по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью, необходимо дать определения терминам «здоровье» и «вред здоровью средней тяжести».

В общем, понятие «здоровье» - это состояние любого живого организма, при котором он в целом и все его органы способны полностью выполнять свои функции; отсутствие недуга, болезни.

Согласно п.2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. N 522 под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды. [3, с.2]

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденными Министерством здравоохранения и социального развития РФ. [4, с.3]

Вред здоровью средней тяжести характеризуется тем, что он не является опасным для жизни человека в момент причинения и не влечет последствий, предусмотренных статьей 111 УК РФ. Однако он вызывает длительное расстройство здоровья потерпевшего или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть либо приводит к наступлению обоих этих последствий.

Научно-технический прогресс привел к появлению и расширению новых, специальных видов причинения тяжкого вреда здоровью. К примеру, вред здоровью средней тяжести, причиненный по неосторожности, является достаточно распространенным последствием совершения преступлений, предусмотренных статьей 264 УК РФ - нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, статьей 143 УК РФ - нарушение правил охраны труда и т. д.

До принятия Федерального закона №162 к уголовной ответственности по части 1 статьи 264 УК РФ привлекалось лицо, управляющее автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, нарушившее правила дорожного движения или эксплуатации транспортного средства,

повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека. В результате декриминализации к уголовной ответственности по части 1 статьи 264 УК РФ можно привлечь лицо, причинившее по неосторожности только тяжкий вред здоровью.

В настоящее время лица, нарушившие правила дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, повлекшие причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью человека предусмотрена лишь административная ответственность. [5, с.12]

Данная политика государства, направленная на гуманизацию российского законодательства привела к образованию существенного правового пробела.

На практике дифференцирование средней тяжести вреда здоровью и тяжкого вреда представляет иногда немалые трудности. К примеру, обычный перелом может квалифицироваться, как вред здоровью средней тяжести. Но в случае, если произойдет общая стойкая утрата трудоспособности, его также можно расценить и как тяжкий вред здоровью. [6, с.11]

Таким же образом можно оценить и изменения, внесенные в статью 143 УК РФ, в которой декриминализованы деяния в виде причинения вреда здоровью средней тяжести по неосторожности при нарушении правил техники безопасности или иных правил охраны труда.

Законодатель не учел в должной мере все социальные и криминологические факторы, предопределяющие ответственность за нарушение правил техники безопасности. Детально не проработана общественная опасность нарушения правил техники безопасности, при которой возможно причинение вреда здоровью сразу нескольким лицам, наступление множественности последствий.

А.М. Яковлев справедливо отмечает, что у декриминализации два значительно отличающихся друг от друга основания – признание законности того поведения, за которое наступала ранее уголовная ответственность, и возможность и целесообразность реагирования на подобные акты не в форме

уголовного наказания, а путем применения альтернативных видов социального (государственного и общественного) реагирования.[6, с.17]

Трансформация уголовного законодательства, происходящая в последнее десятилетие объясняется совершенно оправданной ориентированностью на курс гуманизации уголовного законодательства. Помимо этого, ослабление ответственности за некоторые составы преступлений санкционирует большое снижение количества лиц, приговоренных к лишению свободы и содержание их в уголовно-исполнительных учреждениях.

Подобные смягчения наказания в итоге приводят к несоблюдению принципа соответствия характеру и степени общественной опасности преступления, а также существенно усложняют работу правоохранительных органов. [7, с.16]

Исходя из вышеизложенного, считаю необоснованным решение законодателя о декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по части 3 и 4 статьи 118 УК РФ.

Неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью обладает выраженным характером и достаточно высокой степенью общественной опасности, а также причиняет значительный материальный и моральный ущерб. Поэтому поддается воздействию исключительно уголовно-правовыми средствами. Следовательно, необходимо поставить вопрос о его криминализации.

Также считаю целесообразным криминализировать преступные деяния, предусмотренные статьей 143 УК РФ, повлекшие причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности при нарушении правил охраны труда. Данная норма заставит работодателя более качественно подходить к организации трудового процесса и исключить производственные факторы, способные вызвать у работника неблагоприятные последствия со здоровьем. В крайнем случае, обяжет обеспечить снижение уровня воздействия данных факторов до значений социально допустимого риска.

Несмотря на наличие серьезных дефектов в уголовном законодательстве, связанных с излишним смягчением участи виновных лиц, считаю, что обдуманная и взвешенная уголовная политика требует системного подхода и рационального сочетания мягкого наказания за малозначительные преступления с ужесточением карательных мер для лиц, совершивших преступления, представляющие повышенную опасность для нормального функционирования определенных общественных отношений и государства в целом.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"; [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122992/?frame=1 (дата обращения: 24.04.2014); п.44; п.69; п.189
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) 1996 г. N63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) [Сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 15.04.2014); ст. 111, 112, 115,118.
3. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. N 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».[Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121937/ (дата обращения: 24.04.2014); п.2; п.6; 2011
4. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»;
5. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.05.2014);[Сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/> (дата обращения: 06.05.2014).
6. Елисеева Н. Водитель, пешеход и Уголовный кодекс // Бизнес-адвокат. - 2004. - №3.
7. Ильичев В. А.. Несовершенство уголовно-правового законодательства снижает эффективность борьбы с преступностью // Право и политика. - 2005. - №10. -
8. Кашепов В. П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // Журнал российского права. – 2005. - №12.
9. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация/ В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева; Академия Наук СССР. Институт государства и права. -М.: Наука,1982.

ПОНЯТИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Теоретической разработке различных проблем предупреждения преступности в криминологии посвящены работы многих выдающихся ученых: Ю.М. Антонян, Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, Б.С. Волкова, С.Е. Вицина, А.А. Герцензона, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, А.Н. Игнатова, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.Е. Квашиса, В.В. Лунеева, А.В. Наумова, С.С. Остроумова, С.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло, Н.А. Стручкова, А.Б. Сахарова, Л.О. Франка, А.М. Яковлева и ряда других. «После мировых и крупных региональных войн преступность является самой большой опасностью для человека, его демократического, экономического, социального, гуманитарного, экологического, научно-технического и международного развития»[5, с. 47].

Надежда на построение бесклассового, бесконфликтного, беспреступного общества рухнула, как и не сбылись предположения умеренных криминологов о снижении преступности в связи с экономическим, социальным и технологическим развитием.

Впервые идея о том, что предупреждение преступности имеет приоритет перед карательной политикой государства, была высказана еще Платоном в IV в. до н.э., но практическое воплощение в жизнь она получила сравнительно недавно. Правовую аргументацию она получила в работах ученых классической школы уголовного права XVIII века, заложивших основу политики в борьбе с преступностью. Суть ее такова: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»[4, с. 183].

Предупреждение преступности – это система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминации преступности, имеющие целью ресоциализацию потенциальных преступников, предотвращение совершения новых преступлений, а также направленных на устранение или нейтрализацию причин и условий возникновения преступлений. Многие авторы свои учебников указывают на то, что предупреждение преступлений не только комплекс мер устраняющих причины и условия совершения преступлений, но и блокирующих их действие, и тем самым обеспечивающих снижение, а в хорошей перспективе окончательное искоренение преступности, хотя это уже утопия.

Поскольку криминология является ещё советской понятийной наукой, рассматривающей вопросы причин и условий совершения преступлений, личности преступников для облегчения работы правоохранительных органов, то можно смело сказать, что предупреждение преступления включает в себя общегосударственные мероприятия экономического, социального идеологического, культурно-воспитательного порядка, законодательство правового плана, сочетающее убеждение и принуждение в процессе борьбы с преступностью. Также, это деятельность государственных органов и общественных организаций, а в частности МВД, прокуратуры, юстиции, суда, по выявлению причин и условий совершения преступлений и принятию мер к их устранению, раскрытию, расследованию и судебному разбирательству дел о преступлениях, наказанию преступников, действий, направленных на исправление и перевоспитание осужденных, надзору за законностью поведения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также по воспитанию лиц, приговоренных судами к мерам наказания, не связанных с лишением свободы, либо неустойчивых людей, еще не совершивших преступления, но ведущих себя антиобщественно либо аморально.

Так, согласно приказу МВД России от 17.01.2006 N 19 (ред. от 30.12.2011) "О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений" понятие предупреждения преступлений именно ОВД – это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. «Задачами ОВД предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, противодействия криминогенным процессам в обществе, обеспечения сдерживания и сокращения преступности» [1].

Если рассмотреть предупреждение преступности организованной и коррупционной направленности, терроризма и экстремизма, то предусмотрено создание действенных форм и методов борьбы с организованной преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом на основе комплексного объединения усилий правоохранительных органов и органов исполнительной власти области, организаций Саратовской области и граждан; недопущение террористических актов и всех видов экстремизма; создание и обеспечение эффективного функционирования единой системы борьбы с ними, позволяющей поддерживать высокую степень готовности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению и пресечению террористических актов, ликвидации их последствий, а также по своевременному раскрытию и расследованию указанных преступлений. «Предполагается: дальнейшее укрепление подразделений правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью, обеспечение координации действий подразделений в вопросах оперативно-розыскной деятельности, особенно при реализации оперативной информации об организованных преступных группах и сообществах, проведении иных комплексных мероприятий; разработка и внедрение эффективных средств,

форм и методов работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению деятельности организованных преступных групп и сообществ; кадровое укрепление правоохранительных органов, участвующих в предупреждении и пресечении актов терроризма и экстремизма, и улучшение их материально-технического оснащения» [2].

Достижение высокой степени эффективности осуществления мер по борьбе с терроризмом и проявлениями экстремизма, прежде всего за счет согласованных действий органов государственной власти, общественных объединений и граждан; разработка и осуществление необходимых мер по обеспечению безопасности жителей области по месту жительства, в местах массового пребывания людей, на объектах промышленности и в транспорте; повышение роли органов исполнительной власти области, средств массовой информации в работе по усилению бдительности граждан, привитию гражданам навыков поведения в экстремальных условиях; снижение удельного веса преступлений с применением незаконно хранящегося оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, выявление фактов незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; усиление охраны объектов с помощью стационарных постов милиции и технических средств охраны с целью недопущения террористических актов, иных преступных посягательств.

Теоретические разработки концептуальных основ функционирования системы профилактики были положены многими Российскими учеными, они станут вкладом в создание новых начал деятельности по предупреждению преступлений. По мнению ряда специалистов, исходными и ключевыми категориями, пронизывающими профилактическую деятельность во всех ее аспектах, должны стать законность и права человека. Эти два принципа должны лежать в основе любого профилактического процесса.

Список использованной литературы:

1. Приказ МВД России от 17.01.2006 N 19 (ред. от 30.12.2011) "О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений"
2. Постановление Правительства Саратовской области от 21.10.2010 N 501-П (ред. от 11.12.2013) "О долгосрочной областной целевой программе "Профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью на территории Саратовской области" на 2011 - 2013 годы"
3. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. N 1. С. 19 - 21.
4. Криминология / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. академика В.П. Сальникова. СПб., 1998. С. 183.
5. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. N 5. С. 47

И.Д. Ренева

студентка 132 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ

В России идея создания независимого следственного органа была реализована Петром I в его судебной реформе, одним из направлений которой стало разделение уголовного процесса на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства.

Во времена правления Петра I появились «майорские» следственные канцелярии, которые полностью подчинялись царю. К подследственности этих органов были отнесены дела о наиболее опасных деяниях, посягающих на основы государственности, в первую очередь это были преступления, совершенные должностными лицами. Поскольку новые органы были независимы от других органов государственной власти и подчинялись непосредственно царю, это позволило обеспечить объективность во время уголовного преследования должностных лиц.

К сожалению, после смерти Петра I независимые следственные органы упразднили и концепция вневедомственной модели организации следственных органов была надолго забыта.

В начале XIX в. произошли существенные изменения петровской модели следственного органа. Так, функция предварительного следствия стала традиционной формой досудебного производства для всех категорий уголовных дел, поэту наделение следственного органа гарантией организационной независимости отпала. С 1723 до 1860 г. расследованием преступлений занимались неспециализированные судебные и административные органы – Главная полицмейстерская канцелярия, Сыскной приказ, нижние земские суды и основанные в 1782 г. управы благочиния. В этот период зарождается новая, а именно административная модель организации следственного аппарата.

В конце 18 века способы предварительного следствия разделились на две группы: первая группа включала в себя наиболее тяжкие преступления с более сложной формой их расследования, вторая группа включала менее тяжкие преступления, и, соответственно, более легкую форму расследования. Но вскоре были обнаружены существенные недостатки административной модели следственного аппарата. Незаинтересованность Министерства внутренних дел привела к росту коррупции и возникновению новых видов преступности, а именно экономической. Таким образом, следственный аппарат теряет способность противостоять посягательствам на основы государственности.

В то время возврат к петровской модели не рассматривался, поэтому в итоге судебных реформ, проводимых в середине 18 века следственные органы были выведены из состава полиции и перешли к судам. Можно сделать вывод о том, что данные нововведения положили начало развитию судебной модели организации следственного аппарата.

Такая модель просуществовала до Октябрьской революции 1917 г. На основании декрета от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» институт судебных

следователей был упразднен. В то время советская юстиция фактически являлась одним из инструментов классовой борьбы, поэтому следственные подразделения создавались практически во всех правоохранительных структурах. Так, 22 ноября 1918 г. был образован единый следственный отдел ВЧК, а 11 августа 1921 г. — следственная часть при Президиуме ВЧК.

Проводимые в 1923-1927 гг. административные реформы заменяют судебную модель следственных органов на административную, поскольку на тот момент она виделась более управляемой. Так, 1927 г. в Московской губернии в порядке эксперимента судебные следователи были переведены в органы прокуратуры. Эксперимент удался, что привело к передаче руководства следственным аппаратом в полное распоряжение прокуратуры РСФСР. На данном этапе развития следственных органов судебная модель окончательно утрачивает свою силу. По постановлению СНК СССР от 5 ноября 1936 г. «О структуре Прокуратуры Союза ССР» в Прокуратуре СССР был учрежден следственный отдел.

Дальнейшее развитие следственного аппарата связано исключительно с периодическими перераспределениями функции предварительного следствия между прокуратурой и органами внутренних дел. Такое перераспределение не зависело от каких-либо научных или политических доктрин, а только от влияния руководителя ведомства на высшее руководство страны.

Так, в немалой степени под влиянием Генеральной прокуратуры в ходе судебной реформы 1956 – 1964 гг. было упразднено Министерство внутренних дел. Во вновь созданном ведомстве, названном Министерством охраны общественного порядка, следственного подразделения не было.

С этого времени объем дел, расследуемых следственными подразделениями органов прокуратуры, стал неуклонно возрастать. Однако в середине 1960 г. с усилением политического влияния руководства Министерства охраны общественного порядка РСФСР и ослаблением позиций Генеральной прокуратуры ситуация стала меняться.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. в Министерстве охраны общественного порядка было создано следственное подразделение. Так, наметилась тенденция к расширению круга дел, подследственных следователям органов внутренних дел, за счет сокращения круга дел, отнесенных к подследственности следователей прокуратуры. К 1990 г. в производстве следователей органов внутренних дел находилось свыше 90 % уголовных дел, а следователей прокуратуры – всего 9,1%.

С начала периода «оттепели» в 1960 годах стала очевидной необходимость реформирования действующей административной модели следствия. На этом этапе вспомнилась вневедомственная петровская модель предварительного следствия. Таким образом в апреле 1990 г. на I съезде народных депутатов СССР Комитету Верховного Совета СССР по законодательству и Совету Министров СССР было поручено подготовить и внести предложения о создании «союзного Следственного комитета», но, в силу того, что Верховный совет был, данный закон не был принят. Попытки внести изменения не увенчались успехом из-за нестабильной политической обстановки в стране.

И только в 2007 г. удалось принять федеральные законы от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Согласно данным нормативным правовым актам из компетенции прокурора исключается возможность по процессуальному руководству следствием. Но самым главным нововведением было то, что следственный аппарат органов прокуратуры стал относительно самостоятельным ведомством.

Все это определяет дальнейшее развитие следственного органа как независимого ведомства.

Вместе с тем в соответствии с частью 3 статьи 20.1 Федерального закона «О прокуратуре» Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации назначался на должность и освобождался от должности Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ. Первый заместитель и заместители Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации назначались на должность и освобождались от должности Президентом РФ по представлению Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ. Таким образом, на данном этапе развития, несмотря на объединение Следственного комитета с органами прокуратуры, административная подчиненность руководителя следственного ведомства Генеральному прокурору Российской Федерации была устранена. Вопросы кадровой политики, определения структуры ведомства, а также наделения работников следственного органа полномочиями были переданы в компетенцию Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

На этом этапе следственная модель больше не является административной и уже включает в себя традиционные признаки вневедомственной модели: организационную независимость и отсутствие административного подчинения и подотчетности руководителю непрофильного ведомства; функциональную независимость, которая обеспечивала объективность и беспристрастность расследования. Организационная включенность в структуру органов прокуратуры носила лишь формально-правовой, а не административный характер.

Но окончательное возвращение к петровской модели организации следствия произошло 15 января 2011 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». В пояснительной записке отмечалось, что функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры Российской Федерации создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий

прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усиления взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Согласно Федеральному закону «О Следственном комитете Российской Федерации» руководить деятельностью следственного органа будет Президент Российской Федерации. В развитие положений закона Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» были утверждены: Положение о Следственном комитете Российской Федерации; перечень соответствия специальных званий сотрудников Следственного комитета Российской Федерации классным чинам прокурорских работников органов прокуратуры Российской Федерации и воинским званиям; перечень должностей в Следственном комитете Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение высших специальных званий; перечень соответствия должностей в Следственном комитете Российской Федерации, в том числе в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий, должностям, которые были предусмотрены в Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации, в том числе в военных следственных органах Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» Председатель Следственного комитета Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации без одобрения органа законодательной власти, как это было ранее. Председатель Следственного комитета Российской Федерации ежегодно представляет Президенту

Российской Федерации доклад о реализации государственной политики в установленной сфере деятельности, состоянии следственной деятельности и проделанной работе по повышению ее эффективности.

Такие изменения создали хорошие условия для борьбы с коррупцией на всех уровнях государственной власти, так как ранее это было трудно сделать, поскольку руководитель следственного комитета назначался по согласованию с вышеназванными органами государственной власти.

В настоящее время Следственный комитет Российской Федерации не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти. По сути, реализуемая им следственная власть является продолжением президентской власти и может рассматриваться как элемент сдержек и противовесов в системе разделения властей. Таким образом, несмотря на то, что вновь созданное следственное ведомство очень молодое, на наш взгляд дальнейшее развитие следственного органа будет строиться на принципах уважения к традициям, которые были заложены еще Петром 1, и в условиях современного мира будет развиваться.

Г.О. Сварян

студентка 331 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ОБЗОР РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ, ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Недра - это величайшее богатство нашей страны. Однако, к сожалению, богатства недр являются исчерпаемыми и невозстановливаемыми, и поэтому политика российского государства должна учитывать данные свойства при формировании правового механизма недропользования.

В соответствии со ст.72 Конституции Российской Федерации законодательство о недрах находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В связи с этим ст.76 Конституции Российской Федерации предоставляет субъектам право принимать свои законы и иные нормативные правовые акты, в том числе и в сфере недропользования, на основе федеральных законов. [1]

Российским государством приняты: Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.95 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» [2], Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.95 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»[4], Закон Российской Федерации от 21.02.1992 г. № 2395-1 [3] и ряд других. Принятие этих законов было обусловлено особенностями различных отношений по использованию и охране недр (инвестиционных, социальных и т.д.) и возможность развития дальнейшего законодательства в данной сфере.

Во многих субъектах Российской Федерации приняты законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения по использованию и охраны недр. К этим законам следует отнести: Закон Томской области от 12.09.2003 г. №116-ОЗ «О недропользовании на территории Томской области» [7], Закон Новосибирской области от 12.02.96 г. № 31-ОЗ «О полномочиях органов государственной власти Новосибирской области в сфере недропользования» [10] и другие. Также органами исполнительной власти субъектов принимаются и подзаконные нормативные акты, регулирующие отдельные вопросы, связанные с недропользованием. Давая характеристику законотворчества регионального уровня в сфере использования и охраны недр, необходимо отметить, что принятые законодательные акты, можно классифицировать на три групп. В нормативные правовые акты, которые относятся к первой группе, включен весь возможный комплекс деятельности в области недропользования на территории соответствующего субъекта. То есть, субъекты в своих

региональных законах в большей части скопировали содержание Федерального закона «О недрах».

Вторая группа региональных законов отличается тем, что это законодательство о недрах перестает дублировать положения федерального законодательства, а раскрывает те вопросы, которые прямо не отнесены к ведению Российской Федерации. Именно по этому пути пошли законодательные органы Омской, Томской, Читинской областей, Алтайского края (например, Закон Алтайского края от 27.12.2008 г. № 137-ЗС «О недропользовании на территории Алтайского края» [8] и др.).

И, наконец, третья группа, когда принятые нормативно-правовые акты (Кемеровская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Республика Хакасия и др.) направлены исключительно на регламентацию порядка предоставления и пользования участками недр, которые содержат месторождения общераспространенных полезных ископаемых, участками недр местного значения, а также участками недр местного значения, используемыми для строительства и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых. И содержатся ряд норм, которых нет в федеральном законодательстве, тем самым совершенствуя правовую систему в сфере недропользования (Закон Хабаровского края от 30.03.2005 г. №267 « О порядке предоставления участков недр местного значения» [9] и др.).

В целом же наличие различных подходов к формированию регионального законодательства о недрах объясняется еще и тем, что региональное законодательство позволяет учесть региональные и местные геологогеографические, социально-экономические и культурно-исторические условия и особенности соответствующих территорий.

На наш взгляд, развитию регионального законодательства необоснованно препятствует излишне централизованное федеральное законодательство. Так в ряде субъектов были приняты законы,

регулирующие отношения в сфере использования нефти и газа, но они признавались утратившими силу. (Например, закон Тюменской области "О нефти и газе" от 22 марта 1999 г. N 90 отменен законом от 28 декабря 2004 г. N 300 и так далее.) А все потому, что проект Федерального закона "О нефти и газе" принимался Федеральным Собранием Российской Федерации в 1995 г., хотя, в дальнейшем он не вступал в законную силу, так как на него было наложено вето Президента Российской Федерации.

Есть законы в субъектах, которые содержат ряд важнейших норм, не урегулированные соответствующим образом федеральным законодательством. Так, Закон «О недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» от 26.06.2012 г. N 56-ЗАО [6] содержит определение и детальное толкование такого термина, как лицензионное соглашение (договор). Ещё одним из таких новаций является закон Ханты-Мансийского автономного округа, где говорится о систематизации информационных ресурсов. В Законе «О недропользовании» от 18.04.1996 г. N 15-ОЗ [5] предусмотрено формирование и ведение лицензионного дела по каждому выделенному в пользование участку недр.

Законотворчество в сфере использования и охраны недр должно быть основано, на наш взгляд, с учётом интересов Российской Федерации и её субъектов. Таким образом, региональное законодательство постоянно развивается, совершенствуется, устраняет имеющиеся пробелы и противоречия, постепенно все более и более превращаясь в самостоятельный, самодостаточный и жизненно важный пласт законодательства Российской Федерации, в сфере недропользования.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 05.02.2014 г.) // СЗ РФ 2014. №15. Ст.1691.
2. О континентальном шельфе Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1995 г. №187 – ФЗ (ред. от 30.09.2013 .) // СЗ РФ . 1995. №49. Ст.4694; портал pravo.ru 01.10.2013 г.

3. О недрах: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 г. №2395-1 (ред. от 28.12.2013 г.) //СЗ РФ. 1995. №10. Ст.823.
4. О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон от 30.12.1995 г. №225-ФЗ (ред. от 19.07.2011 г.) // СЗ РФ.1996.№1.Ст.18.
5. О недропользовании: Закон Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 18.04.1996 г. №15 – ОЗ (ред.от 25.06.2012 г.) // Новости Югры.2005.№3.
6. О недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе: Закон ЯМАО от 26.06.2012 г.№56-ЗАО // Ведомости Законодательного Собрания ЯМАО. 2012. №5-2.
7. О недропользовании на территории Томской области: Закон Томской области от 12.09.2003 г. №116-ОЗ (ред.09.04.2012 г.) // Официальные ведомости Государственной Думы Томской области. 2003. №22(83).
8. О недропользовании на территории Алтайского края: Закон Алтайского края от 27.12.2008 г. № 137-ЗС (ред. от 06.02.2012 г.) //Сборник законодательства Алтайского края.2008.№152, ч.2. Ст.151.
9. О порядке пользования участками недр местного значения: Закон Хабаровского края от 30.03.2005 г. № 267 (ред. от 27.06.2012 г.) // СЗ Хабаровского края. 2005. №4(33); 2012. №8(13).
10. О полномочиях органов государственной власти Новосибирской области в сфере недропользования: Закон Новосибирской области от 12.02.1996 г. №31–ОЗ (ред.от 07.11.2012 г.) // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. 1996.№8.

В.В. Солопов

студент 133 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

В данной работе я представляю тему, которая на данный момент является весьма актуально и, так как она касается деятельности органов внутренних дел до 2018 года. План деятельности, представленный главным управлением МВД, состоит из четырёх целей, а именно:

Обеспечение безопасности участников дорожного движения;
Обеспечение качества и доступности государственных услуг;
Строительство и развитие внутренних войск МВД России;
Более подробно хочу рассмотреть цель –

Защита населения от организованной преступности и проявлений экстремизма.

Работа по достижению цели проводится по трем направлениям.

Первое направление - «Эффективный заслон коррупции и экономической преступности».

Мероприятия по этому направлению деятельности направлены на пресечение коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами, осуществляющими контрольно-надзорные и разрешительные функции, по защите бюджетных средств, выделенных на крупные инвестиционные проекты с государственным участием.

Запланированы ключевые события по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, связанных с использованием оффшорных компаний и фирм-однодневок.[1]

Проблема реализации данного направления состоит в несовершенстве (несовершенности) законодательства, а именно с запретом вывода «отмытых» денег в оффшоры, отсутствии судебного опыта по доказательству фиктивных разводов чиновников с жёнами с целью избавиться по документам от незаконно нажитого имущества путём переписи на жену, а также пока ещё не принятый федеральный закон, предусматривающий дополнение УК РФ статьёй 164.1 «Хищение бюджетных средств, а равно финансовых активов государственной компании и (или) государственной корпорации».

Второе направление - «Пресечение деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу».

Меры по реализации мероприятий по пресечению противоправной деятельности организованных групп, сформированных по этническому принципу, будут ориентированы на обеспечение наступательности этой деятельности. В регионах со сложной криминогенной обстановкой предполагается создание (за счет перераспределения численности) специализированных подразделений органов внутренних дел.[1]

Проблемой данного направления является то, что значительное влияние на состояние оперативной обстановки в сфере этнической преступности оказывает деятельность так называемых «воров в законе», в большинстве случаев, контролирующей деятельность данных групп. По информации органов внутренних дел, в настоящее время значительную часть (70,0%) «воров в законе» составляют уроженцы государств Закавказья. За прошедший год задержаны 43 «вора в законе», из которых к уголовной ответственности привлечены - 18.

Значительная проблема заключается в том, что из 883 этнических преступных группировок, выявленных внутренними органами (их точное количество может быть гораздо больше) задержано 608. Это значит, что 275 группировок продолжают свою деятельность.

Третье направление - «Противодействие проявлениям национального и религиозного экстремизма».

Ключевыми событиями данного направления являются меры по выявлению и применению установленных законом мер к лицам, причастным к экстремистской деятельности, пресечению фактов распространения материалов, содержащих призывы к социальной, расовой, национальной и религиозной розни, экстремистской литературы.

Планируется принять дополнительные меры по усилению информационного взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран, направленного на пресечение деятельности ячеек международных экстремистских организаций, а также перекрытие каналов незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ, используемых при осуществлении экстремистской деятельности.[1]

Проблемой данного направления является Интернет, через который в последние годы стала распространяться деструктивная идеология, так как интернет служит для лидеров радикальных структур инструментом вербовки новых членов, средством коммуникации и организации экстремистских и террористических акций.

«Как показывает практика, большинство новых членов радикальных экстремистских организаций были вовлечены в их деятельность именно посредством сети Интернет. В связи с этим МВД России и другие правоохранительные органы уделяют данной проблеме самое пристальное внимание.

Так, в 2013 году пресечена деятельность 274 сайтов, с помощью которых осуществлялись призывы к расовой и религиозной розни, а также вербовка в ряды радикальных организаций. В сети Интернет и электронных СМИ удалено 7163 аудио и видеоматериала, внесенных в Федеральный список экстремистских материалов Российской Федерации, признано судами экстремистскими, запрещены к распространению на территории Российской Федерации и внесены в федеральный список экстремистских материалов Российской Федерации 205 Интернет-ресурсов и материалов.

За распространение экстремистских материалов привлечено к уголовной ответственности 186 лиц, к административной ответственности - 386, органами прокуратуры в информационных сетях объявлено 1107 предостережений, 523 Интернет-ресурса закрыто для доступа.

В результате принятых мер удалось сократить количество экстремистского контента, размещаемого в сети Интернет.»[2]

Также проблемой данного направления является отсутствие опыта «заманивания» кадров из подполья (данный метод давно используется зарубежными странами. Например, Соединённые Штаты Америки).

В заключение вышесказанного хотелось бы добавить, что для более эффективного осуществления данных целей надо:

- принимать меры по пресечению коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами, осуществляющими контрольно-надзорные и разрешительные функции;
- внедрять эффективные формы и методы оперативно-служебной деятельности по защите бюджетных средств, выделенных на крупные инвестиционные проекты с государственным участием;

- обеспечивать наступательность при реализации мероприятий, направленных на пресечение преступной деятельности организованных групп, сформированных по этническому принципу.

- осуществлять последовательные действия по выявлению и применению установленных законом мер к лицам, причастным к экстремистской деятельности, а также следовало бы активизировать органы прокуратуры, ФМС, ФНС, таможенные службы и иные правоохранительные органы.

А также, по моему мнению, следовало бы создать специальность для обучения студентов в ВУЗе, которая будет направлена на обучение борьбы с компьютерными преступлениями. Потому что бедующее практически все завит от ЭВМ и сети интернет.

Список используемой литературы:

- 1.http://pda.mvd.ru/plan_mvд_2018
- 2.http://pda.mvd.ru/plan_mvд_2018/Hod_vipolnenija_Plana_dejatelnosti_MVD_R/Publikacii_intervju_kommentarii/Cel_IV_Zashhita_naselenija_ot_organizova

И.А. Спиридонов

магистрант Института второго высшего и
дополнительного профессионального образования
ФГБОУ ВПО «СГЮА»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь, как известно процессуальная фигура, выполняющая основную работу на стадии досудебного производства по уголовному делу. Осуществляя свою деятельность, следственный аппарат сталкивается с массой различных проблем в различных по своему характеру и виду

ситуаций. Каждый раз, осуществляя возложенные законами Российской Федерации права и обязанности следователь реализует один из принципов уголовно-процессуального права - принцип независимости и самостоятельности следователя. Данный принцип направлен не только на обеспечение деятельности следователя, но и на защиту прав граждан. Согласно мнению М.С. Строговича следователи «независимо от ведомства, в котором они состоят, - это наделенные широкими полномочиями деятели российской юстиции, сочетающие в своей деятельности основные процессуальные функции - уголовное преследование или обвинение лиц, совершивших преступления, защиту граждан от неосновательного привлечения к ответственности и разрешение дела по существу» [4, с 48-49].

В теории права следователь согласно ст. 38 УПК РФ процессуально самостоятельная фигура. Следователь обладает кругом полномочий, позволяющим осуществлять возложенные на него обязанности, но так ли это просто. Следователь при возбуждении уголовного дела является процессуально самостоятельным, он может принять решение, как о возбуждении уголовного дела, так и об отказе в возбуждении дела, но свободен ли он, в процессуальном смысле принимая такое решение. На практике дело обстоит следующим образом, возбуждая уголовное дело, следователь направляет в прокуратуру материал в подтверждение обоснованности возбуждения дела. Разве следователь самостоятельно не может решить этот вопрос? Разве нельзя решить вопрос возбуждения уголовного дела в одном ведомстве? И почему необходимо отчитываться перед прокурором? Да, действительно как же прокурор сможет поддерживать обвинение в суде если он первоначально не согласен с решением следователя о возбуждении уголовного дела. Ведь прокурор должен быть уверен в том, что обвинение выдвинуто в соответствии с законом, иначе может возникнуть ситуация в которой ему придется отказаться в суде от предъявляемого обвинения. На самом же деле на таком первоначальном этапе как возбуждение уголовного дела согласие прокурора лишь фикция, на этом

этапе не всегда очевидно, что было действительно совершено преступление, действительность совершения преступления должна быть доказана в процессе расследования. К примеру, по уголовным делам об изнасиловании даже на завершающих этапах следствия трудно абсолютно достоверно говорить, что половой акт был совершен насильно. Продолжение работы в таких неочевидных условиях и выбор возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела должен зависеть от сложившегося у следователя мнения. В итоге контроль прокурора за возбуждением уголовного дела оставить нужно, но лишь в виде его уведомления о том, что данное дело было возбуждено.

Так же, мешает эффективной деятельности следователя и ограничивает его процессуальную самостоятельность, разрешение суда на проведение обыска и прослушивания телефонных переговоров. Подобные разрешения суда как проверка законности деятельности следователя сокращают время следователя, которое он мог бы тратить на более продуктивное расследование уголовных дел. Рассматривая подобные решения, суд отнимает у следователя время, которое он тратит на подготовку материала, подтверждающего обоснованность и необходимость обыска или прослушивания телефонных переговоров, составления постановления об осуществлении данной деятельности, передаче этих документов в суд, ожидании решения, вынесенного по этому материалу. Конечно, как показывает практика, суд не вмешивается в деятельность следователя, однако возможность судебного контроля на стадии предварительного расследования, говорит об обратном. Подобная позиция и практика утверждения разрешений на подобные действия доказывает, что это скорее не эффективный механизм, а дополнительная инстанция контролирующая деятельность следователя, которая допустима лишь в случае грубого нарушения законности в его действиях. Представляется возможным передать полномочия по утверждению подобных ходатайств руководителю следственного органа. Следует согласиться с профессором П.Г. Марфициным, который выделил в процессуальной самостоятельности

следователя такой элемент как право усмотрения [1, с.50], включая туда возможность решения вопросов связанных с возможностью оценки доказательств и принятия решений по основным вопросам предварительного следствия, полагая, что у следователя достаточно средств на защиту своего законного мнения, посредством обжалования требований руководителя следственного органа и прокурора.

Вместе с тем, в научной среде имеются идеи о необходимости усиления главенствующей роли прокурора за следствием и в частности за неправомерными действиями на стадии возбуждения уголовных дел[2].

Всем известно, что хорошим специалистом можно стать, только работая в конкретной сфере, а разбираться во всем и вся, как в наше время должен делать прокурор, невозможно. Процессуальный надзор за деятельностью следователя является компетенцией руководителя следственного органа, который не является препятствием для процессуальной самостоятельности следователя, он скорее всего – его наставник[5,с.26]. Исследователями этой проблемы было замечено, что процессуальный контроль, которым занят прокурор и процессуальное руководство за деятельностью следователя это два разных объекта, которые якобы невозможно совместить в одном должностном лице. Так, Соловьев А.Б. считает, что совмещение функций руководства и надзора в лице руководителей следственного органа это вполне нормально[3, с.13]. Другой вопрос в необходимости совершенствования этого института.

Подобно строгому отцу за правильностью деятельности следователя следят суд и прокуратура, надзирая за каждым и без того осторожным действием следователя. Складывается впечатление, что государство намеренно установило эти ограничения, будучи неуверенным в деятельности следователя, постоянно перестраховываясь и передавая для проверки каждый шаг и каждый документ следователя. Тем не менее, стоит помнить, что ошибается каждый, и исключить это совсем не возможно, для того и создан контроль руководителя следственного органа. Однако, под слишком строгим

контролем уверенность следствия угасает, возникают сомнения в необходимости осуществления тех или иных процессуальных действий, что не может не сказаться на эффективности следствия, поскольку невозможно вести осуществлять уголовное преследование лица, если опасаясь за каждый свой шаг.

Возможным путем выхода из данного кризиса было бы повышение роли руководителей следственных органов и изменение порядка санкционирования тех или иных следственных действия. Следует предать руководителям следственных органов право разрешать производство таких следственных действий, на которые в настоящее время требуется разрешение суда. Это не ограничит права обвиняемого, поскольку гарантией обеспечения законности процессуальных действий, производимых в отношении него следователем, служит право обвиняемого – приносить жалобу на действия и решения следователя и принимать участие в их рассмотрении судом, установленное п.14 ч.4 ст. 46 УПК РФ.

Список использованной литературы:

1. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект). Монография. Омск, 2002. С.50
2. Петров А.В., Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела// "Законность", 2013, N 7 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. N 3. С. 13
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968.,с.48
5. Чечулин И.В. О полномочиях руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // "Российский следователь", 2013, N 21. С.26

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Уголовно-правовые меры играют особую роль в борьбе с незаконным оборотом леса и лесопродукции. На сегодня одной из нерешенных проблем уголовно-правового регулирования является квалификация действий лиц, совершивших рубку деревьев на землях лесного фонда без разрешительных документов и незаконно распорядившихся ими. Нелегальный оборот леса, как общественно-опасное явление, подразумевает под собой систему взаимосвязанных преступлений, которые можно условно разделить на три этапа. Первый и ключевой этап – собственно незаконная рубка лесных насаждений, ответственность за которую предусмотрена в ст. 260 УК РФ.[1] С объективной стороны преступление состоит в незаконной рубке, а равно повреждении лесных насаждений и деревьев, кустарников, лиан, не отнесенных к таковым.[2] Именно с совершения ряда действий, предусмотренных в диспозиции данной статьи, и начинается незаконная деятельность по реализации лесных ресурсов.

Лесной Кодекс под рубками лесных насаждений подразумевает «процессы их спиливания, срубания».[3] Однако по смыслу ст. 260 УК РФ рубкой следует считать и любой иной способ отделения дерева, кустарника, лианы от земли (корчевание, выпалывание, выдергивание и др.). Виды рубок, виды допустимых к порубке насаждений определяются ст. 16 и ст.17 ЛК РФ.

Незаконной является рубка насаждений с нарушением требований законодательства, например, без оформления необходимых документов, либо в объеме, превышающем разрешенный, либо с нарушением породного или возрастного состава, либо за пределами лесосеки.[4] В качестве таких

разрешительных документов могут выступать: решение о предоставлении лесного участка; проект освоения лесов, получивший положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы; договор аренды лесных насаждений; договор купли-продажи; государственный или муниципальный контракт на выполнение работ по охране, защите и воспроизводству лесов. Само по себе наличие вышеуказанных документов еще не является основанием для придания рубке абсолютно легального характера, если при этом нарушены содержащиеся в нем условия (например, производство рубки не на отведенном участке, не в том количестве или не тех пород деревьев, какие указаны в документе, до или после сроков, указанных в нем).

Главным критерием, позволяющим отграничить преступление от аналогичного административного правонарушения, является, конечно же, причинение ущерба и определение его размера. При определении размера рубки или повреждения следует иметь в виду, что Постановлением Правительства РФ утверждены Таксы для исчисления размера ущерба, причиненного лесным насаждениям, а также Методика исчисления размеров вреда, причиненного лесам.[5]

Обязательным условием при квалификации данного преступления, является установление причинной связи между незаконной рубкой или повреждением предмета преступления и значительным размером ущерба.

Незаконные рубки в соответствии с российским законодательством относятся к экологическим преступлениям и наносят значительный ущерб экономике России. Как правило, рубки, совершенные преступными организациями, не являются конечной целью их нелегальной деятельности, а влекут за собой совершение ряда экономических преступлений в сфере оборота лесной продукции.

Таким образом, следующим этапом организованной преступной деятельности в сфере оборота леса является его заготовка. Заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность,

связанную с рубкой лесных насаждений, их трелевкой, частичной переработкой, хранением и вывозом из леса древесины. Перечень видов деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается, устанавливается уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти - Федеральным агентством лесного хозяйства.[6] Заготовка осуществляется с целью удобства последующей продажи лесного сырья. Данный этап тесно связан с деятельностью незаконных лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий, на которых лес, прежде чем «отправиться» из рук нелегального продавца в руки покупателя, приобретает обработанную форму и может быть пригоден в хозяйственных целях. Использование лесов, представляющее собой предпринимательскую деятельность, осуществляется на землях лесного фонда лицами, зарегистрированными в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ч. 3 ст. 25 ЛК). На этапе заготовки, в свою очередь, могут совершаться следующие преступления: ст. 171 УК РФ — «Незаконное предпринимательство»; ст. 174 УК РФ — «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»; ст. 174.1 УК РФ — «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»; ст. 289 УК РФ — «Незаконное участие в предпринимательской деятельности».

Заключительный этап деятельности по незаконному обороту леса — реализация незаконно срубленной и обработанной древесины. Древесина, заготовленная нелегально, в большинстве случаев тем или иным способом легализуется, т.е. снабжается сопроводительными документами, обеспечивающими возможность ее экспорта или поставки потребителям, требующим подтверждения легальности происхождения лесной продукции. Наиболее обычным способом легализации такой древесины является

составление смешанных партий, состоящих из древесины легального и нелегального происхождения, к которым прикладываются сопроводительные документы на легально заготовленную древесину. Часто одни и те же разрешительные документы используются неоднократно, при поставках древесины разным потребителям, сама же продажа осуществляется через длинные цепочки поставок, начало которых очень сложно отследить и т. п.[7, с.136]. Таким образом, на третьем этапе, участников преступления можно привлечь к ответственности по следующим статьям: ст. 175 УК РФ - «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем»; ст. 194 УК РФ - «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»; ст. 198 УК РФ - «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица»; ст. 199 УК РФ - «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации»; ст. 327 УК РФ - «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков».

Необходимо также отметить, что на любом из этапов, в связи с коррупционной подоплекой рассматриваемых преступлений, вероятно совершение ряда должностных преступлений: ст. 285 УК РФ - «Злоупотребление должностными полномочиями»; ст. 286 УК РФ - «Превышение должностных полномочий»; ст. 290 УК РФ - «Получение взятки»; ст. 291 УК РФ - «Дача взятки»; ст. 292 УК РФ - «Служебный подлог»; ст. 293 УК РФ - «Халатность» и другие.

Таким образом, как мы видим, проблемы при квалификации преступлений, составляющих незаконный оборот лесных ресурсов, связаны в основном с их множественностью. К тому же, данные преступления, совершаются, как правило, организованно. То есть при квалификации по совокупности преступлений, судам бывает сложно учесть все обстоятельства дела, определить меру наказания для каждого соучастника и решить по какой статье квалифицировать действия данных лиц. Это связано также с недостатками предварительного расследования, когда должностные лица

правоохранительных органов не так тщательно, как нужно было бы, проверяют причастность лиц. В результате данные лица привлекаются к ответственности лишь по нескольким статьям, хотя на деле, возможно, что их действия подпадали под признаки и иных составов преступлений.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2013. № 44. Ст. 5641.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - 13-е изд., перераб. и доп. // СПС Консультант плюс (дата обращения: 22.03.2014).
3. Лесной кодекс РФ: Федеральный закон от 04.12.2006 № 201-ФЗ (ред. от 12.03.2013) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278; 2013. № 52. Ст. 6961, 6971, 6880.
4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 // Российская газета. 31.10.2012. № 251.
5. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства: Постановление Правительства РФ от 8 мая 2007 г. N 273 (ред. от 26.11.2007) // СЗ РФ. 2007. № 20. Ст. 2437.
6. См.: Об утверждении Правил заготовки древесины: Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 1 августа 2011 г. N 337 // Российская газета. № 11. 20.01.2012.
7. Жеребкин Г.Н. Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. Анализ нелегальных рубок на российском Дальнем Востоке и методика их расследования. - Владивосток: WWF России, Апельсин, 2011.

А.А. Шапова

студентка 331 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНОМНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Среди многообразия следов, обнаруживаемых на месте происшествий, важное место занимают биологические следы: крови, спермы, пота, волос, частиц тела человека и т.д. Данные следы, как правило, являются объектами исследования традиционной биологической экспертизы. Но в последнее время прослеживается и тенденция роста исследований биологических

объектов в рамках геномной экспертизы (ДНК-анализ), которую нередко называют «золотым стандартом криминалистики», что очевидно обоснованно.

Геномная экспертиза – это новый вид судебно-биологических исследований, производимый в целях получения доказательственной информации в части установления личности, а так же биологического родства человека на основе специальных знаний в области криминалистики, молекулярной биологии и генетики человека.

Важно отметить, что геномная экспертиза появилась в Великобритании. Генетиком Алексом Джефффризом 3 сентября 1984 года было обнаружено, что ДНК каждого человека неповторимо и уникально – как уникальны отпечатки пальцев. Он заметил, что цепочки ДНК отличаются, когда рассматривал рентгеновские снимки ДНК, и назвал их «генетическими отпечатками». Так появилась «генетическая дактилоскопия». Криминалистика явилась областью, которой впервые практически применялось это открытие [1].

Летом 2012 года были внесены изменения в УПК РФ, касающиеся обязательной государственной геномной регистрации неопознанных трупов (часть 2 статьи 178). Это должно помочь в дальнейшем установлении их личности. Геномные экспертизы необходимы так же для установления личности преступника по биологическим следам, оставленным им на месте преступления[2].

ДНК - есть носитель наследственной информации об индивидууме и при проведении биологической экспертизы является источником всех генетически обусловленных признаков. Молекула ДНК представляет собой полимер, состоящий из структурных единиц – нуклеотидов, которые расположены в определенном порядке, уникальном для каждого индивидуума, что и делает его ДНК неповторимой. ДНК это устойчивая биологическая структура, которая сохраняет способность к тестированию в течение 3-х лет.

Изученная в ходе исследования последовательность участков ДНК расшифровывается и переводится в цифровую форму, понятную только специалисту. Такие лаборатории организованы в России более чем в 30 городах, и оснащены по последнему слову техники, на уровне передовых зарубежных экспертных центров.

Выделения организма человека и частицы его тканей и органов являются предметами-носителями генетического материала, а именно:

- биологические жидкости (кровь, слюна, пот, сперма, выделения из носа и др.) в жидком виде или в виде пятен на различных предметах;
- отдельные волосы или пучки волос с корневыми луковицами;
- фрагменты тканей человеческого тела (кусочки кожи, обломки ногтей, частицы мышечной ткани, кусочки костей, выбитые зубы и т.п.);
- повседневные потожировые выделения человека.

В отличие от традиционных видов исследования биологических следов, при производстве геномной экспертизы доказательственная информация может быть получена и при исследовании минимального количества биологического материала: единичного волоса, а так же при исследовании старых и деградированных, т.е. частично разрушенных образцов. Это возможно, потому что в ходе проведённых реакций, количество копий необходимого участка ДНК увеличивается в миллионы раз. К тому же, для назначения и производства экспертизы пригодны следы в независимости от срока давности их образования.

В рамках геномной экспертизы возможно решение двух основных задач:

- идентификация личности по следам биологического происхождения, когда в качестве образца для сравнительного исследования представляется образец крови или буккального эпителия проверяемого лица;
- установление биологического родства лица по образцам крови его ближайших биологических родственников.

Следует отметить, что производство экспертизы позволяет решить и другие задачи. Например, оправдание невиновных либо оклеветавших себя лиц.

Для производства судебно-геномной экспертизы необходимо представить:

- вещественные доказательства – предметы со следами биологического происхождения (пятна крови, спермы, слюны и др.); фрагменты тела человека (мышечная ткань, костный материал, волосы с корневыми луковицами и др.);

- образцы биологических жидкостей проверяемых лиц (крови, слюны, спермы и др.) в жидком или высушенном виде (марлевые, ватные тампоны, фильтровальная бумага);

- материалы уголовного дела – по согласованию с экспертом (сведения об условиях обнаружения и изъятия вещественных доказательств, результаты судебно-медицинской экспертизы и т.п.).

На разрешение судебно-геномной экспертизы могут быть поставлены следующие основные вопросы:

1. Имеется ли в пятне крови (биологической жидкости) генетический материал, пригодный для проведения идентификационного исследования?

2. Происходят ли пятна крови (слюны, спермы и т.п.), имеющиеся на одежде потерпевшего Н., от подозреваемого М.?

3. Какова половая принадлежность биологических следов на вещественном доказательстве?

4. Подтверждается или исключается биологическое отцовство гр. Н. в отношении ребенка М., родившегося 22 апреля 2005 г. у гражданки С.?[3]

Учет данных ДНК биологических объектов осуществляется в соответствии с Приказом МВД РФ № 70 от 2006 года и ФЗ № 242 «О государственной геномной регистрации в РФ» от 2008 года. В нашей стране в рамках проведения государственной геномной регистрации формируется федеральная база данных генетической информации по неопознанным

трупам, неустановленным лицам, биологический материал которых изъят с места происшествия, а так же лицам осужденным и отбывающим наказания в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Основанием постановки объектов на учет является поступление объектов с постановлением о назначении экспертизы в экспертно-криминалистическое подразделение.

Учет данных ДНК ведется в виде картотеки данных ДНК на бумажных носителях, а так же в электронной базе. Генетическая характеристика, вносимая в базу данных представляет собой обозначение нескольких признаков, записанных в виде буквенно - цифрового кода, понятного только специалисту. Только одна из записанных позиций отвечает за пол человека. Из остальных нельзя узнать ни о его росте, цвете волос, ни о его психике, ни об аллергических реакциях. Это европейский стандарт, он исключает использование базы данных против тех людей, у которых эти пробы были взяты.

Во многих зарубежных странах практика геномных исследований при раскрытии преступлений и идентификации личности погибших сложилась уже давно. Впервые такие исследования появились в Англии.

Существуют проблемы при производстве такого исследования, которые являются очагом дискуссий в рядах ученых. Даже в США, где геномные исследования проводятся повсеместно в качестве судебных экспертиз, и имеются собственные банки данных ДНК, до сих пор нет однозначного мнения по поводу точности такого анализа. Так, ряд ученых высказывает мнение о большом влиянии субъективной оценки на результаты исследования. Если эксперт или иное лицо изначально знает личность преступника, а геномные исследования проводятся для дополнительного подтверждения его причастности к совершенному деянию, то в большинстве случаев имеет место предвзятый анализ данных. Здесь срабатывает психологический фактор внутренней убежденности в виновности этого человека. Но если те же самые данные предоставить для исследования

человеку, не имеющему никаких конкретных сведений, то исследования могут привести не к однозначно утвердительному результату, а к вероятностному.

Так, в уголовно-процессуальной практике США уже неоднократно встречались проблемы идентификации личности преступника по геномным исследованиям ввиду несхожести данных ДНК, изъятых из клеток различных тканей[2].

Таким образом, исследования ДНК являются большим прорывом в поисково-познавательной деятельности по идентификации личности, но заключения экспертов в силу целого ряда обстоятельств нередко носят вероятностный характер, что не позволяет их использовать в качестве надежных доказательств по уголовным делам.

Список использованной литературы:

1. Была открыта уникальность ДНК – «генетические отпечатки». URL: <http://www.calend.ru/event/5361/> .html (дата обращения: 15.04.2014)
2. Проблемы геномных экспертиз. URL: http://largo.ru/blog/legal/post/problemy_genomnykh_ekspertiz-497/ .html (дата обращения: 16.04.2014)
3. Кобзарь С.И. Организация назначения криминалистических экспертиз и использования их результатов в расследовании преступлений: Учебное пособие / МВД Украины, Луган. гос. ун-т внут. дел им. Э.А. Дидоренко. – Луганск: РИО ЛГУВД, 2007

Р.А. Юсупов

студент 133 гр. направления «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В конце двадцатого века в правовой системе России произошли изменения, основанные на принципах демократии, они нашли свое отражение во всех отраслях российского права, в частности на уголовно-процессуальном законодательстве. Новый курс в уголовно-процессуальном

праве направлен на обеспечение прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

Однако, несмотря на реформирование уголовно-процессуального законодательства и приведения его к международно-правовым стандартам, проблема нарушения права личности заключенной под стражу остается актуальной.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс конкретизирует правила помещения под стражу и закрепляет принцип защиты всех лиц, задержанных на каком-либо основании. Этот принцип играет важную роль в уголовном процессе и предупреждает превышения полномочий сотрудников государственных структур для достижения целей уголовно-процессуальной деятельности. К сожалению, современной российской правовой действительности известно множество прецедентов нарушения прав лиц, находящихся под стражей. В связи с этим очевидно, что данная процессуальная отрасль нуждается в дальнейшей модернизации и реформации.

Согласно УПК РФ «задержание подозреваемого - это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления». Несмотря на относительно кратковременный характер задержания, оно является наиболее суровым и тяжелым, с психологической точки зрения, видом уголовно-процессуального принуждения. Во время задержания человек ограничивается в правах и испытывает множество неудобств. Нарушается физическая и нравственная неприкосновенность в связи с халатным отношением сотрудников государственных структур.

Широко распространен прецедент превышения мер при задержании, применения физической силы по отношению к подозреваемому. С целью ограничения подобных нарушений при задержании соблюдаются

необходимые условия, которые заключаются в ознакомлении с основаниями задержания, причинами подозрения и предоставления защитника.

В теории, если данные условия не соблюдены, то задержание не должно быть произведено, однако на практике эти условия не соблюдаются, что не мешает производить аресты, тем самым нарушая законодательство РФ.

По мнению И.А. Либуса именно процессуальная форма, с четким порядком условий и оснований применения мер позволяет наиболее точно исследовать обстоятельства дела и выяснить истину. Наряду с этим обеспечивается охрана и защита личности от произвольных посягательств. С этим И.А. Либуса нельзя не согласиться, ведь четкая регламентация процесса способствует выяснению достоверной информации и как следствие вынесения объективного решения.

Согласно УПК сотрудники внутренних дел несут обязанности. В частности уполномоченные лица в ходе осуществления уголовного судопроизводства обязаны:

- 1) разрешать вопросы уголовного дела в пределах своей компетенции;
- 2) осуществлять свои полномочия беспристрастно, объективно;
- 3) мотивировать принимаемые в пределах своей компетенции постановления, определения, приговор;
- 4) соблюдать сроки совершения соответствующих процессуальных действий и т.д.

Считается, что снизить уровень незаконных и необоснованных заключений под стражу, тем самым предотвратить нарушения законодательства со стороны уполномоченных лиц может следующее:

- 1) более жесткий контроль со стороны органов надзора;
- 2) подготовка высококвалифицированных кадров по спец. программе подготовки, в которой заложен принцип гуманизма;
- 3) повышение уровня правовой культуры сотрудников правоохранительных органов;

4) снижение уровня нагрузки на сотрудников и т.д.

В то же время, в связи с ростом уровня преступности, ее масштабности, циничности и жестокости происходит детерминация ведения жесткой и решительной борьбы государства с нарушителями закона. Принуждение и некоторое ограничение прав задержанного в данном случае является необходимым средством защиты общества государством от преступников.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее важным и перспективным является соблюдение прав и свобод личности и провозглашение ее высшей ценностью. Но построение правового государства с учетом российских криминальных реалий невозможно без жестких и решительных действий, в рамках закона, со стороны государственных структур для поддержания порядка в стране.

СОДЕРЖАНИЕ

Афицинский В.А.

Отождествление личности по неопознанному трупу:
вопросы организации и практического применения.....4

Аширбекова М.Т.

Об инструментах объективной и формальной истин
в доказывании по уголовным делам.....17

Баранова М.А.

Отдельные особенности проверочных действий
на стадии возбуждения уголовного дела.....23

Блаживская О. Е.

Право собственности по Соборному уложению 1649 года:
понятие, формы и виды.....28

Богатова Е.В.

Система контроля и надзора
на первоначальном этапе расследования преступлений
по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года.....34

Глухова Е.О.

История становления и развития правоохранительных органов России.....39

Давыдова Н.Н.

Принципы построения классификационной модели преступлений.....44

Евстигнеева О.В.

О защите частных и публичных интересов
как содержательном элементе принципа справедливости.....51

Зайцева Е.А.

Совершенствование правового положения участников
экспертно-процессуальных отношений.....56

Иваницкий С.А.

Реформа адвокатуры в Украине
как предпосылка надлежащего обеспечения права лица
на защиту в уголовном судопроизводстве.....63

Крепица В.Ю.

Коллизии в законодательном регулировании
информационных прав граждан.....67

Манова Н.С.

Ведомственный контроль за деятельностью следователя:
проблемы правовой регламентации.....72

Михайлова Ю.Н., Францифоров Ю.В.

Полномочия суда апелляционной инстанции в уголовном процессе.....79

Несмачная Н.В.

Правовые системы, регулирующие выдачу лица
для осуществления уголовного преследования
или исполнения приговора.....84

Овчинникова Н.О.

Историческая трансформация взглядов
на проблему пробельности в праве и ее влияние
на уголовный процесс.....91

Омарова А.С.

О реализации функции обвинения в кассационном производстве.....96

Пронин К.В.

Преодоление неопределенности, связанной с наличием у суда сомнений
в конституционности примененной или подлежащей применению
правовой нормы в уголовном судопроизводстве.....102

Разгельдеев Н.Т., Крепица В.Ю.

Правовые проблемы защиты информационных прав граждан
при реализации процессуального законодательства.....108

Решетников В.Я., Семенова И.В.

Гражданское общество и полиция:
на пути взаимодействия и сотрудничества.....118

Стефанчук М. Н.

К вопросу о реформировании функций прокуратуры Украины
вне пределов уголовной юстиции.....125

Сэндуляк К.И., Белоносов В.О.

Практика применения и пути совершенствования
условно-досрочного освобождения.....131

Туктарова И.Н.

Преступления против несовершеннолетних: криминологический аспект....137

Фомичев П.В.

Принятие решения о производстве следственных действий
как фактор обеспечения процессуальной самостоятельности следователя..143

Францифорова С.С.

Понятие частноправового средства
регулирования общественных отношений.....149

Хижняк Д.С.

Понятие и признаки транснационального преступления.....153

Шамонова Т.Н.

Необходимо ли участие эксперта в следственных действиях.....158

Шошин С.В.

Инновационность современных корректировок
российского уголовного законодательства.....166

Юрина Л.Г.

Некоторые проблемы реализации новел
уголовно-процессуального законодательства
в области защиты прав потерпевшего.....171

Айтмухаметова Л.С.

Модернизация органов предварительного расследования.....178

Акульшин В.С.

История российской адвокатуры 1864-1917 годов.....183

Антонова В.В.

Проблемы реформирования деятельности исправительных учреждений....190

Арефьева М.С.

Роль разъяснений конституционного суда РФ
по вопросу принятия акта амнистии.....194

Васильченко Н.В.

Следственные действия при расследовании доведения
до самоубийства несовершеннолетних.....200

Воронина В.О.	
Женская преступность: современное положение и причины.....	204
Вторцев А.А.	
Роль суда в защите прав и свобод человека при назначении наказания.....	210
Ганиева В.В.	
Личность преступника как социальный и психологический тип.....	214
Гудиева М.С.	
Уголовно-правовая борьба с бандитизмом.....	219
Иванникова А.О.	
Казачество как субъект деятельности правоохранительных органов.....	223
Князева О.А.	
Проблемы реализации законопроекта «О полиции».....	228
Козлова М.П.	
Некоторые аспекты криминализации незаконной банковской деятельности.....	233
Королева А.С.	
Проблемы деятельности администраций воспитательных колоний по предупреждению преступлений несовершеннолетних: причины и пути их решения.....	238
Максимова Ю.С.	
Некоторые аспекты декриминализации причинения вреда здоровью.....	242
Очиченко И.М.	
Понятие предупреждения преступности.....	248
Ренева И.Д.	
История развития Следственного комитета России.....	252
Сварян Г.О.	
Обзор регионального законодательства в сфере недропользования, для целей правоохранительной деятельности.....	258
Солопов В.В.	
Проблемы реализации основных направлений деятельности органов внутренних дел России.....	262

<i>Спиридонов И.А.</i>	
Некоторые вопросы процессуальной самостоятельности следователя	266
<i>Хмызенко С.Ю.</i>	
Преступления в сфере незаконного оборота лесных ресурсов: проблемы квалификации.....	271
<i>Шапова А.А.</i>	
Современные возможности геномной экспертизы.....	275
<i>Юсупов Р.А.</i>	
Нарушение прав человека в уголовном процессе.....	280

Научное издание

ПРАВО И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Материалы

*Международной научно-практической
конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов,
магистрантов, аспирантов*

25 апреля 2014 г.

Выпуск 1

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Д. Авдошина*

Подписано в печать 09.12.2014 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆ . Усл. печ. л. 13,1
Тираж 300 экз. Заказ № 11.

РИЦ Поволжского кооперативного института
413100, г. Энгельс, ул. Красноармейская, 24